

ИСТОРИИ РУССКОЙ ПРОВИНЦИИ
историко-просветительский журнал № 4 (115)
издание второе, дополненное

ОРЕЛ ПОД АНДРЕЕВСКИМ ФЛАГОМ

**К 320-летию Андреевского флага,
200-летию Георгиевского кормового флага
и 110-летию освящения крейсера «Орел»**

Орловское отделение Общероссийского общества развития
русского исторического просвещения «Двуглавый Орел»

Молодежное братство
во имя Великомученика и Победоносца Георгия

г. Орел, 2019 г.

Сборник «Орел под Андреевским флагом» продолжает серию выпусков журнала «Истории русской провинции» «За веру и верность», изданных в 2006 г. к 310-летию Российского Военно-морского флота и в 2009 г. к 310-летию Андреевского флага. К уже ранее опубликованным материалам журнала напечатаны новые статьи и дополнения к ним, напоминающие о том, что Орловский край может гордиться своей морской славой.

На первой обложке:

- 1 ряд — фрегат «Орел», линейный корабль «Азов»,
- 2 ряд — госпитальное судно «Орел», крейсер «Орел»,
- 3 ряд — ПСКР «Орел», АПРК «Орел».

На последней обложке:

Участники Георгиевских сборов в Орле, студенческой регаты «Регион 57», чемпионатов и первенств Орла и Орловской области.

СОДЕРЖАНИЕ

Константин Грамматчиков ОРЕЛ ПОД АНДРЕЕВСКИМ ФЛАГОМ	5
Михаил Смолин 15 БЛИСТАТЕЛЬНЫХ ПОБЕД РУССКОГО ПАРУСНОГО ФЛОТА	11
Олег Волков КОРАБЕЛ ПЕТРА ВЕЛИКОГО	17
М. Скоробогатов СТРУГОВАЯ ПРИСТАНЬ В ОРЛЕ	25
Илья Куприянов АДМИРАЛ ГРАФ НИКОЛАЙ ГОЛОВИН	29
Дмитрий Корсаков ЧЛЕН АДМИРАЛТЕЙСТВ-КОЛЛЕГИИ ГРАФ ГРИГОРИЙ ЧЕРНЫШЕВ	37
Дмитрий Бантыш-Каменский ГЕНЕРАЛ-ФЕЛЬДМАРШАЛ ОТ ФЛОТА ГРАФ ИВАН ЧЕРНЫШЕВ	44
Олег Борисов ВЛАДИМИР РЖЕВСКИЙ. ОРЛОВСКИЙ СЛЕД В СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ ПРИ ЕКАТЕРИНЕ II	52
Александр Польшинкин КУЛЬМСКИЙ КРЕСТ АФАНАСИЯ ДУБРОВИНА	60
Александр Польшинкин ДМИТРИЙ ДЕМИДОВ – УЧАСТНИК ОТКРЫТИЯ АНТАРКТИДЫ	65
Елена Ашихмина МАРДАРИЙ МИЛЮКОВ: «ПЕРВЫЙ ВО ФЛОТЕ ЗНАТОК МОРСКОГО ДЕЛА»	73
Константин Грамматчиков ОРЛОВЦЫ – ЗАЩИТНИКИ СЕВАСТОПОЛЯ	81
Клавдия Лукашевич ЧЕТВЕРТАЯ БАТАРЕЯ И ЕЕ НАЧАЛЬНИК НИКОЛАЙ КОСТОМАРОВ	87
Александр Польшинкин КАПИТАН I РАНГА ДМИТРИЙ ИЛЬИНСКИЙ – ГЕРОЙ ОБОРОНЫ СЕВАСТОПОЛЯ	99

Лев Демин

**ВОИН РИМСКИЙ-КОРСАКОВ – АДМИРАЛ,
ПЕРВООТКРЫВАТЕЛЬ, ПЕДАГОГ**..... 108

Константин Грамматчиков

**ОРЛОВСКОЕ ПРАВОСЛАВНОЕ ВОИНСТВО
В РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЕ**..... 121

Валентина Филимонова

**ПОСЛЕДНИЙ БОЙ КАПИТАНА
КОНСТАНТИНА ЮРАСОВСКОГО**..... 130

Константин Грамматчиков

С КРЕСТОМ В АРМИИ И НА ФЛОТЕ..... 145

Вячеслав Звягинцев

КОМАНДИР «ПАНТЕРЫ» АЛЕКСАНДР БАХТИН..... 149

Константин Грамматчиков

КОРАБЛИ С ИМЕНЕМ «ОРЁЛ»..... 156

Виктор Яровой

ПАРОХОД-КРЕЙСЕР «ОРЁЛ»..... 161

КРЕЙСЕР «ОРЕЛ» 163

Никита Кузнецов

**«ПОСЛЕДНИЕ ГАРДЕМАРИНЫ. ПЕТРОГРАД –
ВЛАДИВОСТОК – СЕВАСТОПОЛЬ – БИЗЕРТА.
1918–1925»**..... 167

Юрий Россолов, Вера Ступникова

АПРК «ОРЁЛ» 173

ПСКР «ОРЁЛ» 176

Елена Ашихмина

**ОРЛОВСКИЙ ВОЕННО-МОРСКОЙ КЛУБ
И ПЕТР ЛЕВАНОВ** 179

Константин Грамматчиков

**ХРАНИТЕЛЬ СЛАВЫ 57-го ЯХТ-КЛУБА
ЭДУАРД МИХАЙЛОВИЧ ПУГАЧ**..... 183

Мария Позднякова

**СЫГРАТЬ С ВЕТРОМ «В ШАХМАТЫ». СВЕТЛАНА
КРОТОВА ХОДИТ ПОД ПАРУСОМ УЖЕ 60 ЛЕТ**..... 188

Константин Грамматчиков

**ИСТОРИЯ ПАРУСНОГО СПОРТА ОРЛОВСКОЙ
ОБЛАСТИ ЧЕРЕЗ ИСТОРИЮ ПАРУСНОГО
ФЛОТА РОССИИ**..... 192

ОРЕЛ ПОД АНДРЕЕВСКИМ ФЛАГОМ

320 лет тому назад, в день памяти Апостола Андрея Первозванного (13.12/30.11) 1699 г., по Высочайшему указу Царя Московского Петра Первого в России был учрежден Андреевский Военно-морской флаг Российского Военно-морского флота.

Он — Первозванный, и всегда
Идет по зову в никуда,
Где нет протоптанной тропы,
Не обозначены столбы,
Не создан для него уют,
И где его совсем не ждут.

Прах отряхнув с усталых ног
И помолившись на Восток,
Он вновь идет на первый зов,
Ответив Богу: «Я ГОТОВ».

(Светлана Янтарина).

*Памятник Апостолу Андрею
Первозванному
на территории Казанской
Алексиево-Сергиевой
пустыни в Пензенской
области*

Апостол Андрей Первозванный был братом Апостола Петра, являвшегося небесным покровителем будущего Императора Петра Великого. По преданию, Апостол Андрей первым из Апостолов прошел через земли Руси, где позже появились Киев и Великий Новгород, неся Свет и Проповедь Христа Спасителя. Царь Петр подготовил несколько проектов флага России, один из них стал Военно-морским флагом. Сохранилось его Царское описание: «Флаг белый, через который крест св. Андрея того ради, что от сего апостола приняла Россия святое крещение». В Русском Императорском флоте последними словами командира во время напутствия экипажу перед боем были: «С нами Бог и Андреевский флаг». Андреевский флаг представляет собой полотнище с косым крестообразным голубым крестом в белом поле. Форма флага напоминает х-образный крест, на котором в 67 г.н.э. был распят Апостол Андрей в г. Патра (Греция) за проповедь Христовой веры. Апостол Андрей, первый из призванных учеников Христа, был рыбаком — наставником моряков, считается

покровителем России, а его путешествия в пределы будущей Руси, зафиксированные в «Повести временных лет» летописцем Нестором, свидетельствуют о христианской преемственности нашего государства еще с апостольских времен.

Одновременно с Андреевским флагом Царем Петром был утвержден орден Апостола Андрея Первозванного, ставший высшей наградой Российского государства, с девизом «За Веру и Верность». Первым его кавалером стал граф, фельдмаршал и первый русский адмирал граф Федор Михайлович Головин, имевший имение Молодовское городище в Кромском уезде. Его сын, адмирал граф Николай Федорович Головин, также кавалер ордена Апостола Андрея, владел селом Тагино в верховьях Оки. Среди кавалеров ордена Андрея Первозванного немало орловских дворян: генерал-аншеф граф Г. П. Чернышев, его сыновья дипломат граф П. Г. Чернышев, глава военной коллегии генерал-фельдмаршал граф З. Г. Чернышев, глава адмиралтейств-коллегии генерал-фельдмаршал по флоту граф И. Г. Чернышев, фельдмаршал граф М. Ф. Каменский, его сын, генерал от инфантерии граф Н. М. Каменский, сенатор граф А. А. Нарышкин, брат Императора Александра Третьего Великий Князь Сергей Александрович Романов, младший брат Императора Николая Второго Великий Князь Михаил Александрович Романов и другие.

200 лет тому назад, 17 (5) июня 1819 г., Императором Александром Первым в память Наполеоновских войн и победы под Кульмом (17-18.08.1813), в которой отличился Гвардейский экипаж Гвардейского корпуса, был учрежден Андреевский Георгиевский флаг. Ранее Император 26.08.1813 г. наградил Гвардейский экипаж Георгиевским знаменем. Георгиевский кормовой флаг предназначался для кораблей, комплектовавшихся из офицеров и матросов Гвардейского экипажа, в 1819 г. были утверждены Георгиевские флаги адмирала, шлюпочные вице-адмирала и контр-адмирала, Георгиевский вымпел и Георгиевский брейд-вымпел. За исключительные подвиги Император Николай Первый дал право поднимать Андреевский Георгиевский флаг двум кораблям: за Наваринское сражение 29 декабря (17) 1829 г. был награжден флагманский линейный корабль «Азов» под командованием капитана 1-го ранга М. П. Лазарева за бой 8.10.1827 г., а 9 августа (28 июля) 1829 г. за победу в неравном бою с двумя турецкими кораблями бриг «Меркурий» под командованием капитана 1-го ранга А. И. Казарского в бою 14.05.1829 г. Впоследствии по традиции Георгиевские кормовые флаги носили корабли-преемники «Память Азова» и «Память Меркурия».

Георгиевские знаменные флаги были пожалованы экипажам Черноморского флота за оборону Севастополя с 13.09.1854 г. по 27.08.1855 г.

После 1917 г. Андреевские флаги были упразднены большевиками 29.12.1917 г. Одним из немногих кораблей, где не был спущен флаг в 1917 г., был крейсер Сибирской флотилии «Орел», названный именем города Орла.

Бриг «Меркурий»

С началом гражданской войны на кораблях флотилий белых армий были подняты Андреевские флаги. И только 30 октября 1924 г. в туниском порту Бизерта, куда из Крыма прибыла эскадра Черноморского флота на последнюю стоянку, на кораблях стоявших на рейде был спущен Андреевский флаг. Возможно свидетелем этих событий стал поэт-эмигрант Кирилл Ривель.

Африканское солнце Бизерты.
Средиземного моря лазурь.
Занесли нас октябрьские ветры
В край, далекий от классовых бурь.

Отгорели года роковые,
И снаряды разбили мосты...
Над последней эскадрой России
Голубые трепещут кресты.

Вновь кострами в сердцах огрубевших
Память высветит черные дни,
Где артурский герой поседевший
Умирал на штыках матросни,

Где для нас не жалели патронов,
Но пред тем, как тела убивать,
Золотые срывали погоны,
Чтобы честь и присягу отнять.

Пережившие гибель Державы
Корабли на приколе стоят.
Им уже не вернуться со славой
В Гельсингфорс, Севастополь, Кронштадт!

Ждут напрасно невесты и жены,
Мы успели сродниться с тоской,
Только жаль, к материнской ладони
Не прижаться, как в детстве щекой...

Отгорели года роковые
И снаряды разбили мосты...
Над последней эскадрой России
Голубые трепещут кресты.

В наши дни стала известна поэзия Сергея Бехтеева предвидшего возрождение России и канонизацию Царской Семьи, уроженца Орловской губернии, среди предков которого моряки, георгиевские кавалеры, участники многих морских сражений написавший в эмиграции пророческие стихи о возрождении Андреевского флага.

В Бизерте далекой чужая вода
В волне отражает родные суда,
И море лазурное грустно поет
Былину про русский потопленный флот,
Про славные битвы прошедших веков,
Про удаль и смелость былых моряков,
Про Чесменский бой и забытый Кагул,
Седой Наварин и заветный Стамбул.
Приходят, уходят чужие суда.
Играет и плещет под килем вода,
И с завистью ловят глаза моряков
Рedeющий флер уходящих дымок...
Но время печали и скорби пройдет,
Воскреснет наш русский рассеянный флот,
И снова увидит исконный наш враг
На мачтах дредноутов Андреевский флаг.
В железных кольчугах с холодного дна
Их вынесет снова седая волна,

И, грозно построив свой блещущий строй,
Пойдут они смело в решительный бой.

Вновь Андреевские флаги были подняты на Российском флоте после 26 июля 1992 г., в том числе на двух кораблях, носящих имя города Орла: АПРК «Орел» на Северном флоте и ПСКР «Орел», несущем службу на Дальнем Востоке у берегов Камчатки.

В 2001 г. при «Православном молодежном братстве во имя Великомученика и Победоносца Георгия» в Орле был создан парусный клуб, получивший наименование «Апостол Андрей». Тогда впервые за всю историю Орловского края прошли первые соревнования по парусному спорту в классе «Виндсерфинг» (20 лет назад впервые орловские парусники приняли участие в «Кубке Балтики» в Санкт-Петербурге в 1999 г., в год 300-летия Андреевского флага). В 2002 г. на базе клуба «Апостол Андрей» была зарегистрирована «Федерация парусного спорта Орловской области», прошли первые чемпионаты и первенства Орла и Орловской области по парусному спорту.

За свою историю члены Андреевского клуба и Георгиевского братства стали участниками многих соревнований и поисковых экспедиций, в том числе в местах, связанных со святым Апостолом Андреем Первозванным, побывав в Абхазии, Крыму, Великом Новгороде, Санкт-Петербурге, Севастополе, Пскове, Печерах, на Соловках и Валдае. Результатом этих поездок стали изданные сборники к знаковым датам Российского флота, выставки, конкурсы детского рисунка, фоторабот «За Веру и Верность», проводившиеся в различных музеях, библиотеках, учреждениях культуры и учебных заведениях Орловской области, посвященные уроженцам Орловщины, прославившим Андреевский флаг на Российском флоте.

Команда «Орел» у храма Андрея Первозванного, где был освящен Андреевский флаг. Заяцкий остров, Соловки, 2009 г.

Кают-компания ОФПС. 13.12.2019 г.

В 2002 г. в Орле появилась организация ветеранов флота «Флоту–быть!», много делающая для популяризации Российского флота и Андреевского флага, в тесном взаимодействии с которой проводятся многие мероприятия. «Флоту–быть!» ведет поисковую работу по сохранению памяти лыжных бригад, сформированных из моряков-тихоокеанцев, воевавших на Орловщине в годы Второй мировой войны. К 315-летию в 2011 г. и 320-летию в 2016 г. Российского флота на базе МЧС и СШОР № 10 проводились молодежные Георгиевские сборы под Андреевским флагом. К 200-летию Андреевского Георгиевского флага в июне месяце в 12-й раз прошли спортивно-патриотические «Георгиевские сборы» для школьников. Самые достойные участники сборов приняли участие в «Суворовской регате» в Тульской области, регате «Алый парус» в Москве, чемпионатах и первенствах Воронежа, Липецка, Ярославля, Курчатова, Геленджика, Орла, регате «Регион 57», посвященной 350-летию похода первого русского военного корабля «Орел» и 250-летию начала Архипелагских экспедиций Русского Императорского флота. К 320-летию Андреевского флага и 110-летию крейсера «Орел» проведены чемпионат и первенство Орловской области по парусному спорту, в Орловском военно-историческом музее демонстрировалась выставка «Последние гардемарины», созданная Домом русского зарубежья имени А.И. Солженицына. В Москве в рамках конференции «Под сенью Андреевского флага» были показаны материалы о мероприятиях «Орловской ФПС» по увековечению моряков и памяти кораблей, носивших имя города Орла.

Константин ГРАММАТЧИКОВ,
*издатель журнала «Истории русской провинции», руководитель
Орловского отделения Общества русского исторического
просвещения «Двуглавый Орел»*

15 БЛИСТАТЕЛЬНЫХ ПОБЕД РУССКОГО ПАРУСНОГО ФЛОТА

Русский военно-морской флот был создан русскими Царями и Императорами для активной защиты русских интересов по всему миру.

Самые яркие боевые страницы связаны с действиями против Швеции и Турции, соперниками России на Балтийском, Чёрном и Эгейском морях. Каждый из этих противников — и Швеция, и Турция — в результате менее чем столетней последовательной военной борьбы перестали существовать как военно-морские державы.

Кратко охарактеризуем наиболее славные победы русского флота:

1. «Русский орёл мух не ловит». Гангутское сражение 27 июля (7 августа) 1714 года. Сражение произошло во время Северной войны 1700–1721 годов между русскими и шведскими эскадрами в Балтийском море, около полуострова Ханко.

Целью русского флота была высадка войска для усиления русского гарнизона в Або в современной Финляндии. Шведский флот (15 линейных кораблей, 3 фрегата и ещё 11 судов) под командованием адмирала Г. Ваттранга преградил путь русскому гребному флоту (99 галер, скампавей и вспомогательных судов) с десантом в пятнадцать тысяч человек под командованием генерал-адмирала Ф. М. Апраксина.

Лично Пётр I решил применить тактический манёвр и перебросить часть своих галер через перешеек севернее Гангута. Шведский командующий отрядил эскадру адмирала Эреншёльда (1 прам «Элефант» (в переводе «Слон»), 6 галер и 3 шхербота, 116 орудий, 941 моряка), чтобы воспрепятствовать русским.

Но воцарившийся штиль помог русскому флоту пройти мимо шведского и взять на abordаж всю эскадру Эреншёльда. Шведов было убито 361 человек, а остальные взяты в плен. Русские потеряли 127 человек, и 342 было ранено.

Победа была ознаменована воздвижением арки с изображением Орла, сидящего на спине Слона, с надписью «Русский орёл мух не ловит».

2. «Добрый почин». Эзельское сражение 24 мая (4 июня) 1719 года между русскими и шведскими эскадрами на Балтике, около острова Сааремаа, современная Эстония. Семь русских кораблей атаковали 3 шведских и заставили их спустить флаги. Потери шве-

Гренгамское сражение, Ф. Перро

дов составили 50 человек убитых, 14 раненых, ещё 387 сдались в плен. Это была первая победа в морской артиллерийской дуэли корабельного русского флота.

Царь Пётр I назвал эту победу «добрым почином».

3. «Приблизивший Ништадтский мир». Гренгамское сражение 27 июля (7 августа)

1720 года между русской гребной эскадрой под командованием генерал-аншефа князя М. М. Голицына (61 галера и 29 лодок) и шведской эскадрой под командованием К. Г. Шёбла (1 линейный корабль, 4 фрегата, 3 галеры, 3 шхербота, шнява, галиот и бригантина, 156 орудий). Русские, отступая, заманили шведские корабли на мелководье, где, перейдя в контратаку, взяли на бордаж четыре фрегата (103 убито, 407 взято в плен), остальные отступили.

Русский потери: 82 убито, 236 ранено.

4. «Граф Орлов Чесменский». Чесменская битва 24–26 июня (5–7 июля) 1770 года, в ходе Первой Архипелагской операции русского флота (9 линейных кораблей, 3 фрегата и около 20 вспомогательных судов, около 6500 человек) под командованием графа А. Г. Орлова в Эгейском море против турецкого флота (16 линейных кораблей, 6 фрегатов, 6 шебек, 13 галер и 32 малых судов, около 15000 человек) под командованием капудан-паши Хусамедина Ибрагим-паши. Загнав турецкий флот в результате Хиосского боя (по одному кораблю с обеих сторон взорвались) в Чесменскую бухту, русский флот (потери 4 брандера и около 20 человек) сжёг его своим артиллерийским огнём и действиями своих брандеров в последующие два дня. Турки потеряли 15 линейных кораблей, 6 фрегатов, большинство мелких судов, около 11000 человек. Один линейный корабль и 5 галер были захвачены русскими моряками.

Русский командующий получил право прибавить к своей фамилии наименование «Чесменский».

5. «Уничтожение Дульционистского флота». Патрасское сражение 26–29 октября (6–9 ноября) 1772 года в ходе русско-турецкой

войны 1768–1774 годов в Эгейском море. Русская эскадра (2 линейных корабля, 2 фрегата и три мелких судна, 224 пушки) под командованием капитана 1-го ранга М. Т. Коняева разгромила турецкую эскадру (9 фрегатов, 16 шебек, 630 пушек) под командованием капудан-паши Мустафы-паши. В ходе трёхдневного сражения были уничтожены русской артиллерией и сгорели от brandскугелей 9 фрегатов, 10 шебек и более 200 турок. Русские потери: 1 убит и 6 ранены.

6. «Рубка на рейде». Первое Роченсальмское сражение 13 (24) августа 1789 года в Финском заливе во время русско-шведской войны 1788–1790 гг. Русский флот (86 кораблей) под командованием принца К. Г. Нассау-Зиген разгромил шведский флот (49 кораблей) под командованием адмирала К. А. Эренсверда на рейде города-крепости Роченсальм, современный финский город Котка. Шведские потери: 39 кораблей (в том числе и адмиральский, захваченный в плен), 1 000 убитых и раненых, 1 200 пленных. Русские потеряли 2 корабля и около 1 000 человек убитыми и ранеными.

7. «Прогон сквозь строй». Ревельское сражение 2 (13) мая 1790 на Балтике во время русско-шведской войны 1788–1790 гг. Корабли шведского флота (22 линейных корабля, 4 фрегата и 4 вспомогательных судна) под командованием герцога Карла Зюдерманландского, проходя мимо боевой линии русского флота (10 линейных кораблей, 5 фрегатов и 9 вспомогательных судов) под командованием адмирала В. Я. Чичагова, по очереди подверглись долговременному сосредоточенному огню всей русской артиллерии, были «прогнаны сквозь строй», терпя жестокие повреждения. В результате шведы потеряли 1 корабль уничтоженным, 1 взятый в плен и 1 посаженным на мель, 61 моряк был убит, 71 ранен и 520 взяты в плен. Русские потери: 8 убитых и 27 раненых.

8. «Трафальгар Балтики», или «Выборгские шпицрутены». Выборгское сражение 22 июня (3 июля) 1790 года на Балтийском море в ходе той же русско-шведской войны. Русский флот (50 линейных кораблей и фрегатов, 20 галер, 8 гребных шхерных фрегатов, 52 малые галеры, 21 000 матросов и солдат) под командованием адмирала В. Я. Чичагова блокировал шведский флот (22 линейных корабля, 13 фрегатов, 366 малых судов, 3 000 орудий, 30 000 матросов и солдат) под командованием короля Густава III и принца Карла Зюдерманландского в Выборгском заливе после очередной неудачной попытки захватить Санкт-Петербург. Прорываясь, шведы потеряли 7 линейных кораблей, 3 фрегата, почти 60 малых кораблей

*Выборгское сражение
С картины Herman af Sillen*

и до 7 тысяч убитыми, ранеными и пленными. Русские потеряли 117 убитыми и 164 ранеными.

9. «Контр-адмиралу Ушакову великое спасибо». Сражение у Керченского пролива 8 (19) июля 1790 года во время русско-турецкой войны 1787–1791 годов между русским флотом (10 линейных кораблей, 6 фрегатов и 17 других судов, 837 пушек) под командованием вице-адмирала Ф. Ф. Ушакова

с турецким флотом (10 линейных кораблей, 8 фрегатов, 36 других судов, 1100 пушек) под командованием капудан-паши Гиритли Хусейн-паши, шедшим на завоевание Крыма. Сконцентрировав артиллерийский натиск на турецкий флагман, русский командующий получил победу. Турки бежали, потеряв один корабль, понеся большие потери в составе своего десанта.

Императрица Екатерина II выразила нашему командующему «контр-адмиралу Ушакову великое спасибо».

10. «Неожиданное нападение». Сражение у мыса Тендра 28–29 августа (8–9 сентября) 1790 года в Чёрном море во время русско-турецкой войны 1787–1791 годов. Русский Черноморский флот (10 линейных кораблей, 6 фрегатов и 21 вспомогательное судно, 830 пушек) под командованием контр-адмирала Ф. Ф. Ушакова неожиданно напал на стоящий на якорях турецкий флот (14 линейных кораблей, 8 фрегатов и 23 вспомогательных судна, 1400 пушек) под командованием Гиритли Хусейн-паши и опрокинул его строй. Турки потеряли 2 линейных корабля и 3 вспомогательных судна, флагманский линейный корабль был захвачен в плен, более 2000 человек было убито. Ещё один линейный корабль и несколько вспомогательных турецких судов затонули по дороге домой. Русские потери: 21 убитый, 25 раненых.

11. «Спуститься на неприятеля». Сражение при Калиакрии 31 июля (11 августа) 1791 года. Нынешняя Северная Болгария, русско-турецкая война 1787–1791 годов. Русский флот (15 линей-

ных кораблей, 2 фрегата и 19 вспомогательных судов) под командованием контр-адмирала Ф.Ф. Ушакова прошёл между турецким флотом (18 линейных кораблей, 17 фрегатов и 48 вспомогательных судов) под командованием Гиритли Хусейн-паши и береговыми батареями и заставил турок бежать. Турки понесли большие потери. Флагманский корабль затонул в проливе у Константинополя.

12. «У самой столицы Османской империи». Дарданелльское сражение 10 (22) — 11 (23) мая 1807 года в Эгейском море, у пролива Дарданеллы, во время русско-турецкой войны 1806–1812 годов. Проводя свою Вторую Архипелагскую операцию, русский флот (10 линейных кораблей, 1 фрегат) под командованием вице-адмирала Д.Н. Сенявина в результате сражения заставил турецкий флот (8 линейных кораблей, 6 фрегатов, 55 вспомогательных судов) под командованием капудан-паши Сеита-Али уйти обратно в проливы с потерей 3 кораблей и около 2000 человек.

Русские потери: 26 убитых и 56 раненых.

13. «Между Афоном и Лемносом». Афонское сражение 19 июня (1 июля) 1807 года в Эгейском море, между полуостровом Афон и островом Лемнос. Русский флот (10 линейных кораблей) под командованием того же вице-адмирала Д.Н. Сенявина нанёс сокрушительное поражение вышедшему вновь из проливов турецкому флоту (10 линейных кораблей, 5 фрегатов, 3 шлюпа и 2 брига) под командованием того же капудан-паши Сеита-Али.

Турки потеряли 2 линейных корабля, 2 фрегата, 1 шлюп, до 1000 человек были убиты. Один линейный корабль был захвачен вместе со 774 пленными. Ещё два корабля так и не вернулись в Дарданеллы.

Потери русских: 77 убитых и 189 раненых. Османская империя потеряла боеспособность своего флота на целое десятилетие.

14. «Поступленно будет с неприятелем по-русски». Наваринское сражение 8 (20) октября 1827 года, Эгейское море. При прощании с русской эскадрой (9 кораблей) под командой контр-адмирала Л.П. Гейдена, на корабле «Азов» Император Николай I произнёс: «Надеюсь, что в случае каких-либо военных действий поступленно будет с неприятелем по-русски».

Соединённая русско-англо-французская эскадра (10 линейных кораблей (4 русских, 3 английских, 3 французских) из 10 фрегатов (4 русских, 4 английских, 2 французских), 4 брига, 2 корветов (1 русский), и 1 тендер) поддерживала греческое освободительное движение и столкнулась с противодействием турецкого флота (3 линейных

ОРОО «Флоту—быть!» на Кривцовском мемориале под Болховом

корабля, 17 фрегатов, 30 корветов, 28 бригав, более 10 других судов). Сражение произошло в Наваринской гавани, где были уничтожены свыше 60 турецких кораблей и более 4000 матросов. Особо отличился флагманский

линейный корабль «Азов» русской эскадры, уничтоживший пять турецких кораблей, в том числе и турецкий флагман. Впервые в русском флоте «Азову» был присвоен за это сражение Георгиевский флаг.

Потери союзников: 181 убитых и 480 раненых.

15. «Синопская резня». Синопское сражение 18 (30) ноября 1853 года. Место действия — Чёрное море во время Крымской войны 1853–1856 годов. Русская эскадра (6 линейных кораблей, 2 фрегата, 3 парохода, 720 пушек) под командованием вице-адмирала П. С. Нахимова в гавани Черноморского побережья Турции разгромила турецкий флот (7 фрегатов, 3 корвета, 2 парохода и 2 транспорта, 478 пушек и 44 береговых орудий) под командованием вице-адмирала Осман-паши.

Турки потеряли все 7 фрегатов, 2 корвета, около 3000 человек были убиты и ранены, 200 пленных (вместе с адмиралом).

Синопское сражение стало последним крупным сражением парусных флотов.

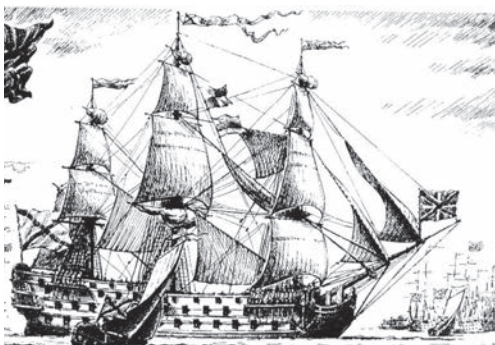
О людях подвига и победы, деяния которых мы описали, лучше всех сказал великий М. И. Кутузов: «Железная грудь ваша не страшится ни суровости погод, ни злости врагов: она есть надёжная стена Отечества, о которую всё сокрушится».

Михаил СМОЛИН,
кандидат исторических наук, г. Москва
Сайт «Царьград»

КОРАБЕЛ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Три века назад по бесконечным российским просторам двигался экипаж. По казённой надобности к новому месту службы ехал молодой гвардеец Преображенского полка. Торопился, подгонял ямщиков. Не по простому делу спешил, по государеву. Написать бы про бешеные скачки, храпящих жеребцов, облака пыли из-под копыт. Вспоминаются бессмертный Гоголь и его птица-тройка. А ещё можно красиво описать, как свистнет ящик по-разбойничьи, разнесётся громовым раскатом «Гра-а-а-абят!», и понесутся воронье во весь дух. Испуганные вороны разлетаются во все стороны, бабы с пустыми вёдрами прячутся по переулкам. Картина! Только далека от реальности, плод современного кинематографа. Печально известные наши дороги не позволяли безнаказанно лихачить. А ремонт в пути — дело долгое и не весёлое. Вот и поспешали, особенно не разгоняясь. Днём и ночью, познав зимнюю стужу и одуряющий зной, в дождь и распутицу катили по дорогам и просёлкам экипажи и кареты, возки и сани-розвальни. То быстро ехали, трясясь и выматывая душу, то медленно, частенько застревая в непролазной грязи. Выпрыгивал преображенец на дорогу в щегольских ботфортах, снимал треуголку, отстёгивал шпагу и, напрягая силушку богатырскую, вызволял экипаж. И снова спешил из конца в конец необъятной России по делам. Корабли государевы строить — не было в ту пору дела важнее.

Почтовые станции, постоянные дворы, смена лошадей, чай из самовара. И наверняка клопы да блохи, куда же без них. Коротание времени разговором со случайным попутчиком, обмен новостями — и снова в путь. Не терпит промедления государево дело! Корабли, как воздух, нужны. Вот только не делаются они из воздуха, всё больше из леса. Лес нужен, да не абы какой, а строевой. Дубы вековые, сосны корабельные, а на вёсла для галер годится только отборный яшень. И всё нужно найти, заготовить, перевезти, просушить, а потом уж в дело пустить. Выполнить детали строго по чертежам и на стапелях собрать корабль. А потом ещё много чего: проконопатить, просмолить, покрасить, оснастить. И паруса нужны особые, по типу корабля, такелаж и мощь огневая. Как венец постройки — название корабля и флаг Андреевский, перед противником не спускаемый. Последние слова командира экипажу перед боем: «С нами Бог и Андреевский флаг». А потом — бой и либо гибель, либо победа — виктория.

Линейный корабль «Петр I и II»

Катит по дороге экипаж. Задумался гвардеец-преображенец. О чём задумался? О семье оставленной или о делах предстоящих? А может, о кораблях построенных и плаваниях заграничных. Пора бы с ним познакомиться.

Итак, нашего героя звали Пальчиков Филипп Петрович.

Происходил из семьи потомственных служивых людей. Родился в Наугорском стане Болховского уезда. Его отец, Пальчиков Пётр Иванович, служил в Москве солдатом-копейщиком, довольно типичная картина для обедневших потомков старых дворянских родов. Предки Пальчиковых владели землями под Болховом ещё с 16-го века. В роду дворян Пальчиковых были известные люди. Обличитель Лжедмитрия Афанасий Пальчиков был распят при занятии Болхова войсками Ивана Болотникова на крепостной стене и принял мученическую смерть. Его сын, Гордей Афанасьевич Пальчиков, стрелецкий голова, отличился в 1614 году при захвате мятежного атамана Ивана Заруцкого и жены Лжедмитрия Марины Мнишек.

За Петром Ивановичем Пальчиковым значились 15 четей помещной и вотчинной земли и крестьянский двор. Ну и семья, конечно, жена и четверо сыновей: Степан, Филипп, Иван и Максим. Их нужно было прокормить на жалованье солдата-копейщика. Копейщики — это русские воины пешего строя, вооружённые копьями. В ту пору это было очень эффективное средство против прорыва вражеской конницы. Ощетинится отряд воинов тяжёлыми четырёхметровыми копьями, словно огромный ёж, врагу и не подобраться. И было таких воинов много. Кстати, и в более поздние времена знаменитый Михаил Илларионович Кутузов командовал Луганским пикинерным полком.

Вернёмся к Пальчиковым. Служба была тяжёлая, жалованье небольшое. Уходили, подрастая, сыновья из дому. Родившийся в 1682 году Филипп ушёл служить матросом на создаваемый Государем флот в 1699 году. Видимо, отличился, потому что через год

был переведён в бомбардирскую роту лейб-гвардии Преображенского полка. Самая знаменитая рота во всей армии, капитаном был не кто-нибудь, а сам Царь. Отбор в бомбардирскую роту вёлся тщательно. Люди были незаурядные, всегда готовые и способные выполнить любое порученное задание. Смело брались за дела новые, ранее не изведанные. Воля Царя Петра и кипучая энергия его сподвижников, «птенцов гнезда Петрова», творили чудеса. За считанные годы был построен флот, и Россия по праву заняла достойное место в ряду морских держав.

В 1702 году молодой бомбардир Пальчиков был послан на Соломбальскую верфь в Архангельск и отлично проявил себя при строительстве малых 12-пушечных фрегатов «Курьер» и «Святой дух». Новые поручения не заставили себя ждать. После Архангельска мы видим нашего героя на верфях Олонца, Воронежа, Таврова и на главной Адмиралтейской верфи столицы. Из конца в конец необъятной страны отправлял Царь проверенного в деле гвардейца, присвоил титул «собственный государя ученик архитектуры навалис», то есть ученик кораблестроения.

У корабелов разная специализация: кто-то обустроивает верфи, монтирует стапеля, другие отличаются непосредственно при постройке корабля. У Филиппа Пальчикова не было слабых мест, он постиг все тонкости кораблестроения и административного дела, успешно освоил приёмку кораблей и разработку чертежей. Последние отличались точностью, считались эталонными и использовались другими мастерами.

В трудах проходили годы. Царь Пётр отметил сметливого ученика и отправил продолжать образование в открывшуюся Академию морской гвардии. Она была открыта в 1715 году в Санкт-Петербурге для подготовки кадров высшего уровня. Филипп Пальчиков успешно выдержал двухгодичный курс обучения, был пожалован чином и рекомендован лично Царём для дальнейших свершений во благо государства. Не могу не привести строки петровской рекомендации. Пётр писал обер-сарваеру (главному кораблестроителю) Ивану Михайловичу Головину: «Превосходительнейший господин сарваер. Объявляю я, нижепоименованный, что ученик архитектуры навалис, Филипп Пальчиков, в сем художестве обретаlessя четырнатцат лет (орфография старая, — **авт.**). И от начала радетелно во оном градусе по градусе восходил. К тому ж блиско двух лет в курсе морском был, для примечания погрешения в плавании, чего для объявляю, что сей вышеименованный достоин быт подма-

стерьем, Пётр Михайлов. В Питербурхе в 15 день декабря 1717». Пальчиков стал первым русским кораблестроителем, получившим инженерное образование. Вот так, долгие 14 лет учёбы, из них два года в море. Постепенно, «по градусу восходил». Чинами Государь не разбрасывался, даже за большие успехи не позволял себе присваивать звания, перескакивая через чин. Внимательно присматривался к людям, а потом уж доверял.

Филиппу Пальчикову Царь особенно доверял. Ещё бы, эталонные чертежи, математические знания для расчётов, безукоризненная работа на отечественных верфях и за рубежом. Вместе они знатно потрудились в голландском городе Саардаме. Кстати, во время зарубежных командировок Пальчиков самостоятельно изучил английский, голландский и датский языки. Трудно описать весь круг освоенного им. Филипп Петрович занимался заготовкой леса, проводил набор мастеров, разрабатывал конструкции доков и стапелей. Именно он сконструировал и внедрил камели — понтонные приспособления для проводки кораблей через мели, внедрил в практику секционную постройку кораблей и впервые осуществил ремонт парусного флота в зимних условиях. Удостоился похвалы Царя и нового поручения — руководить всеми ремонтными работами в Кронштадте и Ревеле. Но и это ещё не всё. Талантливый инженер занимался судоподъёмным делом, руководил работами по подъёму затонувшего корабля «Лесное», заведовал «модель-каморой». Название непривычное, но именно так называлось это заведование, совмещавшее чертёжный архив и конструкторское бюро.

И опять двигался по российским дорогам экипаж, торопился по государевым делам мастер. К старым адресам прибавлялись новые: Вышний Волочек и Новая Ладога, Рига, Астрахань и Казань. Всюду надо успеть, время не ждёт, Россия флот строит.

После окончания войны со шведами страна праздновала великую победу. В пышных торжествах не забыли и про ботик Петра Первого. Да-да, тот самый, найденный молодым Петром в Измайлово, «дедушка русского флота». С которого всё и началось. На его вёслах Пётр Великий заработал первые трудовые мозоли. Под руководством Пальчикова ботик отремонтировали, и в 1723 году он принял участие в Кронштадтском смотре кораблей Балтийского флота. Великий русский учёный и механик Андрей Константинович Нартов вспоминал, что Император был рулевым, на вёслах сидели главные морские чины во главе с Фёдором Матвеевичем Апраксиным, а корабли салютовали из пу-

шек. «Смотрите, как дедушку внучата веселят и поздравляют», — это слова Царя-морехода.

Филипп Пальчиков своими делами заслужил право входить в ближайшее окружение Петра Великого. Он принимал участие во всех официальных мероприятиях двора, включая знаменитый «всепьянейший собор» и ассамблеи. Император не обходил наградами достойного сподвижника, жаловал землями, золотыми кубками и иконами. И не забыл во время женитьбы. На свадьбе Филиппа Пальчикова в 1711 году Пётр был шафером и держал венец над головой своего питомца во время венчания. Уважение и доверие Царя воистину не знали границ. Привезённый из Австрии беглый царевич Алексей Петрович до перевода в Петропавловскую крепость в течение двух месяцев находился под арестом в доме Пальчикова. Дом стоял возле царского дворца, если точнее, то между Зимним дворцом и Летним садом. «Каменный дом с двойными палатами на Неву реку и на Миллионную улицу». Да, высоко залетел птенец гнезда Петрова!

Но делу время, а потехе час. Кстати, эти слова принадлежат отцу Петра Великого, Царю Алексею Михайловичу. Дела — дела, нет им конца.

Пётр задумал построить 100-пушечный линейный корабль и лично возглавил все работы по проектированию и строительству, взяв себе в помощники Филиппа Пальчикова. В июне 1723 года на верфи Петербургского адмиралтейства грандиозный линкор был заложен.

Смерть Императора в 1725 году нарушила все планы. Строительство линкора было прервано на целый год, начались распри, обозначились конкуренты — строители, англичане Броун и Най. Адмиралтейств-коллегия склонялась в их пользу. Филипп Пальчиков отдал распоряжение часовым: «Корабельного мастера Бруна, чужестранных иноземцев, чернецов, попов и прочих гулящих людей на корабль не пускать». Что тут скажешь, смелый был человек. Правда взяла своё, корабль строили русские мастера под руководством опытного Федосея Моисеевича Склеява. В связи с болезнью последнего строительство линейного корабля «Пётр Первый и Второй» в 1727 году завершил Пальчиков, которому было присвоено звание мастера. Это был его личный триумф.

Потом были строительство первого наплавного моста через Неву, работы в Астрахани и Казани. Не обошлось и без опалы в годы правления Анны Иоанновны. При Бироне не приветствовались такие черты характера, как принципиальность и независи-

мость, в ходу было в основном раболепство. Филипп Пальчиков был удалён из столицы и до своей отставки в 1739 году трудился на задворках империи.

Он удостоился монаршего внимания только после восхождения на престол Елизаветы Петровны. В дни коронации Императрицы корабельный мастер Филипп Пальчиков был произведён в полковники, ему присвоен чин статского советника с оставлением в отставке. Сын солдата-копейщика, уроженец Наугорского стана стал именоваться «Ваше Высокородие».

Последние годы жизни прошли в Псковской губернии, но пока остановимся на семье нашего героя. Как говорилось ранее, женился Филипп Пальчиков в 1711 году на Пелагее Миничне Гробовой, дочери псковского дьяка Мины Ивановича Грובה. В семье родились сыновья Иван и Андрей. Они выбрали военную стезю, а по выходе в отставку поселились в своих имениях. Скончавшийся 11 октября 1744 года Филипп Пальчиков оставил своим детям большое состояние, более двух с половиной тысяч четвертей земли в разных губерниях и жилые дома.

У отставного майора Сибирского драгунского полка Ивана Филипповича были дом в Москве и значительные земельные наделы в Елецком и других уездах. Краевед из Лебедяни Николай Викторович Кривошеин, активно поднимающий пласты из истории родного края, изучил эту ветвь потомков Филиппа Пальчикова. Не оставил вниманием и его самого, опираясь на архивные материалы. А про судьбу потомков второго сына, отставного прапорщика Андрея Филипповича, удалось узнать благодаря трудам ныне покойной Натальи Николаевны Новиковой. Она работала искусствоведом, старшим научным сотрудником в Псковском музее-заповеднике. Именно в этом месте собраны сведения о семье Пальчиковых, оставивших значимый след в истории Псковского края. Трудно поверить, но в музее существует целый фонд Пальчиковых.

Наталья Николаевна Новикова в своих исследованиях псковского дворянства уделила много внимания имени Пальчиковых Щиглицы. Расположились Щиглицы в шестнадцати километрах от Пскова, на высоком берегу реки Великой. Место старинное, в соседнем имении Устье находилась известная Никольская церковь. Это имение и стало последней гаванью петровского корабеля. О чём думал он, глядя на бегущие воды? Может, вспоминал события своей бурной жизни, а может, перечитывал адресованные лично ему письма Царя-реформатора.

После кончины Филиппа Петровича и Пелагеи Миновны в права владения имением вступил их младший сын Андрей, женившийся в 1759 году на Анне Петровне Сумароцкой, дочери псковского помещика. В браке родилось восемь детей, вся семья проживала в имении. Со временем в права наследия вступил внук, Пётр Андреевич Пальчиков. В 1801 году он женится на Елизавете Томасовне фон Дитц, дочери генерала. Их сын, Владимир Петрович Пальчиков, учился в Царскосельском лицее на курс младше Александра Сергеевича Пушкина. После окончания лицея служил в Москве и в Петербурге, поддерживал связи с друзьями-лицеистами

*Портрет Владимира
Петровича Пальчикова.
Неизвестный художник.
1831 год. Псковский музей-
заповедник*

Иваном Пуциным (будущий декабрист) и Константином Данзасом (секундант Пушкина на дуэли с Дантесом, готов был драться и отомстить за поэта). Возобновились отношения и с Пушкиным, бывавшим в Щиглицах. Они приятельствовали, Владимир Петрович приносил своим друзьям новые стихи поэта и сам чуть не попал в персонажи «Евгения Онегина». В окончательный вариант романа не вошли стихи из четвёртой главы, где он выведен под фамилией Мизинчиков. Жена Владимира Петровича, Софья Алексеевна, была одарённой певицей-любительницей, обладала прекрасным меццо-сопрано. Композитор Николай Петрович Яхонтов посвятил ей оперу «Сильф». В имении регулярно устраивались музыкальные вечера и благотворительные концерты. Сестра Владимира Петровича Пальчикова, Софья Петровна, вышла замуж за декабриста Михаила Ивановича Пуцина.

Вот такие судьбы людские и переплетение имён и событий. Можно писать и писать, но остановлюсь. Хочется передать эстафетную палочку и привлечь к дальнейшим поискам молодёжь. Дерзайте! Девушки узнают много интересного о событиях романтического века, а молодые люди — о защите родной земли. И если занесёт судьба на палубу военного корабля, вспомните, с чего всё начиналось...

В заключение несколько строк для души:

*Далеко от Болхова до моря.
Перелески, взгорки да поля.
Нугрь, неторопливый на просторе.
Это наша русская земля.
Славилась сынами век от века,
В пору войн и в мирные года.
Велико призванье человека,
Освещает путь его звезда.
Ныне незаслуженно забытый,
Инженер и мастер-корабел,
При Бироне опалую битый,
Строил флот в начале славных дел.
Создавал галеры и фрегаты,
Берега Невы мостом скрепил.
В чужеземье был неоднократно.
Сам учился и других учил.
Северные верфи Соломбалы,
Олонец, Воронеж и Тавров,
Балтика и Альбион туманный.
Море — дом и мастерская — кров.
В лучших из птенцов гнезда Петрова:
«Чертежи отменно хороши».
В долгожданный клич «Отдать швартовы!»
Свой талант и творчество вложил.
За труды на благо государства
Пётр ценил и знатно привечал.
Верный духу боевого братства,
Шафером на свадьбе бывал.
Курс — вперёд! В походы боевые
Провожал эскадры мастер-шип.
Помните, потомки, это имя —
Болховчанин Пальчиков Филипп.*

Олег ВОЛКОВ,
майор запаса морской авиации
Северного флота

СТРУГОВАЯ ПРИСТАНЬ В ОРЛЕ

Краеоведами В. Г. Емельяновым, Ю. В. Семеняко, ОРОО «Флоту – быть!» и др. неоднократно поднимался вопрос о воссоздании двух утраченных памятных часовен-башен на месте бывшей Струговой пристани в г. Орле. Наличие архивных материалов позволяет с достаточной достоверностью воссоздать часовни. В качестве смыслового дополнения может быть установлен рядом с часовнями на невысоком подиуме символ, обозначающий пристань (порт) – якорь. В четырех нишах каждой часовни восстановить иконы, вписать краткую историю Струговой пристани и рельефное изображение стругов в металле. Ведь около 140 лет Струговая пристань находилась на левом, а позднее – 140 лет на правом берегу Оки.

Первую орловскую пристань древние градодельцы разместили на левом берегу реки Оки под защитой крепостных стен (место нынешнего Красного (до 1917 г. – Мариинского) моста). Речные струги – это маневренные и быстроходные суда на веслах и под парусами. Плоскодонность обеспечивала неглубокую посадку в воде, что позволяло судам добираться до самых истоков рек; на мелях их перетаскивали волоком. Зачастую они имели абордажное оснащение и небольшие палубные пушки. Струги использовались для перевозки людей и стратегических грузов: пушек, пороха, военного снаряжения, колоколов, строительного инвентаря и т. п. При строительных работах на реках для подвоза грузов – леса, камня, песка, глины и т. п. – использовались барки. Барки имели плоское дно, невысокие отвесные борта, большую поворотную лопасть с рулем в виде длинного бревна. Использовались весла, паруса. Барки поднимались вверх по течению при помощи якорей или лямочной тяги (конная упряжь или бурлаки).

Во второй половине XVII века Орловская крепость утрачивает свое значение сторожевого форпоста. Появляются обширные регионы южнее г. Орла, стремящиеся торговать с центром. Река Ока выше Орла несудоходна, до ее истока всего 80 км. Само географическое расположение Орла предопределило стать ему главным торговым городом в центральной полосе России, а орловской пристани – основным грузовым перевалочным пунктом с сухопутных дорог на водную трассу. Исследователь В. С. Бакулин в статье «Орел как хлебный район во второй половине XVII века», ссылаясь на архивные документы, утверждает, что уже в 1667 году из Орла было вывезено около 200 тысяч пудов зерна, а в 1668 году торговые

люди Москвы и Коломны на 63 судах вывезли более 300 тысяч пудов хлеба. Грузоподъемность стругов составляла 500–1500 пудов, каждый рейс заменял 180–200 подвод. С начала XVIII века Орел превращается в хлебную житницу страны. Путешественник Лукьянов в 1710 году пишет: «Пристань соленая и хлебная зело велика!.. Церквей каменных много, монастырь мужской зело хорош, ограда каменная». Из Орла вывозятся пшеница, рожь, овес, горох, просо, гречиха, конопляное масло, мед. При Петре I в Орловской провинции зарождается промышленность, вывозятся изделия ремесленников и товары стеклянных, хрустальных, кожевенных, пенькотрепальных, канатных, ткацких фабрик.

В I четверти XVIII века пристань переносится на правый берег реки Оки. Вся набережная от Банного моста до устья ручья Ленивца называлась Набережной Струговой улицей. Весеннего половодья реки было недостаточно для сплава всех грузов, и орловцы пошли на беспрецедентные по тем временам гидротехнические работы. Для поднятия уровня воды в летнее время было сооружено 10 крупных плотин с каменными откосами. Спуск воды из 67 частных прудов, расположенных ниже, буквально проталкивал огромные барки вниз по течению. Но главным водным резервом было водохранилище емкостью 200000 куб. сажен воды, созданное плотиной Хвастливой мельницы на Оке (на месте железнодорожного моста). Мельница эта по существу была одной из самых крупных мучных фабрик России. Двухэтажная, на 12 камнях вверху и 12 камнях внизу, на 24 подставках, она могла обрабатывать и крупу. Перед отправкой мука хранилась в двухэтажных амбарах, стоящих неподалеку от мельницы. Только зерновых двухэтажных амбаров в Орле было 215. Десятки тысяч подвод стекались весь год в Орел со всех южных регионов страны, накапливая в нем огромные запасы продовольствия. Пожары неоднократно истребляли хранилища, но каждый раз пристань отстраивалась заново в течение года. Так, в 1848 году огнем истребило 100000 пудов пеньки (пуд равен 16,38 кг) и 80000 четвертей хлеба.

Каждый третий горожанин был связан с работой на пристани. На каждого жителя, включая и малых детей, приходилось от 3 до 7 тонн отправляемых грузов в год. По описанию Г. Пясецкого, правый берег реки Оки кипел такой деятельностью, что «здесь в иную пору нельзя было ни пройти, ни проехать, а хаживали по возам». Весенний сплав был самым любимым праздником горожан: после молебна, при громе пушечных выстрелов, при напуганности

чуть ли не всего населения, сотни судов отходили от пристани... С первой путиной караваны по 600–700 судов отправлялись вниз по реке вплоть до Нижнего Новгорода. Иные барки были в длину 30 сажень, а в ширину по 16 сажень (сажень равна 2,13 м). Мощные барки-«гусьянки» могли поднимать 45000 пудов груза и заменяли тысячу восемьдесят подвод. Со Струговой пристани вывозилось в год 2,2 млн. пудов грузов, для перевоза их по суше потребовалось бы 90 тыс. одноконных подвод. В Орле была налажена таможенная служба. На всем протяжении Оки лоцманы, в совершенстве знавшие местный фарватер, передавали судно из рук в руки.

В 1868 г. была открыта Московско-Курская железная дорога. Пясецкий пишет: «Купцы начали продавать свои барки, и из барок стали строить дома. Наконец, неожиданное вскрытие Оки в январе 1868 года причинило окончательное уничтожение пристани. Теперь она составляет уже предмет воспоминаний: и у старой часовни ее, что против городского острога, не слышно более священных песнопений о благополучном плавании по реке Оке вниз до Волги. Замолкли навсегда и громкие песни бурлаков, что приходили сюда «о Евдокие из Нижняго».

Сохранилась фотография начала XX века часовни на левом берегу реки Оки, напротив городского острога. Часовня выполнена в классическом стиле, предположительно построена в 20-х гг. XIX века, при губернаторе Н. И. Шредере. Возможно, закладкой этой часовни мы обязаны радению губернатора о своем городе.

Другая часовня, что была у Струговского переулка (ул. Герцена), выполнена в русско-византийском стиле и могла быть построена в 60-х гг. XIX века. Губернатором тогда был Н. В. Левашов — первый почетный гражданин г. Орла. На городском плане 1964 года

указано точное место часовни, сохранилась ее фотография, выполненная Емельяновым в 1967 г. Разобрана часовня в конце 70-х годов XX века. К сожалению, время стирает из памяти людской значимые страницы истории. Но воссоздание Струговских часовен могло бы стать «веков связующую нитью», соединяющей далекое прошлое с нашим XXI веком.

Михаил СКОРОБОГАТОВ,
архитектор-реставратор

PS. В конце 90-х годов мною были выполнены проекты воссоздания двух памятных часовен XIX века — башенного типа диаметром в два аршина и одну сажень (на снимке), от которых когда-то с песнями и молебнами отправлялись суда с хлебом. Воссоздание на берегу Оки в центре города, на набережной Струговой пристани (ныне наб. Дубровинского), двух сооружений высотой около 5 метров — это градостроительная необходимость. Не использовать историческое и культурное наследие для поднятия престижа города и области неразумно. К сожалению, пока управление культуры города Орла занимает позицию глухого молчания. (Использован материал статей «Струговая пристань» и «От овина до Струговой пристани» 2003 г.).

АДМИРАЛ ГРАФ НИКОЛАЙ ГОЛОВИН

В 1707 году «село Тагин с деревнями» в качестве приданого Софьи Никитичны Пушкиной перешло к графу Николаю Фёдоровичу Головину (1695–1745).

По данным ландратской переписи 1719 года, которая учитывала только мужское население, «за графом Николаем Федорова сына Головина в селе Тагине 90 дворов крестьянских да 10 дворов бобыльских... Во дворе его графском деловые люди своей пашни не имеют, а пашут на него графа: Максим Иванов 25 лет, Никита Алферов 20 лет...; крестьяне и бобыли, которые имеют свою пашню: Леон Дементьев

45 лет, у него брат Михей 30 лет, Остафей Федотов 70 лет, у него дети Петр 20 лет, Сергей году, Михайла Иванов 60 лет...».

Николай Фёдорович Головин принадлежал к старинному и знатному боярскому роду Ховриных-Головиных и был в родстве с верхами московской знати. Его отец, Фёдор Алексеевич Головин (1650–30.7.1706), фельдмаршал и дипломат, первый русский по происхождению адмирал, был ближайшим сподвижником Петра I, принимал энергичное участие в создании русского флота, одним из первых в России получил графский титул. Английский посол в России Витворт писал в Лондон, что Головин «считается самым честным и самым смышленным человеком во всей России». Пётр I очень ценил его, называл своим другом и помощником. В 1696 году за участие в кампании против турок Ф. А. Головин был награжден золотой медалью в пять с половиной червонцев, кубком, парчовым халатом на соболях; в его владение перешло также 57 дворов в селе Молодовское городище Кромского уезда. Богато одаренный от природы, энергичный и деятельный, Ф. А. Головин внес большой вклад в дело реализации петровских предназначений, чем вполне справедливо заслужил уважение современников и потомков.

30 июля 1706 года Фёдор Алексеевич скоропостижно скончался.

Граф Ф.А. Головин

Император Петр I

У графа остались дочь и трое сыновей, двое из которых, Александр и Николай, были ещё несовершеннолетними — младшему Николаю шёл одиннадцатый, а Александр был годом старше. Царь, проявляя заботу о детях фельдмаршала, поручил попечение о них адмиралу Ф. М. Апраксину. В том же году оба мальчика были определены в Школу математических и навигацких наук — первое учебное заведение в России, готовившее технически образованных людей (моряков, инженеров, гидрографов, топографов, бомбардиров и др.). Математику в этой школе

преподавал знаменитый Леонтий Магницкий — автор первого русского учебника по предмету. К слову сказать, с момента основания Навигацкой школы в 1701 году её начальником был Ф. А. Головин.

29 октября 1707 года состоялась свадьба: юного графа Николая Головина женили на менее знатной, но богатой Софье Пушкиной. А через полгода, по указу от 31 мая 1708 года, Петр I послал своего подопечного вместе с братом Александром за границу для изучения морского дела. Шла затяжная Северная война. Россия боролась со Швецией за выходы к Балтийскому морю, и молодому Российскому флоту нужны были опытные офицеры.

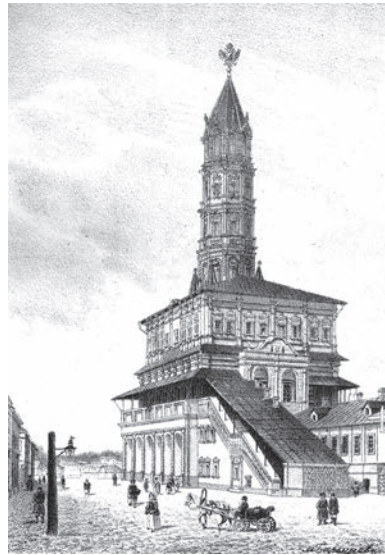
Стажировка за границей при Петре I не была праздным времяпрепровождением. Чтобы постичь все тонкости мореплавания, Николай Головин в течение года плывал на голландских судах в Балтийском море и 8 лет служил на английском флоте, на военном корабле ходил до берегов Португалии и Египта. В учебе он был прилежен и своими успехами превзошел многих своих сверстников. И не удивительно, что в 1712 году, находясь в Англии, семнадцатилетний юноша принял участие в закупке кораблей и вербовке морских офицеров для русского флота. Впрочем, соблазны юности не обошли стороной молодого графа. Получаемого жалования явно не хватало на жизнь, и в конце 1714 года за долги он был посажен в тюрьму, освободиться из которой удалось лишь после получения из России выкупа.

В 1715 году Николай Головин вернулся в Россию, получил чин поручика и был направлен на службу во флот. 3 ноября 1717 года Головину-младшему устроил экзамен сам Пётр I. Царь остался доволен познаниями моряка и произвел его в лейтенанты.

В 1719 году он в качестве доверенного лица Петра I плавал в эскадре капитан-командора Фангофта в Балтийском море, принял участие в боевых действиях против шведов. В ночь на 24 мая отличился при высадке десанта на шведский остров Эланд. В 1720 году получил чин капитана-лейтенанта и уже в следующем году, по случаю заключения Ништадтского мира, вне очереди был произведен в капитаны 3-го ранга. С 1721 по 1723 г. командовал кораблём «Арондель», а затем «Принц Евгений».

Так провёл молодые годы сын одного из первых российских графов. Корабельные каюты, учебные походы, морские баталии — обычная служба морского офицера. При Петре I громкий титул не выносил автоматически на вершину служебной лестницы. Приходилось самому брать ступень за ступенью, рассчитывая на свой талант и усердие.

Вступление на престол Екатерины I круто изменило судьбу капитана — морская служба уступила место дипломатической. Потребовалось послать в Швецию надежного человека, способного бороться за интересы России, и выбор Государыни пал на Н. Ф. Головина. В июле 1725 года его назначают чрезвычайным посланником к шведскому двору. Именно графу Николаю Федоровичу обязана Россия удерживанием Швеции от возобновления Северной войны. Несмотря на закулисные антироссийские игры английских и французских дипломатов, Головину удалось заключить со шведским правительством два договора (в 1729 и 1730 гг.). Дипломат оставил по себе хорошую память; в его честь шведы даже выбили медаль.

*Школа математических
и навигацких наук в Москве*

Граф Н.Ф. Головин

В Петербурге были довольны дипломатической деятельностью графа. Он быстро рос по службе. 28 апреля 1726 года Головин был произведён в капитаны 2-го ранга, спустя всего неделю, 5 мая, — в генерал-адъютанты по флоту (чин капитана 1-го ранга), а в апреле 1730 года — в контр-адмиралы. Тем не менее в 1732 году вступившая на престол Анна Иоанновна отзывает Головина из Стокгольма, награждает его орденом Александра Невского и переводит вновь на морскую службу. И тому была веская причина.

После смерти Петра I Российский флот потерял ту высоту, на которой он стоял при жизни своего великого основателя. Старые суда становились ветхими, а постройка новых была недостаточной. Сказывалась также нехватка подготовленных экипажей; отвага и уверенность в победе, присущая морякам Петровского времени, заменилась нерешительностью при встрече с равносильным и даже слабейшим неприятелем. Печальное состояние флота, несовместимое с политическим положением и достоинством России, заставило обратить на себя внимание высшего правительства.

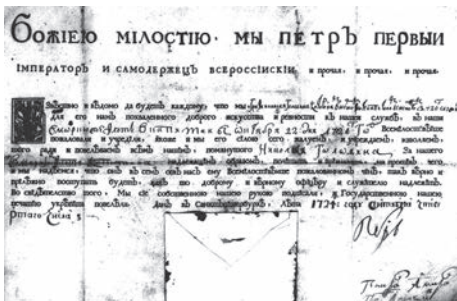
В 1732 году по указанию Императрицы создается комиссия для проведения преобразований в морском управлении и на флоте. В состав комиссии вошли опытные и сведущие моряки, в их числе и граф Н. Ф. Головин, произведённый в вице-адмиралы и назначенный генерал-инспектором флота и адмиралтейств. И уже в следующем году он становится адмиралом и президентом Адмиралтейской коллегии. Под его непосредственным руководством на флоте начали приводиться в исполнение намеченные преобразования.

Н. Ф. Головин был инициатором первого проекта плавания россиян вокруг света: «В один такой путь могут те офицеры и матросы обучиться более, нежели при здешнем море в десять лет». С этим предложением он выступил в Сенате 12 сентября 1732 г.,

где решалась проблема, как отправлять из Петербурга на Камчатку вторую экспедицию Витуса Беринга — морем или сушей. Н. Ф. Головин и ещё восемь подчиненных ему адмиралов предложили не отправлять Беринга и его людей через всю Сибирь и не строить корабли в Охотске, а снарядить экспедицию в Кронштадте и переправить корабли на Камчатку через Атлантический океан и мыс Горн. Получалась большая экономия времени: на сухопутную дорогу от столицы до Охотского моря потребовалось бы не менее двух лет, тогда как окружное плавание заняло бы 10–12 месяцев, причём удалось бы избежать огромных трудностей по переброске большого объёма грузов. Головин загорелся этим проектом и готов был лично его возглавить. Но сенаторы предпочли “сухой” путь и обрекли Беринга на невероятные тяготы с перевозкой тысяч пудов снаряжения — два года он добирался до Охотска, где строились корабли для Камчатской экспедиции.

Н. Ф. Головин был одним из образованнейших русских людей своего времени, владел английским, французским, шведским языками, отличался умом, трудолюбием, осторожностью в деле. Частая смена верховной власти, следовавшая после кончины Петра I, привела к падению многих влиятельных лиц, Головин же, напротив, все эти годы уверенно поднимался по служебной лестнице. При Анне Иоанновне он не только получил ряд адмиральских чинов, но и щедро был вознаграждён обширными поместьями. В 1732 году ему были жалованы земельные владения в пяти уездах Курского наместничества, в том числе бывшая вотчина князя А. Д. Меншикова — село Ивановское с деревнями и слободками (8720 душ крестьян). В 1740 году, при Анне Леопольдовне, адмирал был жалован высшей российской наградой — орденом Св. Андрея Первозванного. При Елизавете Петровне становится сенатором и членом Конференции управления иностранных дел. Ему следовало вместе с канцлером и вице-канцлером обсуждать при дворе важнейшие вопросы внешней политики.

После Анны Иоанновны, умершей 17 октября 1740 года, на престол вступил малолетний Иоанн Антонович. Управление же государством до совершеннолетия Иоанна вручено было регенту Бирону. Но господство Бирона, ненавистное для России, продолжалось только три недели. После его ареста правительницей сделалась далёкая от политики мать Иоанна — Анна Леопольдовна. Рассчитывая на слабость нового правительства, шведский король вознамерился вернуть земли, завоеванные Петром Великим, и в июле

Патент о производстве Николая Головина в чин капитана, подписанный Петром I

1741 года объявил России войну. 25 ноября 1741 года в результате переворота на престол вступила Елизавета Петровна. Шведы были твердо уверены, что с восшествием на престол Елизаветы, при содействии Франции, им удастся заключить выгодный для себя мир, но они ошиблись в своих расчетах. Елизавета не только не согласилась на какие-либо уступки, но,

напротив, решила энергично продолжать войну.

Н. Ф. Головину поручается подготовка флота к боевым действиям, он ведал вооружением и снабжением кораблей, выходящих в море. В 1742 году адмирал назначается генерал-губернатором Санкт-Петербурга и главнокомандующим войсками, которые должны были защищать столицу от возможного нападения шведов. 21 апреля 1743 года на Головина было возложено командование Балтийским флотом.

В июне из Кронштадта вышел десантный отряд с 9 полками пехоты, 8 ротами гренадер и 200 казаками, размещенными на 112 галерах и кончебасах, для высадки десанта в Швеции. Сопровождали гребной флот две парусные эскадры, Кронштадтская и Ревельская, насчитывавшие 25 судов. У полуострова Гангут путь нашим галерам преградил шведский флот. На помощь подоспели русские парусники во главе с флагманским кораблём «Св. Пётр», на котором находился командующий Балтийским флотом адмирал Головин. После незначительной перестрелки с русскими кораблями шведы отошли в море, пропустив десант. Эта операция оказалась незавершённой, так как на пути следования было получено известие о подписании мирного договора, по которому Швеция уступала России часть Финляндии.

Внезапно здоровье Николая Фёдоровича резко ухудшилось. В 1744 году он был отпущен для лечения на минеральные воды в Германию. В 1745 году, в возрасте 50 лет, адмирал Н. Ф. Головин умер в Гамбурге. Похоронен в Симоновом монастыре, где была фамильная усыпальница Головиных. Могила его не сохранилась.

Архив Санкт-Петербургского отделения Института истории РАН выслал для музея Тагинской средней школы ряд документов, относящихся к деятельности Н. Ф. Головина. Среди них два контракта по конному заводу в с. Тагино. Эти документы интересны тем, что дают некоторое представление об организации первых частновладельческих конных заводов на территории района.

Один из контрактов был заключён в 1739 году с кузнецом Карлом Ейзенем. Из договора видно, что граф к нанимаемым работникам предъявлял довольно высокие требования. Так, кузнец помимо исполнения своих прямых обязанностей должен был «больных лошадей бережно лечить..., всякое зелье и коренья, которые тамо [в Тагине] находятся, собирать и хранить». Кроме того, ему полагалось иметь ученика из местных жителей: «Оного ученика надлежащим образом обучать подковывать лошадей и чего он ещё сверх того искусству ево понять может». За исправную работу кузнецу назначалось жалование «по 50 рублёв на год, а ежели прилежен будет, то на другой год учинится прибавке по десять рублёв». Помимо денежного довольствия граф обязался ежегодно обеспечивать Ейзена продуктами питания: мукой, крупами, маслом, свежей говядиной. Здесь же, в столице, Головин присмотрел четырёх конюхов и, снарядив обоз, отправил их вместе с кузнецом зимнею дорогой из Петербурга в Тагин, выдав на проезд 20 рублей.

Тагинский конный завод, где разводились английские полукровные верховые лошади, был гордостью хозяина и объектом его постоянной заботы. В 1740 году Головин заключил ещё один контракт — с гештутмейстером Иоганном Девейсом, служившим ранее при императорских конных заводах. Гештутмейстер осуществлял общее управление коннозаводским хозяйством, в его подчинении находились кузнец и все конюхи. Он должен был строго следить за чистотой породы, не подпускать к заводским табунам непородистых лошадей. Одной из основных обязанностей гештутмейстера была дрессировка молодых лошадей для верховой и каретной езды. «За такое ево гештутмейстерское исправление, — говорилось в договоре, — получать ему в Тагине от тамошнего управляющего Фёдора Некрасова жалования в год деньгами 100 рублёв, а сверх того провиант». Далее указывалось, что именно: зерна, солода, различных круп — 126 пудов (около двух тонн), масла коровьего — 4 пуда, 2 быка на убой, баранов — 8, свиней — 4, вина — 24 ведра, «да свободную квартиру с печью и дрова, одну дойную корову, 2 лошади

на его сиятельства корму... С принятием сего отправить в Тагин на коште его сиятельства и по прошествии урочных лет на его сиятельства коште отправлену быть в Санкт-Питербурх».

(Читателю предлагается самому сравнить прожиточную норму, определённую графом для квалифицированного работника, с «потребительской корзиной» специалиста сельского хозяйства наших дней.)

* * *

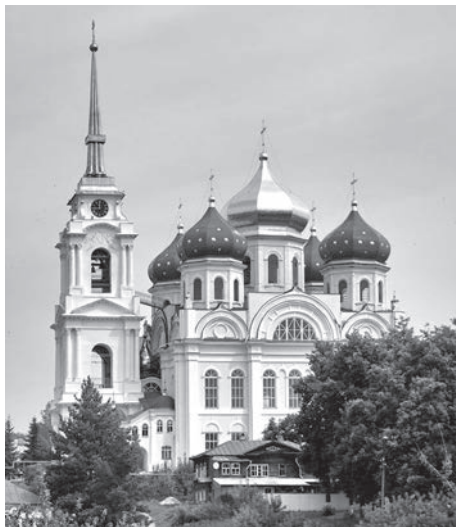
В России у графа не осталось наследников по мужской линии. От брака с Софьей Никитичной Пушкиной Головин имел единственную дочь Наталью (1724 – 1767), которая была замужем за ревельским губернатором принцем Петром-Августом Гольштейн-Бекским (1697–1775). Будучи послом в Швеции, Н. Ф. Головин обзавёлся там побочной семьёй; у него родилось несколько внебрачных сыновей, которым он дал свою фамилию. Всё свое состояние Головин завещал жившей с ним незаконной жене, шведке Гозенфлихт, и двум прижитым с нею детям. Однако Елизавета Петровна именным указом повелела отдать движимое и недвижимое имущество умершего адмирала его законной дочери — Наталье Николаевне Головиной (Гольштейн-Бек), но с запрещением закладывать и продавать что-либо из выделяемого. За ней же осталось и Тагинское поместье.

Однако вскоре это большое имение перешло к семейству Чернышёвых, одному из самых богатых и влиятельных в России. При каких обстоятельствах это произошло — выяснить не удалось. Известно лишь, что у четы Гольштейн-Бек была единственная дочь, Екатерина Петровна (1750–1811), которая унаследовала судьбу своей матери. По завещанию отца, 77-летнего генерал-фельдмаршала Гольштейн-Бек, всё его имущество должно было отойти его любовнице и внебрачной дочери, но Императрица Екатерина II не утвердила завещание, передав наследство законной дочери — принцессе Екатерине Гольштейн-Бек. Что касается села Тагино, то оно было отдано Чернышёвым, которым, как известно, Императрица оказывала особые милости.

Илья КУПРИЯНОВ,
*село Тагино Глазуновского района
Орловской области*

ЧЛЕН АДМИРАЛТЕЙСТВ-КОЛЛЕГИИ ГРАФ ГРИГОРИЙ ЧЕРНЫШЕВ

Среди выдающихся птенцов гнезда Петрова — имя Григория Петровича Чернышева, происходившего из болховских дворян села Красное Болховского уезда. Его супруга Евдокия Ивановна Ржевская — внучка воеводы Ивана Ивановича Ржевского (погибшего при обороне Чигирина в 1678 г.), упокоенного в Спасо-Преображенском соборе г. Болхова, потомком которого являлся Александр Сергеевич Пушкина.

*Спасо-Преображенский собор,
г. Болхов*

Родился 21 января 1672, † 30-го июля 1745 г. Родоначальник теперешних графов Чернышевых был одним из приближеннейших лиц к Петру Великому и его любимцем и по справедливости может быть помещен в числе выдающихся «птенцов гнезда Петрова», по выражению Пушкина. Принимал деятельное участие во всех войнах и преобразованиях «первого Императора» и отличался личной храбростью и исполнительностью. Испанский посол при русском дворе в 1727–1730 гг., герцог де Лириа, дает следующую характеристику Ч.: «Умен, храбр, хорошо вел себя по службе, но был очень скуп и лжив, и притом враг иностранцев». Лживость и вражда к иностранцам, отмечаемые испанским послом у Ч., требуют пояснения. Ч., как все «птенцы Петра Великого» по смерти их покровителя, в «суетное и опасное время» фаворитов и временщиков должен был вести себя из чувства самосохранения очень осторожно, и эта-то осторожность могла быть понята со стороны за лживость. Более вспыльчивые и откровенные люди из учеников Петра Великого, вроде кн. Д. М. Голицына и А. П. Волынского, умерли в тюрь-

ме или на плахе. Петру Великому Ч. говорил откровенно правду в глаза, и иногда очень резко. Нелюбовь к иностранцам могла являться у Ч. скорее выражением нерасположения к тем немецким «случайным людям», которые стали после смерти Петра Великого переполнять собою правительственные сферы в ущерб природным русским, чем отрицательным отношением ко всему иноземному.

В 1688 г. Ч. был записан в «житье» и в стряпчие; в 1689 г. — стольник, послан в Симбирск, Астрахань и другие города с извещением о рождении царевны Марии Иоанновны. В 1691–1695 гг., во время воеводства в Казани кн. Данилы Григ. Черкасского, был там «в светлице, судьбою». В 1695 г. участвовал в Азовском походе Петра Великого, будучи есаулом у кн. Бориса Алексеев. Голицына. В 1696 г. — воевода в Керенске. В 1699 г. «написан в ученье в солдаты», а затем определен адъютантом к генералу кн. Никите Ив. Репнину. С 1700 года начинаются его боевые подвиги в Великой Северной войне. В 1700 г. Ч. участвовал в походе под Нарву. В 1701–1703 гг. был при взятии Кокенгаузена, Динаминда, Шлиссельбурга и Канцев. В 1704 г. произведен в майоры и образовал новый солдатский полк, переименованный из полка кн. Репнина в Тобольский; при штурме в этом году Нарвы командовал за полковника Тобольским и другими полками, был ранен в голову и в руку и, после ожесточенного боя войдя в город, взял в плен нарвского коменданта Горна; несколько дней спустя принимал сдавшийся по договору Иван-город. В 1705 г. пожалован в подполковники и послан в Вильну, а оттуда в Гродно; потом переведен в другой полк, названный Нарвским, который пришлось обучать. В 1707 г. пожалован в этот полк полковником. В 1708–1709 гг. отстоял от нападения шведских войск Новгород-Северск и Ахтырку, несмотря на то, что при блокаде Новгород-Северска присутствовал сам шведский король Карл XII, обещавший в случае сдачи города многие милости. После Полтавского боя (1709 г.) послан через реку Ворсклу к неприятельскому лагерю для взятия «языков»; во время сражения командовал «за бригадира» и был затем награжден этим чином. В июле 1709 г. сопровождал до Москвы 4000 шведских пленных; по возвращении оттуда отправлен в Нарву в команду гр. Ф. М. Апраксина, а ранней весной 1710 г. участвовал во взятии предместья Выборга и в нескольких сражениях в близлежащих финских местечках. Выборг был взят 14 июня 1710 г. по прибытии гвардии и самого Петра Великого, который первым Выборгским комендантом назначил Ч. и пожаловал ему свой портрет, осыпанный алмазами. Осенью

этого года и следующего 1711 г. шведы по два и по три месяца осаждали Выборг, и гарнизону приходилось терпеть недостаток в провианте.

В 1710 г. Царь Петр Великий женил своего любимца на 17-летней Евдокии Ивановне Ржевской (род. 12 февраля 1693, † 17-го мая 1747 г.), дочери знаменитой «князь-игуменьи», повенчанной через пять лет после того (в 1715 г.) при шутовской церемонии с «князь-папой» Н. М. Зотовым, бывшим «учителем» Петра Великого. В этой шутовской свадьбе матери должна была принять участие ее дочь, Чернышева, в польском костюме, и сам Ч., в «ассессорском» платье, «с соловьями», особого рода музыкальным инструментом. Брак с Ржевской обогатил Ч. (отец его, Петр Захар. Чернышев, не имел большого состояния). Евд. Ив. Ржевская получила от Царя в приданое 4000 душ крестьян; потом ее сыновьям от Чернышева Петр Великий жаловал «на зубок» деньги и деревни, так что очень скоро семейство Чернышевых стало весьма состоятельным.

В 1713 г. Ч. взят в собственную царскую эскадру, на галеры, ходил к Гельсингфорсу, предварительно сделав план атаки этого города, и овладел любекским торговым кораблем с разными товарами; вскоре после этого, в день рождения Петра Великого, пожалован в генерал-майоры. 1713–1714 гг. Ч. провел в Финляндии. Осенью 1713 г. он переплыл с шестью тысячами войска на плотях озера Пелкино шириной более трех верст и участвовал в сражении со шведами, которое счастливо окончилось. В 1714 г. был в битве у Вазы, где трижды ранен, одна лошадь под ним убита, а другая ранена. Петр Великий вторично наградил его своим портретом, осыпанным алмазами, и пожаловал ему значительную денежную сумму. В конце этого года Ч. назначен обер-штер-кригскомиссаром при адмиралтействе, так как, по отзыву гр. Ф. М. Апраксина, «нынешнюю кампанию за ранами ни на сухом пути, ни на море служить не может». Состоя в этой должности до 1722 г., заведовал приемом положенных на адмиралтейство сумм и провианта, раздачей жалованья всем морским чинам, военными и адмиралтейскими делами корабельного и галерного флотов, нарядом и присылкой рекрутов и мастеровых людей, канцелярскими и аудиторскими делами, аптеками, госпиталями и академическими школами. Во время отсутствия из Петербурга кн. Меншикова ведал петербургскую полицию и учредил через Неву и из Кронштадта перевоз почты водой, а из Выборга — сухим путем. В 1717 г. участвовал в заседаниях «консилий» при адмиралтейской канцелярии под председательством Петра Великого и на-

Граф Г.П. Чернышев

значен наблюдать за выполнением строительных постановлений в Петербурге, так как государь остался недоволен действиями в этом отношении кн. Меншикова. В 1718 г., по учреждении адмиралтейств-коллегии, стал присутствовать в ее заседаниях. В том же году, при обнародовании Петром Великим «Объявления, каким образом ассамблеи отправлять надлежит», в списке тех лиц, у которых по очереди будут устраиваться ассамблеи, помещен и Г.П. Чернышев. В 1719 г., января 11-го, будучи в адмиралтействе для торжественной закладки военного корабля, Петр Великий посетил Ч., написал у него два письма Румянцеву, а затем поехал с хозяином и с его гостями к псковскому епископу

Феофану Прокоповичу, у которого провел несколько часов. В 1720 г. назначен в адмиралтейств-коллегию в звании «камер-советника». Во время представления Петру Великому в присутствии адмиралтейств-коллегии возвратившихся из-за границы гардемарин Ч. резко возразил на отданное государем приказание, чтобы они прослужили одну кампанию гардемаринами, представил доводы о несправедливости такого распоряжения и убедил государя в необходимости немедленно произвести экзамен и награждать достойных офицерскими чинами. (В числе этих гардемарин Ч. был известный впоследствии Ив. Ив. Неплюев, также один из «птенцов» Петра Великого.) В 1722 г. Ч. поручено составление переписи податных сословий в Москве и в Московской губ.; в следующем году он представил докладные пункты относительно переписи и подушного оклада, и в позднейших сенатских указах весьма часто упоминаются резолюции, положенные Петром Великим на дельный и обстоятельный доклад Ч. В 1724 г. государь приказал строить квартиры конным и пехотным полкам около Петербурга, в Московской, Ревельской и Рижской губерниях и в Выборгской

провинции по рисункам, присланным при донесении Ч.: это было последнее исполнение повеления, данного Петром Великим. Мы встречаем затем Ч. в числе тех трех маршалов, которые при похоронной процессии Петра Великого предшествовали его гробу.

При Императрице Екатерине I в 1725 г. Ч. был генерал-кригскомиссаром, в ранге генерал-поручика и награжден орденом Св. Александра Невского. Вследствие его донесения велено воспользоваться никем не занятыми воеводскими и другими казенными дворами под полковые дворы; предписано ему перестроить житные дворы в Москве со всеми принадлежащими к ним строениями на квартиры для двух полков Московского гарнизона и под склад оружия и амуниции. Согласно сделанному им расписанию утвержден Сенатом оклад жалованья земским комиссарам, подьячим и писарям. В том же 1725 г. он послан губернатором в Азовскую губернию, где пробыл с небольшим год и пригласил в это время учителем к своему старшему сыну Тарасию Постникова, изучавшего в Париже философию. Постников вместе со своими двумя товарищами вернулся из-за границы в начале 1723 г., и Петр Великий писал тогда Синоду, чтобы этих молодых людей «освидетельствовать в их науках и определить к делу и учинить им жалованье». Постников пробыл у Ч. лишь несколько месяцев, потому что в сентябре 1725 г. он был назначен преподавателем Московской Заиконоспасской Академии.

В 1730 г. Ч. подписался под двумя проектами, имевшими целью ограничение самодержавия: 1) под проектом, составленным В. Н. Татищевым (также одним из видных «птенцов» Петра Великого) и представленным от имени кн. А. М. Черкасского, игравшего в то время большую роль среди «родословного» шляхетства по своему богатству и родственным связям, но не отличавшегося ни умом, ни характером, 2) под проектом Максима Грекова.

Чернышев находился также вместе с кн. Черкасским и с генералом кн. Гр. Дм. Юсуповым во главе 150 челобитчиков, явившихся 25 февраля 1730 г. в Кремлевский дворец, где заседал в то время Верховный Тайный Совет, с прошением о пересмотре шляхетских проектов и мнений. Не удовлетвовавшись обещанием Верховного Тайного Совета о передаче их прошения на рассмотрение Императрицы, князя Черкасский, Юсупов и Г. П. Чернышев добились аудиенции у самой Анны Иоанновны и были так милостиво ею приняты, что, возвратившись в Верховный Тайный Совет, повели там совсем иные речи.

Датский посланник при русском дворе того времени, гр. Вестфален, утверждает, что к словам кн. Юсупова о том, что Императрица заслуживает искренней признательности за свою снисходительность, Ч. добавил: «Мы не можем лучше возблагодарить Ее Величество за все милости к народу, как возвратив ей похищенное у нее, т.е. самодержавную власть, которой пользовались все ее предки». Вслед за этим было представлено Анне Иоанновне в тот же день прошение «о восприятии самодержавия», поданное кн. И. Ю. Трубецким и прочтенное кн. А. Д. Кантемиром. Под этим прошением мы видим подпись и Ч.

После уничтожения Верховного Тайного Совета и восстановления Правительствующего Сената Ч. назначен сенатором, а в день коронации Императрицы Анны Иоанновны, 28 апреля 1730 г., пожалован в генерал-аншефы. В 1731–1732 гг. он был Московским генерал-губернатором. В числе его забот об улучшении города следует указать на постановку на улицах фонарей. В 1735 г. согласно прошению уволен от службы. В 1740 г. снова сенатор, член следственной комиссии по делу А. П. Волынского и еще двух комиссий: 1) для рассмотрения дел о розданных в Ингерманландии мызах, деревнях и землях, 2) особой комиссии, учрежденной при Сенате, для решения неоконченных дел. В 1740 г. вышло повеление о производстве ежегодно всем кадетам публичных смотров и экзаменов. Для производства экзаменов, как старший из сенаторов, был назначен генерал-аншеф Ч., но это отменено, потому что ни он, ни другие присутствующие в Сенате «за необучением самих их надлежащим к тому экзамену, кроме военной экзерциции, наукам, притом бесплодны быть могут». Вследствие этого Сенат обратился к Кабинету Ее Имп. Величества с просьбой назначить кого-нибудь другого; тогда избрали генерал-фельдмаршала гр. Миниха и учителей де Сианс и Адмиралтейской Академии и Инженерной школы.

В том же 1740 г. возникло интересное дело, доказывающее, в какой «силе» находился тогда Ч. Пользуясь своим значением при Петре Великом, он выпросил себе значительный участок земли при раздаче мест в С.-Петербурге, на берегу Фонтанки. Когда при Императрице Анне Иоанновне его стали побуждать застроить чем-нибудь этот участок, он предложил разным торговым и ремесленным людям выстроить на своем дворе по Фонтанке на арендном праве какое кому угодно помещение с тем, чтобы они пользовались им временно такое количество лет, в которое окупится строение. В начале 1740 г., когда еще не вышел срок арендного пользования

возводившимися на земле Ч. постройками, в Петербурге было произведено усиленное размещение гвардейских солдат на постой в частных домах. Сам Ч. пользовался правом освобождения от поста своих жилых помещений, но не пользовались этим правом арендаторы и весьма тяготились. Тогда с согласия арендаторов, которым он предоставил право жить у себя во дворе до истечения срока, Ч. потребовал от полицеймейстерской конторы очистить от поста все помещения на его земле по Фонтанке, так как жильцы «за долговые и за пожилые деньги уступили ему свои дома», а «другие при расчете, чего оное их строение стоило, от него и деньги себе получили». Полицеймейстерская канцелярия представила прошение Ч. на заключение Сената, тот вошел в Кабинет министров, а кабинет-министры, зная милость Императрицы Анны Иоанновны к Чернышеву и к жене его Авдотье Ивановне, не пожелали выразить своего мнения и поручили Сенату: «рассмотреть и решение учинить по указам, и в полицеймейстерскую канцелярию подтвердить, чтоб впредь из оной канцелярии в надлежащие места доношения подаваны были, с представлением своего мнения, как указы повелевают».

Императрица Елизавета Петровна, в память своего отца, оказывала большое благоволение всему семейству Чернышевых. В 1741 г., при восшествии ее на престол, Ч. получил орден Св. Андрея Первозванного, а в 1742 г., в день коронации, пожалованы ему с потомством графский титул и многие имена. В 1744 г., когда делались приготовления к торжественному бракосочетанию наследника престола Петра Феодоровича, была представлена Императрице ведомость прошений: граф Ч. просил, чтобы его пожаловали генерал-фельдмаршалом и генерал-губернатором в Петербургскую губернию или генерал-адмиралом. Но прошение это не было исполнено. В 1745 г., как сказано выше, граф Чернышев умер.

*Орден Святого апостола Андрея
Первозванного*

Дмитрий КОРСАКОВ
«Из жизни русских деятелей 18 века». Спб., 1891 г.

ГЕНЕРАЛ-ФЕЛЬДМАРШАЛ ОТ ФЛОТА ГРАФ ИВАН ЧЕРНЫШЕВ

Граф Иван Григорьевич Чернышев — владелец майората Чернышевых села Тагино, современного Глазуновского района Орловской области, включавшего территории Сеньковского и Тагинского поселений и часть территории Троснянского района. Имение унаследовал сын — участник взятия Измаила, дипломат граф Григорий Иванович Чернышев, похороненный на территории Орловского Свято-Успенского мужского монастыря.

Иван Григорьевич Чернышёв (1726–1797) — генерал-фельдмаршал от флота, президент Адмиралтейской коллегии. Был младшим сыном генерал-аншефа графа Григория Петровича Чернышёва и его жены Евдокии Ивановны Ржевской. Брат З. Г. Чернышёва и П. Г. Чернышёва.

Проведя детство в доме родителей, он в 1739 г. был определен в сухопутный кадетский корпус, но пробыл в нем недолго и в 1741 г. был отправлен дворянином посольства в Копенгаген, куда старший его брат, действительный камергер граф Петр Григорьевич, был назначен чрезвычайным посланником. Посвятив себя дипломатической службе, Иван Григорьевич на первых порах находился под руководством своего брата, который занимался за границей его образованием и с которым в феврале 1742 г. Иван Григорьевич переехал в Берлин, так как туда был переведен Петр Григорьевич. Здесь Иван Григорьевич состоял в том же звании дворянина посольства, сначала без жалованья, а в 1744 г. ему было назначено по 400 руб. в год. В следующем 1745 г. Иван Григорьевич возвратился в Россию и поступил подпрапорщиком в лейб-гвардии Семеновский полк, где через год был произведен в гвардейские прапорщики и, прослужив после того три с небольшим года, оставил военную службу, так как 8 октября 1749 г., по случаю своей женитьбы на близкой родственнице Императрицы Елизаветы Петровны, он из гвардейских прапорщиков был сделан камер-юнкером с содержанием 1000 рублей в год. После этого Чернышев уехал с женой за границу и вернулся в Россию только в 1765 году; 25 декабря этого года он был пожалован в действительные камергеры, а в следующем 1756 г. получил орден Св. Анны.

В этом же году Иван Григорьевич исполнил данное ему импера-

трицей важное поручение, ясно показавшее то доверие, которое питала к нему Елизавета Петровна, поручив ему отвезти в подарок 10 000 рублей королеве польской Марии-Жозефине, муж которой, король польский и курфюрст Саксонский Август III, крайне нуждаясь в деньгах для войны с прусским королем Фридрихом II, обратился за помощью к русской Императрице.

16 августа 1760 г. Чернышёв был назначен обер-прокурором Сената, обязанности которого заключались главным образом в объявлении Сенату к исполнению высочайших повелений по разным делам и предметам. 9 октября 1760 г. Чернышев был назначен главным директором только что учрежденной при Сенате комиссии о коммерции.

В апреле следующего года он был назначен вместе с венским послом нашим, действительным тайным советником графом Германом Карлом Кайзерлингом, вторым полномочным министром со стороны России на Аугсбургский конгресс. Этот генеральный мирный конгресс в Аугсбурге был созван вследствие успехов русского оружия в Семилетнюю войну и усиливавшегося среди некоторых европейских государств опасения за преобладание русского влияния на внутренний строй и внешние отношения европейских государств, а также из участия к положению понесшего тогда сильные поражения и потери прусского короля Фридриха II.

Как известно, отношения России и Пруссии нисколько не улучшились, никакого соглашения с ней не состоялось, а потому и Аугсбургский съезд никаких благоприятных последствий не достиг, и война продолжалась, и только смерть Императрицы Елизаветы Петровны 25 декабря 1761 г. совершенно изменила политику Петербургского кабинета, и граф Иван Григорьевич был в начале 1762 г. отозван в Россию Императором Петром III.

Отозванный в Россию Императором Петром III граф Иван Григорьевич возвратился из заграничной миссии только со вступлением на престол Императрицы Екатерины II, издавна ему и брату

*Граф И.Г. Чернышев.
Портрет работы
Д. Левицкого*

его, графу Захару Григорьевичу, покровительствовавшей. 22 сентября 1762 г., в день коронавания Императрицы Екатерины II, граф Иван Григорьевич был произведен в генерал-поручики с оставлением в звании действительного камергера, а 7 ноября того же года он был назначен членом особой духовной комиссии. Вскоре после этого Чернышев, находившийся в дружеских отношениях с воспитателем великого князя Павла Петровича графом Н. И. Паниным, сблизился с маленьким двором наследника престола и лицами, окружающими великого князя, который 20 декабря 1762 г., после увольнения от службы генерал-адмирала князя М. М. Голицына, был назначен на его место и по званию генерал-адмирала сделался президентом Адмиралтейств-коллегии, где вице-президентом состоял тогда адмирал С. И. Моравский. Заботясь, чтобы великого князя окружали лица, ему преданные и ему сочувствующие, граф Н. И. Панин постарался привлечь на службу в морское ведомство графа Ивана Григорьевича, и 22 марта 1763 г. Чернышев был назначен членом Адмиралтейств-коллегии.

14 мая 1764 г. была снаряжена с высочайшего разрешения по ходатайству Чернышева полярная экспедиция, о которой очень хлопотал М. В. Ломоносов, оказавшаяся, к сожалению, неудачной. 30 декабря этого же года граф Чернышев был сделан главным командиром галерного флота и порта. В продолжение 1764 г., под предлогом совместной службы, граф Иван Григорьевич, а также и брат его, граф Захар, не прерывали своих дружеских отношений с молодым двором и были почти ежедневными посетителями великого князя, у которого они часто обедали; граф Иван Григорьевич проводил время в беседах с графом Н. И. Паниным, нередко участвуя в играх юного Павла Петровича и под именем «комнатного генерал-адмирала» забавляя его разными морскими упражнениями, знакомя вместе с тем с историей России.

Эта близость к гатчинскому двору и доверие Императрицы к графу Ивану Григорьевичу делали его, несмотря на присутствие в Адмиралтейств-коллегии вице-президента, первым лицом в морском ведомстве, причем все высочайшие указы и повеления Адмиралтейств-коллегии объявлялись через графа Чернышева. Чернышев исполнял много других поручений и дел, участвуя, например, в августе 1767 г. в рассмотрении разработанного И. И. Бецким плана учреждения Московского воспитательного дома, а во время приготовления к войне с Турцией получил от Императрицы Екатерины II особое дипломатическое поручение: отправиться чрез-

вычайным и полномочным послом к великобританскому двору. В Лондоне гр. Чернышёв пробыл до половины 1770 года, и в продолжение всего этого времени не прекращалась личная переписка его с Императрицей Екатериной, которая в письмах своих (с 18 июля 1768 г. по 27 июня 1770 года) возлагала на него разные поручения.

Наконец в начале 1770 года граф Иван Григорьевич вернулся из Англии в Петербург и немедленно вступил в отправление новой вице-президентской своей должности, которая, в сущности, ставила его действительным главным начальником морского ведомства, где с 1763 года номинально президентом коллегии состоял юный генерал-адмирал великий князь Павел Петрович. Так смотрела на него фактически и Императрица, относившаяся непосредственно по всем морским делам к графу Чернышеву, который уже и по служебным обязанностям своим еще более приблизился к государыне, оставляя представительный почет по ведомству наследнику престола. Вскоре после этого, как ближайшее следствие полученных им повышений, было 12 апреля 1770 г.: повелено иметь графу Чернышеву «штат против прочих в его чине находящихся».

В июне этого года произошло известное истребление турецкого флота при Чесме, по поводу которого Императрица написала графу Чернышеву письмо с описанием медали, которую она велела отчеканить в память этой победы; по поводу этой же победы граф А. Г. Орлов-Чесменский через Ивана Григорьевича просил государыню согласиться на награды, которые им были розданы после сражения, на что, конечно, Императрица с удовольствием согласилась, а граф Чернышев, со своей стороны, исходатайствовал 26 августа 1771 года Высочайшее повеление выдать полугодовое жалованье в прибавку к получаемому морскими и адмиралтейскими офицерами содержанию. Попад в вице-президенты, граф Иван Григорьевич находился в постоянной переписке с Екатериной II, и от этого времени дошло до нас много писем и записочек к нему Императрицы. При разнообразии своей деятельности граф Чернышев участвовал в 1772 г. в разработке многих очень важных государственных проектов, как, например, о воспитательном доме, об учреждении при нем вдовьего отделения, ссудной и сохранной казны и об учреждении коммерческих училищ для купеческих детей.

29 декабря этого года граф Иван Григорьевич избран был почетным членом Императорской Академии Наук одновременно со светлейшим князем Потемкиным-Таврическим и оберкамергером Иваном Ивановичем Шуваловым.

О деятельности графа Чернышева с 1777 по 1781 год имеются очень скудные сведения; известно лишь, что в 1778 году он участвовал между прочим в рассмотрении проекта князя Потемкина об устройстве в лимане гавани и верфи, названных Херсоном. В 1781 году в письме к Чернышеву Императрица его просила как можно справедливее разобрать дело о пожаре на 32-пушечном фрегате «Мария», позаботясь при этом, чтобы не было произведено никаких жестоких наказаний. В следующем 1782 г., 3 июля, императрица поручила Чернышеву отправить Азовский флот к берегам Крыма для прекращения нападений татар крымского хана Шагин-Гирея. В этом же году, 23 октября, по случаю учреждения ордена Св. Владимира граф Иван Григорьевич получил первую степень этого ордена. В 1783 году он сопровождал Императрицу Екатерину во Фридрихсгам для свидания ее с королем шведским Густавом III, а 24 ноября того же года был сделан сенатором, причем 28 ноября ему было повелено заседать в 1-м департаменте Сената, «когда он будет свободен от других дел по должности».

Во время путешествия Императрицы Екатерины в начале 1787 года на юг для обозрения присоединенных к России крымских провинций граф Иван Григорьевич с дочерью своей Екатериной (фрейлиной государыни) находился в ее свите и во время переезда по Днепру имел в своем распоряжении трешкот «Орел». Немедленно вслед за тем граф Чернышев исходатайствовал 17 апреля 1787 г. у государыни разрешение отправить несколько морских судов из Балтийского моря в Восточный океан с научными целями, для

Вид с Дворцовой площади на Адмиралтейство. 1820-е гг.

изучения и описания островов, а также точного исследования карты океана. Между тем здоровье Ивана Григорьевича, оправившееся за границей, снова расстроилось, и он 17 мая 1787 года получил заграничный отпуск на неопределенное время «до излечения», как сказано в указе, и с сохранением содержания; немедленно после этого он покинул Россию.

Политические условия 1788 года и начавшаяся война со Швецией побудили Императрицу, ввиду усиленных приготовлений по морскому ведомству, вызвать Чернышева в Петербург, чтобы заняться снаряжением флота. Князь Потемкин также просил «вытащить графа Ивана Григорьевича Чернышева» — все это, конечно, заставило его покинуть Италию, немедленно возвратиться в мае 1788 г. к своей должности и заняться массой неотложных дел по Адмиралтейств-коллегии. Деятельность графа Ивана Григорьевича по морскому ведомству обнаружилась главным образом в приготовлении к Шведской войне (1788–1790 года), когда он энергично занялся постройкой судов и снаряжением Русского флота. Как в Кронштадте, так и в самом Петербурге в главном адмиралтействе, в Новой Голландии, на Галерном острове, в Галерной гавани, на Охте и в других местах спешно строилось и перестраивалось до полутора ста судов гребного флота и двести шлюпок; сюда же, кроме того, из заводов и мастерских свозились якоря, такелаж, строительный, лесной и металлический материал, сапожный товар и проч.

Все это доставлялось в петербургские магазины, там принималось, осматривалось, пересчитывалось и распределялось по судам. Не будучи совершенно моряком, при полном незнании морского технического дела, граф Иван Григорьевич сумел, однако, поставить работы настолько успешно, что Русский флот в очень скором времени был готов к выступлению против неприятеля; этому способствовали главным образом энергичные сотрудники графа Чер-

*И. К. Айвазовский. Чесменский бой
в ночь с 25 на 26 июня 1770 года*

нышева: в Петербургском порте флота — обер-интендант генерал-майор И. П. Балле, а в Кронштадте — генерал-интендант и главный командир Кронштадтского порта П. И. Пущин. С помощью этих сотрудников Иван Григорьевич, на вид сильно постаревший, больной и несколько желчный, сумел угодить государыне быстрым и удачным преобразованием флота.

Когда окончилась Шведская война и был подписан выгодный для нас Верельский мир, Чернышев первый поздравил Императрицу с этим известием, получив за это от государыни благодарственную записку, причем вскоре, при раздаче наград деятелям и участникам последней Шведской войны, он был награжден 8 сентября 1790 г. алмазными знаками ордена Св. Андрея Первозванного «за труды в вооружении флотов при управлении морским департаментом». 16 декабря граф Иван Григорьевич сдал галерный флот и порт адмиралу принцу Людовику Нассау-Зигену, а за труды и управление Галерным портом получил ежегодную прибавку к жалованью в 6000 рублей, с оставлением при нем прежнего штата и, как сказано было в рескрипте, «в полном удостоверении, что вы служение ваше нам в других важных должностях вам вверенных усердно продолжать не оставите». В мае 1791 года граф Иван Григорьевич сильно захворал и, получив 16 августа годовой отпуск с сохранением содержания, тотчас уехал за границу. Ему не пришлось, однако, через год вернуться в Россию, и отпуск его отсрочивался несколько раз, так что он вернулся в Россию незадолго до смерти Императрицы. Живя в чужих краях, он не прерывал своих сношений с Петербургским двором и находился в постоянной переписке с самой Императрицей.

Здоровье графа между тем не улучшалось, и 9 июля 1795 г. ему разрешено было остаться за границей еще год и повелено было выдать вперед годовое жалованье. В 1796 году Иван Григорьевич вернулся в Россию, и в том же году, 6 ноября, скончалась Екатерина II. На служебной карьере графа Чернышева наступление нового царствования не отразилось никакими дурными последствиями, так как Император Павел Петрович с детства с большой любовью относился к давно и близко знакомому ему Ивану Григорьевичу — его первому помощнику по морскому ведомству. 12 ноября 1796 г. граф Иван Григорьевич был сделан президентом Адмиралтейств-коллегии и произведен в генерал-фельдмаршалы от флота «с тем, однако же, — как сказано было в указе, — чтобы он не был генерал-адмиралом». Это были последние повышения, по-

лученные Иваном Григорьевичем; ему не пришлось более служить старому своему покровителю, выросшему и развившемуся на его глазах. Силы его так ослабли, что он снова отправился за границу. 26 февраля 1797 г. он скончался в Риме. Тело его привезли в Петербург и торжественно похоронили 31 августа в церкви Благовещения Александро-Невской лавры.

Граф Иван Григорьевич Чернышев с умом образованным соединял любезность и вместе некоторое непостоянство в характере; в советах был нерешителен, слишком осторожен; но в продолжительное пребывание свое вне Отечества остался русским во всем пространстве этого слова; отличался хлебосольством; имел прекрасный стол, лучшие вина, которые привозили ему капитаны кораблей. Первым удовольствием его было, когда он посещал Наследника Престола (впоследствии Императора Павла I), рассказывать ему о знаменитых деяниях соотечественников; с восхищением, со слезами повествовал он о его прадеде, Петре Великом. «Это истинно Бог был на земле во время отцов наших!» — восклицал Чернышев; благодарил Наследника за Его доброе мнение о русских. (См. Записки Порошина.) Если б граф Иван Григорьевич и не оказал по флоту значительных услуг Отечеству, то одно старание его поселить столь полезные правила в Порфириночном Отроке дает ему право на уважение наше. Императорская Академия Наук имела его в числе своих членов. Он был почетным благотворителем Воспитательного дома, в образовании которого принимал деятельное участие.

Граф Чернышев был женат дважды, имел дочерей и сына: обершенка Высочайшего Двора графа Григория Ивановича Чернышева, скончался в 1831 году.

*Алмазный знак ордена
Андрея Первозванного*

Дмитрий БАНТЫШ-КАМЕНСКИЙ
«32-й генерал-фельдмаршал (по флоту) граф Иван Григорьевич Чернышев. Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов» в 4 частях. 1840 г. Спб.

ВЛАДИМИР РЖЕВСКИЙ. ОРЛОВСКИЙ СЛЕД В СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ ПРИ ЕКАТЕРИНЕ II

К 250-летию начала Архипелагских экспедиций

Граф А.Г. Орлов-Чесменский

Весной 2016 года в Орловском военно-историческом музее при содействии издателя журнала «Истории русской провинции» Константина Грамматчикова состоялась выставка «Орловцы в Крыму». Но мало кто знает, что предтечей присоединения Крыма к России были события в Средиземноморье, когда в период русско-турецкой войны 1768–1774 годов Екатериной II, в рамках Первой Архипелагской экспедиции в Средиземное море, были отправлены 5 эскадр: первая, под командованием адмирала Г. А. Спиридова, вышла из Кронштадта в июле 1769 г.; за ней последовали эскадры контр-адмиралов Дж. Эльфинстона,

И. Н. Арфа, В. Я. Чичагова и С. К. Грейга, на которых отправились более 12 тыс. военных.

После Чесменского сражения 1770 г. был осуществлён захват и впоследствии приведение в подданство Екатерины II трёх десятков (3132) греческих островов, которые до победы русских над турецким флотом были под Османским правлением.

Известно, что в Чесменском сражении Российским флотом командовали граф А. Г. Орлов и адмирал Г. А. Спиридов.

После Чесменской победы Российский флот на пять лет стал хозяином Восточного Средиземноморья.

На островах в южной части Эгейского моря в 1771–1774 гг. адмиралом Спиридовым был предпринят первый в России опыт государственного строительства на «заморских территориях», разработаны проекты обустройства союза островов как республики или герцогства с самоуправляемыми местными администрациями и верховным Сенатом, создавались столица и военная база на острове Парос.

Приведу слова историка Е. Б. Смилянской: «Архипелагский поход XVIII в. не только утвердил в Европе политическое влияние Российской Империи и принёс ей воинскую славу», «в истории внешней политики Екатерины II вопросы российского присутствия на островах Эгейского моря были и хронологически, и политически тесно связаны с проблемами проливов, Черноморского флота, отторжения Крыма от Османской империи...

Адмирал Г.А. Спиридов

Уже в начале 1771 г. ... ей [Екатерине Великой] было очевидно, что её главная цель на южном направлении — это Крым, его независимость

от Османской империи и включение в орбиту влияния Империи Российской. Ради этой цели, предварительно поборовшись, она готова была отступить, в первую очередь, от весьма удаленных, хотя и пленительных греческих «подданных» островов...».

В то время Русский флот имел морскую базу за пределами Архипелага в итальянском портовом городе Ливорно (Герцогство Тосканское) и в периоды коротких вояжей в Италию офицерам выпадали развлечения светской жизни — посещения театров, балов, приемов, знакомство с архитектурой и искусствами (в Ливорно, в Пизе, реже — во Флоренции и Риме). В 1772 г. аристократ молодой князь Петр Федорович Голицын (1754–1781) совершил поездку в сопровождении трёх офицеров из Ливорно в Рим через Пизу, Сиену, Флоренцию.

Он отправился в Архипелагскую экспедицию с эскадрой контр-адмирала Арфа.

«К юноше проявляли особое внимание — его мать Анна Григорьевна (урожд. Чернышёва) была сестрой влиятельных и близких к императрице Захара и Ивана Чернышевых, и Иван Григорьевич Чернышев весьма беспокоился за своего племянника. ...Г.А. Спиридов, брат которого был женат на дальней родственнице Чернышёвых, порой в частных письмах именовал И.Г. Чернышёва «дядюшкой», а юного Голицына «братом» и проявлял живой интерес к службе князя Петра Федоровича. Он отчитывался Чернышёву

об опекаемом мичмане: «Вашего сиятельства племянник, а мой брат князь Голицын учится хорошо и надежно, что хорошей и знающей морской афицер будет, меня ж любит и боится; я с ним часто выдаюсь и говорю; от Никифора Львовича [Палибина, капитана корабля «Георгий Победоносец»] к себе за тем на корабль не беру, что мне за ним по множеству других дел так не усмотреть, как Никифор Львович на дасуге, и ему за него спасибо, как доброй дятка смотрит и за ученьем».

Когда же, по мнению Спиридова, стажировку князя в Архипелаге можно было считать успешно состоявшейся («практики ж и упражнения парусами знает и в вахте, сколько приметил, осмотрителен, надежен и знает нарочито»), адмирал пожелал развеять грусть получившего известие о смерти матери Голицына и взял его с собой осенью 1772 г. в Ливорно. Перед возвращением в Россию для дальнейшей учебы (чтоб «лутче науки французской язык подтвердить») Спиридов решил устроить юноше познавательное путешествие, своего рода Grand Tour по Италии, а затем на пути в отечество и по Европе (в «города, куда молодые люди нарочно для смотрения ездят»).

О поездке князя Голицына адмирал Спиридов докладывал 4 января 1773 г. в послании к И.Г. Чернышёву: «Не прогневайся, батюшка, что я князя Петра Федоровича Голицына ныне в Россию отпустил, сему притчина то, что в Архипелаге, не получая писем от матушки своей, очень грустил, для чего принужден был ему о кончине ево матушки сказать, и взял к себе на корабль <...> в Италию, и здесь он, как Ливорну, так и прочее, что молодому человеку нужно, высмотрел, и, где надлежало, был, то я разсудил послать ево в Рим, чтоб, как там, так и по дорогам до Рима в италянских городах все, что стоит любопытства, увидел». Для сопровождения молодого аристократа из Тосканы в Рим Спиридов выбрал своего адъютанта Владимира Ржевского, поручика Шлиссельбургского полка Павла Жукова, состоящего при адмирале «для переводу французскаго и италянскаго языков», а также лейтенанта Николая Суковатого (старшего по возрасту и по званию, «чтобы смотрел за ево [Голицына] поступками»).

«Какова была миссия русских моряков, нам не известно. По справедливому утверждению публикаторов, их «Записки», «культурные, географические и военные аспекты освоения русскими офицерами Италии в годы войны оказывались зачастую неразличимыми».

В Рим они ехали через Пизу и Сиену, возвращались через Флоренцию. На протяжении пути русские моряки фиксируют качество дорог, отмечают, многолюдны ли поселения, обращают внимание на городские укрепления и мосты.

Во время этой поездки офицеры были приняты в Риме И. И. Шуваловым и не только предавались светским развлечениям, но и усердно осматривали достопримечательности.

...Во Флоренции «были в большой герцогской галереи», где хранятся разные «дикихинные вещи», «сделанные преудивительно», как, например, столы «из разных прозрачных камней, вид представляющая цветков столь хорошо, что ни один живописец не может так написать» — так описана знаменитая «флорентийская мозаика».

Вместе с молодым Петром Голицыным в Рим отправился и Владимир Ржевский. Ему было больше 20 лет, перед отбытием в Архипелагскую экспедицию он показал знание французского и немецкого (оба языка оказались значительно менее нужными, чем итальянский, английский и греческий!), а также то, что он «хорошо рисует пером виды берегов <...>, танцует менует, полской танец и кондрдансы хорошо и поведения хорошева». Как показывает Дневник путешествия компании по Италии, Ржевский не преминул продемонстрировать свои светские навыки тамошнему обществу.

«Отчет Чернышеву об этой поездке Спиридов закончил словами: «Слава Богу! Возвратились все хорошо с похвалою об них от Ивана Ивановича Шувалова, которой тогда в Риме был и показывал все возможные благосклонности.

О том их путешествии у князя [Петра Голицина] есть журнал, которой по приезде ево в Петербург приказал вручить Вашему сиятельству».

Итальянские государства оказались первопроходцами в обще-

Св. адмирал Ф.Ф. Ушаков

нии с целой колонией поданных Екатерины II, сложившейся в течение войны. Как пронизательно замечала императрица: «мудрая Европа одобрит только тогда мои планы, когда они счастливо удадутся. И отношение к русским менялось в зависимости от военных побед и усиления влияния России в регионе».

Сопоставив информацию из разных источников, я пришёл к выводу, что упоминаемый выше Владимир Ржевский, который состоял при Г. А. Спиридове генерал-адъютантом, вполне мог быть тем самым, который упоминался в материалах Государственного архива Орловской области в качестве владельца и совладельца имений, расположенных между Орлом и Болховом: «Геометрический специальный план Мценского, что ныне Дешкинского уезда, дачи села Тулок с сельцом Тельче с деревнями Малой Дешкиной и Брагиной с принадлежащими к ним всеми землями, которые состоят во владении гвардии капитан-поручика Александра Володимерова сына Шереметева межевания, учиненного в 1778 году июля 6 дня ... межа утверждена в 1794 году августа 26 дня...

Земля деревни Карандаковой общего владения «флота капитана Володимера Матвеева сына Ржевского с прочими владельцы»; «Дело по прошению капитана В. М. Ржевского о вводе его во владение купленным имением у помещиков Кривцовых. ... недвижимым имением Мценской округи «в урочищах Гороховой поляне», (подано 18 октября 1789 г.). Купчая (копия): «Лета 1789 октября 18 мценские помещики секунд-майор Алексей лейб-гвардии Преображенского полку под поручик Василей и сержант Сергей Михайловы дети Кривцовы в роде своем не последние продали мы флота капитану 1-го ранга Владимиру Матвееву сыну Ржевскому крепостное свое недвижимое имение доставшееся нам по наследству в 1787 году от племянницы нашей покойной подпоручицы Федосьи Ивановой дочери Синявиной...».

А обнаруженные в сентябре этого года сотрудником Орловского областного суда Д. А. Ягуповой документы Государственного архива Орловской области, где есть собственноручная подпись Владимира Матвеевича Ржевского, дополнительно подтверждают эту версию.

Уже после завершения Архипелагской экспедиции флотская история Владимира Ржевского продолжилась: в начале июня 1776 года был подписан рескрипт императрицы о снаряжении к переходу на Черное море под видом торговых кораблей пяти фрегатов: «Павел», «Наталия», «Григорий», «Констанция» и «Св. Па-

вел». Первым трём судам в сопровождении 40-пушечного фрегата «Северный Орёл» сначала надлежало перейти из Кронштадта в Средиземное море.

26-пушечный фрегат «Св. Павел» и 24-пушечный фрегат «Констанция», оставленные в Средиземном море после Архипелагской экспедиции под надзором генерал-майора И. А. Ганнибала, находились в порту Ливорно, часть экипажей составляли матросы, участвовавшие в Архипелагской экспедиции.

Командование фрегатом «Северный Орёл», а с ним и всем отрядом было поручено капитану 2-го ранга Тимофею Гавриловичу Козлянинову.

15 июня 1776 г. отряд Т. Г. Козлянинова отправился в Средиземное море.

12 сентября «Северный Орёл» и «Павел» подошли к порту Ливорно. Отдельно вице-президент Адмиралтейств-коллегии И. Г. Чернышёв (принадлежал роду Ржевских со стороны матери Авдотьи (Евдокии) Чернышёвой) предписывал командиру отряда для комплектования экипажей фрегатов, находящихся в Ливорно, взять в качестве командира фрегата «Св. Павел» капитан-лейтенанта Ф. Ф. Ушакова. Здесь, согласно предписанию, впоследствии великий адмирал Ф. Ф. Ушаков вступил в командование фрегатом «Св. Павел». Фрегат «Констанция» по приказанию Т. Г. Козлянинова принял капитан-лейтенант В. М. Ржевский.

13 января 1777 года фрегаты снялись с якоря и отправились в путь к турецкой столице.

22 января они втянулись на Константинопольский рейд.

9 февраля 1777 года А. С. Стахийев вместе со своей свитой и офицерами с российских судов сделал первое церемониальное посещение нового верховного визиря Османской империи.

В российском кортеже, растянутом на полусотню шагов, присутствовали и морские офицеры, в частности Владимир Ржевский и Фёдор Ушаков.

21 марта 1783 года Адмиралтейств-коллегия отрядила Иллариона Афанасьевича Повалишина (1739–1799) (чаще писали в его время Ларион), как одного из старших капитанов, в Архангельск, чтобы принять командование эскадрой из 2 кораблей и 2 фрегатов, которые достраивали на севере.

Капитану следовало, получив указ коллегии, явиться в распоряжение главного командира Архангельского порта контр-адмирала А. В. Мусина-Пушкина и готовить корабли к выходу в море.

1 мая Повалишин получил инструкцию. Вскоре он уже был в Архангельске.

В его эскадре состояли корабли № 70 («Мечеслав»), № 71 («Болеслав») и фрегаты № 33 («Возмислав») и № 34 («Подражислав»). Следовало доставить их на Балтику.

11 июня суда вышли на Соломбальский рейд и направились к бару (отмелям в устье Северной Двины). 12 июня шквалом сломало грот-стенгю на «Мечеславе» (№ 70).

Сохранились письма Повалишина вице-президенту Адмиралтейств-коллегий графу И. Г. Чернышёву, которые показывают эти трудности наяву. К примеру, 16 июня 1783 года капитан писал: «Исполняя повеление вышней команды, с порученною мне эскадрою и с транспортными судами, сего июня 11 числа при способном ветре снялся с якоря и пошёл для перехода за бар. Но не доходя онаго нашедшим с молнией громом, с густым туманом и дождем от W шквалом, что все идущие назади суда закрыло, хотя все осторожности взяты, но наклоением корабля навело немалую опасность, почему как ветер сей противен, то и не оставалось средства, как с безопасной стороны положить якорь, употребив в сем случае нужную осторожность, что в скорости вся опасность миновалась. По прочищении же тумана увидели, эскадра вся лежит на якоре, но на корабле № 70 сломлена грот-стенгя. Я, обезопасив себя, поехал тот же час на оный корабль и с бывшим у меня корабельным мастером. По приезде командир сего корабля капитан Ржевский донёс мне, что сломление грот-стенгя последовало от нашедшего шквала; по осмотре оной перелома найдено, что она гнила в середине; вместо сей сломанной стенгя получена уже другая. В сие же время от нашедшего шквала из транспортных судов у одного подорвало канат и бросило на мель, а как грунт мягкий ил, то без всякого повреждения сняли. С того времени по днес ветры большие частию крепкие и противные».

Приведу биографические сведения про представителя рода Ржевских — Владимира Матвеевича Ржевского:

Сын капитана флота Матвея Васильевича Ржевского (1702–1766), помещика Болховского уезда, и Федосьи Наумовны, урождённой Сенявиной (1717–1775), внук петровского вице-адмирала Наума Акимовича Сенявина. Младший брат генерал-поручиков Степана (1732–1782) и Павла Матвеевичей (1748) Ржевских.

Олег БОРИСОВ, г. Москва

Из Русского биографического словаря. — Спб., 1913. Т 16.:

«Владимир Ржевский — кадет Морского кадетского корпуса 1761.

1 мая 1767 г. произведён был в гардемарины и ежегодно плавал в Балтийском море до 1770 года.

25.06.1770 г. произведён в мичманы и на корабле «Всеволод», в эскадре контр-адмирала Арфа, перешел из Кронштадта в Архипелаг, где крейсировал.

24.11.1773 г. получил чин лейтенанта.

В 1775 г. командовал фрегатом «Констанция» на рейде в Ливорно.

В 1777 г. из Ливорно он ходил в Мессину, к Танжеру.

В 1779 г. вернулся со своим фрегатом в Кронштадт.

1 января 1782 г. произведённый в капитаны 2-го ранга.

В 1783 г. был в Архангельске, командовал кораблем «Мечеслав» (№ 70), который привёл в Кронштадт в составе отряда из 2-х кораблей и 2-х фрегатом.

1 января 1784 г. уволен был от службы с чином капитана 1-го ранга. 18 января 1790 г. назначен был председателем Орловского верхнего земского суда 1-го департамента.

В 1797 г. был статским советником и председателем Орловской палаты суда и расправы.

30 января 1797 г. был назначен Минским вице-губернатором,

9 августа 1799 г. произведён был в действительные статские советники и 23 декабря того же года назначен Новгородским гражданским губернатором.

28 октября 1800 г. был уволен, по прошению, от службы, с производством в тайные советники и с пенсией полного жалованья. Проживая, после выхода в отставку из флота, в Орле, Ржевский состоял в масонской ложе под управлением Орловского вице-губернатора З. Я. Карнеева.

В 1802 г. он просил о сохранении ему пенсии, назначенной ему за 16 кампаний при увольнении его в 1784 г. от морской службы, но получил отказ.

Дата смерти Ржевского не известна.

Его сын Константин (1783–1831 году) будучи в чине майора был убит во время Польского восстания, а внук Владимир Константинович (1811–1885), проживая в Мценском имении, был знаком с И. С. Тургеневым».

И добавлю, что 18 сентября 2016 года в Греции на острове Парос открыли памятник, посвященный малоизвестному, но значимому периоду первой Архипелагской экспедиции, во время которого бухта Науса была центром военно-морской администрации, а также военно-морской базой Русского флота в Эгейском море 1770–1775 гг.

КУЛЬМСКИЙ КРЕСТ АФАНАСИЯ ДУБРОВИНА

*Книга об участии Морского
гвардейского экипажа
в Отечественной войне 1812 года*

В Год российской истории и одновременно год 200-летия Отечественной войны 1812 года орловчане, благодаря средствам массовой информации и памятным мероприятиям, вспомнили или узнали о многих своих замечательных земляках — героях. Я хочу представить читателям ещё одного, о котором пока нигде не сообщалось.

Афанасий Дубровин — личность для Орловщины уникальная. Офицер Морского Гвардейского Экипажа, два с половиной года героически воевавший с французами на суше, — это ли не удивительно?

Римский-Корсаков, но не композитор

А теперь обо всём по порядку.

15 марта 1835 года Орловское

Дворянское Депутатское собрание рассматривало прошение Гвардейского Экипажа капитан-лейтенанта и кавалера Афанасия Ивановича Дубровина о причислении к дворянству его детей — Праксовьи, Николая, Василия и Владимира. К прошению, как обычно в таких случаях, были приложены и документы, подтверждающие обоснованность заявления.

Но когда дело в заседании дошло до заслушивания просителя, вместо него неожиданно встал незнакомец в военно-морской форме:

«Господа, будьте любезны выслушать, я попросил уже об этом и Вашего предводителя». Такого рода отступления от сложившегося порядка заседаний случались в Собрании не часто, и потому дворяне-депутаты с любопытством предоставили гостю слово.

«Капитан I ранга Николай Римский-Корсаков», — свою речь

незнакомец начал с представления, а потом очень коротко сказал о себе: «Участник Отечественной войны 1812 года, русско-турецкой войны 1828–1829 года, польской кампании, кавалер нескольких орденов и Золотого оружия «За храбрость», был капитаном нескольких кораблей, о числе плаваний уже не говорю, их много, в том числе — трёхлетнее кругосветное вместе с Коцебу, в настоящее время я — флигель-адъютант Его Величества Императора Николая I и капитан корабля «Кацбах». Хожу по Балтике. В Орле — проездом, навестил старого товарища Афанасия Дубровина. Ну а раз так вышло и мне выпала возможность сказать об этом герое, я это сделаю.

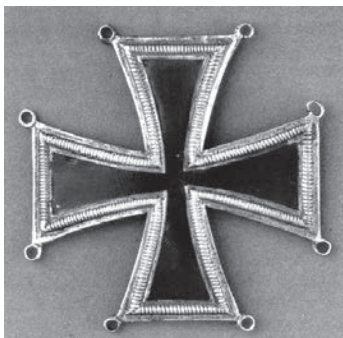
Монумент русским офицерам, погибшим в Кульмском сражении

Да, господа, капитан-лейтенант Дубровин — настоящий герой. В этом я мог убедиться за те два с половиной года, пока мы вместе воевали в Отечественную войну в составе Морского Гвардейского Экипажа. На всякий случай скажу, что наше элитное подразделение Российского флота ведет свое начало от «царских гребцов» эпохи Петра Великого, потом оно называлось «Придворной гребцовой командой», а в 1810 году Его Величество Александр I повелел переформировать её, причислить к гвардии и назвать «Морским Гвардейским Экипажем». Наша часть стяжала себе славу в Отечественной войне 1812 года и Заграничном походе русской армии 1813–1814 годов».

Друзья-поджигатели

Некоторые из орловских дворян, присутствовавшие на заседании, сами участвовали в Отечественной войне, и их трудно было удивить рассказами о ней, но моряков среди них не было, и потому рассказ капитана I ранга они слушали с огромным вниманием.

Оказалось, что Николай Римский-Корсаков и Афанасий Дубровин познакомились в самом конце 1811 года, когда оба оказались в составе Морского Гвардейского Экипажа, Николай был

Кульмский крест

моложе на два года и потому имел мичманское звание, а Афанасий только-только стал лейтенантом. Дружба свежееиспечённых офицеров началась сразу, потому что молодых людей объединяло многое: учёба в Морском Кадетском корпусе, начало службы гардемаринами, плавание на яхте «Паллада» по Балтийскому и Немецкому морям, увлечение музыкой.

Когда началась Отечественная война, командование приняло решение большую часть Морского Гвардейского Экипажа, как наиболее подготовленную в инженерном отношении, использовать на суше, — при разрушении мостов перед наступавшей французской армией. Друзья тогда оказались вместе, и уже 8 августа 1812 года после переправы русской армии через Днепр лейтенанты Дубровин, Чихачев, Хмелев и мичман Римский-Корсаков уничтожили постоянные мосты через реку, затруднив продвижение французов.

4 сентября, когда русские войска покидали Москву, лейтенант Афанасий Дубровин и мичман Николай Римский-Корсаков, на виду у французских кавалеристов и под их сильным огнём, подожгли мосты через Москву-реку и Язу, не дав французам организовать преследование.

Согласно указу Императора Александра I, «за понесённые труды в течение 1812 года» были награждены все офицеры Морского Гвардейского Экипажа, в том числе орденом Святой Анны 3 степени — лейтенант Афанасий Дубровин и мичман Николай Римский-Корсаков.

Как Вандам получил по мордам

Отличились гвардейцы Морского Экипажа и во время Заграничного похода русской армии, особенно при Бауцене и Кульме.

«Знаете, господа, — с волнением в голосе продолжал рассказ капитан I ранга, — Кульмское сражение я не забуду никогда, а память о нём — всегда во мне, вот она: рана в бедре, которая ноет при изменении погоды, Кульмский крест на груди и друг Афанасий» (при этих словах Николай Петрович подошёл к Дубровину и порывисто обнял его).

Сражение под Кульмом. Художник А. Коцебу, Государственный Эрмитаж

Справившись с волнением, капитан I ранга продолжил: «К Кульму, городку в Богемии, в 40 километрах от Дрездена, наш Морской Экипаж подошёл вместе с другими гвардейскими полками в составе 1-й гвардейской дивизии генерала Ермолова, а нашим сводным отрядом в количестве 10 тысяч человек командовал граф Остерман-Толстой. А на нас навалился французский генерал Вандам с 35-ю тысячами. Я уже лейтенантом был, командовал охотниками-стрелками (так тогда называли добровольцев. — **А. П.**).

Бой шёл целый день 17 августа 1813 года, мы расставились в две линии и прикрывали дорогу на выходе из ущелья. Если бы французы прорвались, остальным войскам, не успевавшим к месту сражения, грозила полная гибель. Утром отбили первую атаку Вандама, в полдень французы предприняли второй ожесточённый штурм.

Сражение развернулось на горных склонах вдоль дороги Кульм—Теплиц. Генерал Остерман-Толстой был ранен, ему перебило ядром руку. Вместо Остермана командование принял генерал Ермолов.

Ближе к 5 часам дня Вандам атаковал в третий раз, уже на нашем левом фланге, двумя колоннами, и чуть было не прорвался. Но наши гвардейские полки, как писал потом генерал Ермолов, «с невероятным стремлением ударили на французские колонны. Одна из них скрылась в лес, другая ... легла мертвая рядами на равнине». Французы отступили и больше не предпринимали атак.

Потери у нас в гвардии были страшные — почти три тысячи

Адмирал Н.П. Римский-Корсаков

человек, в Гвардейском Экипаже выбыли из строя 75 процентов офицеров и 40 процентов рядовых. Меня тяжело ранило в бедро, Дубровина — в плечо, и как он тогда меня вытащил одной рукой из-под огня — не понимаю. А на следующий день к нам подошло подкрепление, и Вандам был не только разбит, но и в плен попал ещё с двумя своими генералами. Вот такая история, господа», — закончил своё повествование Римский-Корсаков.

Орловские дворяне после такого рассказа не стали заморачиваться на отсутствии у капитан-лейтенанта Афанасия Дубровина недвижимого имения и крепостных крестьян, а дружно проголосовали за то, чтобы все дети кавалера трёх русских орденов и Кульмского креста получили дворянство.

P.S. Спустя несколько лет после описываемых событий Николай Петрович Римский-Корсаков дослужился до чина вице-адмирала, состоял при Государе Императоре и ежегодно посылался по Высочайшему повелению с различными поручениями. В марте 1842 года он был назначен помощником директора Морского Кадетского Корпуса (того самого, в котором учились он сам и Дубровин), а через год занял пост директора Корпуса и оставался в этой должности по день смерти в 1848 году.

Кстати, великий русский композитор Николай Андреевич Римский-Корсаков, родившийся за четыре года до его кончины, приходился герою-моряку родным племянником и был назван в его честь, другой племянник, Воин Андреевич, рожденный в Орловской губернии, стал знаменитым флотоводцем и директором Морского корпуса с 1861 по 1871 г.

Какой была судьба капитан-лейтенанта Афанасия Дубровина и его детей после заседания Дворянского собрания, узнать мне пока не удалось.

Александр ПОЛЫНКИН,
писатель, п. Покровское Орловской области

ДМИТРИЙ ДЕМИДОВ — УЧАСТНИК ОТКРЫТИЯ АНТАРКТИДЫ

К 200-летию открытия Антарктиды

Поздней осенью 1833 года курский гражданский губернатор Павел Демидов возвращался в родные пенаты из Орла от своего коллеги Аркадия Кочубея. Затяжные ноябрьские дожди привели приличный ранее тракт в непригодное состояние, и даже шестёрка лошадей с трудом вытаскивала тяжёлый дормез (комфортная карета, в которой во время путешествия можно спать, как в обычной кровати. — А. П.) из очередной колдобины.

Раз — Демидов, два — Демидов...

В одну из больших ям экипаж ухнул так, что губернатор чуть не вывалился из кареты. Оказалось, не выдержала экстремальной дороги передняя ось дормеза, лопнула, и правое колесо соскочило, закатившись в огромную лужу.

Кучер и один из помощников Демидова, отправившиеся в ближайшее село, возвратились уже в сумерках, когда губернатор основательно продрог и совсем потерял терпение. Но слуги вернулись не одни — в экипаже, запряжённом четвёркой лошадей. Молодецвато выпрыгнувший из него среднего роста крепыш в цивильном платье представился: «Ваше превосходительство, честь имею: капитан 2-го ранга Дмитрий Демидов».

А далее всё происходило очень оперативно. Губернатор пересел в подъехавшую карету, которая доставила его в небольшой, но уютный помещичий дом, разместившийся чуть в стороне от большого села. Здесь Павла Николаевича Демидова отогрели, накормили и напоили замечательными домашними винами.

Статский советник полностью пришёл в себя, и ему захотелось узнать о своём спасителе-однофамильце. Бывший моряк охотно удовлетворил любопытство губернатора, поведав о себе и о событиях недавних, но во многом удивительных.

На «Востоке» — на юг, к Антарктиде

Орловские помещики Демидовы хоть и уступали по известности и богатству знаменитым горнозаводчикам и оружейникам Демидовым, но тоже оказались не из последних дворян в Империи Российской. Василий Иванович, прадед рассказчика, был со-

Ф.Ф. Беллинсгаузен

ветником императрицы Екатерины II и по её указанию боролся с проституцией в Санкт-Петербурге. Дед, Иван Васильевич, и отец, Алексей Иванович Демидовы, до генеральских чинов дослужились.

Самому же Дмитрию Демидову судьба уже в детстве приготовила испытания. Его матушка умерла сразу после родов, в 1800 году. Отец отдал сына на обучение в Морской корпус. И уже с 15-летнего возраста Дмитрий начал плавать на кораблях Балтийского флота, став вначале гардемаринном, а в 18 лет — мичманом. Когда готовилась в 1819 году к отправке первая Антарктическая экспедиция под руководством Фаддея Беллинсгаузена, то сам

адмирал Максим Петрович Коробка рекомендовал молодого офицера в состав экипажа шлюпа «Восток».

Выйдя 4 июня 1819 года из Кронштадта, экспедиция прибыла 2 ноября в Рио-де-Жанейро. Оттуда шлюпы «Восток» и «Мирный» сперва направились прямо на юг, и, достигнув 69° южной широты 16 января 1820 года, участники экспедиции открыли Антарктиду. 21 января Беллинсгаузен и его товарищи вторично видели берег, а 5 и 6 февраля экспедиция подходила к нему почти вплотную.

Дмитрий Алексеевич, дойдя до этого момента в своём рассказе, пригласил гостя в библиотеку, не уступавшую лучшим столичным, отыскал в одном из шкафов нужную книгу и подал её курскому губернатору.

«Двукратные изыскания в Южном Ледовитом океане и плавание вокруг света в продолжение 1819, 20 и 21 годов, совершенные на шлюпах «Востоке» и «Мирном», — прочёл Павел Демидов. А открыв обложку, увидел губернатор рукописный текст: «Господину лейтенанту, офицеру на шлюпе «Восток», Дмитрию Алексеевичу Демидову — на добрую память от автора и командира. Фаддей Беллинсгаузен». Подписан был подарок 25 декабря 1831 года.

Капитан 2-го ранга показал несколько мест в книге, где Беллинсгаузен упоминал его по тому или иному случаю, в основном как меткого стрелка и переводчика.

«Счастлиное избавление от великой опасности»

Но лейтенанту (звание он получил уже во время экспедиции. — А. П.) Дмитрию Демидову больше всего запомнился один случай, зафиксированный начальником экспедиции:

«25 декабря 1820 года мы шли при тех же обстоятельствах и при снежных тучах. Ледяные острова беспрестанно вновь открывались и умножались к восточной стороне, а с западной были ниже и скрывались.

Сегодня праздник Рождества Христова, все оделись в парадные мундиры, и, невзирая на неприятную погоду, я посредством телеграфа пригласил на шлюп священника, который прибыл в 11 часов. Все вообще слушали молитву, кроме вахтенных. Во время благодарственной молитвы за избавление любезного отечества нашего от нашествия врагов вдруг почувствовали сильный удар судна...

Лейтенант Демидов, управлявший тогда шлюпом,.. избегая одной льдины, коснулся правой стороны другой, которая казалась ему небольшой, но льдина сия, напивавшись водою, от тяжести погрузилась, и потому-то надводная часть ее была мала. Удар последовал весьма сильный и ежели бы при тогдашней качке не ослаблен был якорным штоком и подъякорными нижними досками, то проломил бы судно... Из сего видно, что одному счастливому случаю обязаны мы избавлением от великой опасности, а может быть, и от самой потери шлюпа. Удар последовал, когда судно спускалось носом вниз, а ежели бы сие случилось, когда нос приподнимался, удар последовал бы прямо в подводную часть, защищенную одною только настоящею обшивкою, и немедленно раздробил бы сию обшивку, которую исправить не было ни места, ни возможности; в таком гибельном положении для спасения людей осталось бы одно средство — перевести всех или кого успели на шлюп «Мирный».

Во время этого плавания был открыт и назван в честь Дмитрия Алексеевича Демидова мыс (54*08` ю. ш., 37*43` з. д.) у острова Южная Георгия на карте Антарктиды.

В 6 часов утра 24 июля 1821 года, под салют пушек Кронштадтской крепости, шлюпы «Восток» и «Мирный» стали на якорь на том самом месте, с которого отправились в путь.

Экспедиция продолжалась 751 день; пройдено всего было 86475 вёрст, открыто двадцать девять островов и последний из земных материков Антарктида!

Участников многодневного плавания наградили, Дмитрий Демидов был удостоен ордена Святого Владимира 4-й степени.

В память о Демидовых

«В 1823 году я командовал фрегатом «Помощный», в 1824 году — бригом «Кетти» при описи и промере глубин в Белом море. В 1830 году был произведён в капитан-лейтенанты, а в 1832 году был уволен со службы с чином капитана 2-го ранга. Батюшка мой умер к этому времени, и я был вынужден заняться устройством домашних дел, по причине этой и нахожусь здесь, в Демидове, в отцовском имении», — закончил свой долгий рассказ офицер морского флота.

Вот так завершилась тогда нечаянная встреча двух Демидовых. Павел Николаевич, завершив трёхлетний губернаторский срок и оставив о себе добрую память у курян постоянной и обширной благотворительностью, покинул вскоре губернию. А Дмитрий Алексеевич поселился на постоянное местожительство в своём Малоархангельском имении. В 50-е годы XIX века местные дворяне избирали его уездным предводителем. К сожалению, пока не удалось выяснить дату смерти участника открытия Антарктиды. А вот место упокоения нашего земляка — скорее всего, в том самом отцовском имении в селе Демидово, рядом с Покровской церковью.

В Ливенском районе в настоящее время в списке населённых пунктов не значится село с таким названием, однако проживающие в стоящей на трассе Орёл — Ливны деревне Покровка 2-я и близлежащем селе Покровка 1-я жители гораздо чаще называют их по старинке, как и сто лет назад, — Демидово.

На карте мира имеются и официальные названия в честь нашего земляка: кроме мыса Демидова у побережья Антарктиды, есть ещё острова Демидова у южного побережья южного острова Новой Земли. Названы они были так в год описанной нами встречи двух Демидовых.

Послесловие

Для начала, уважаемый читатель, посмотри на фотографии. На них, по словам орловских искусствоведов В. Неделина и В. Ромашова, — «одна из самых оригинальных культовых построек в области»: храм Покрова Пресвятой Богородицы в ливенском селе Покровка Первая. Расположено село на северо-западе Ливенского района, на речке Речица, в 1 км к югу от автотрассы Орёл — Тамбов.

Когда лет 10–15 назад мне случалось проезжать из посёлка Покровское на Ливны, в этом месте, при въезде в населённый пункт, был расположен указатель: с. Демидово. Но в настоящее время его заменили на другой — «Покровка». Я потратил некоторое время,

чтобы разобраться как с названиями, так и с историей заинтересовавшего меня селения.

Оказалось, что в метрических книгах храма Покрова Пресвятой Богородицы село имело название Покровское (Речица тож). В справочном издании «Волости и важнейшие селения Европейской России. Выпуск I», изданном в 1880 году в Санкт-Петербурге, его именуют Покровское (Демидово, Верх-Речицы). В наши годы (конец XX — начало XXI века) местные жители предпочитали (да и до сих пор это название в ходу) именовать село как «Демидово». Некоторое время, вплоть до конца первого десятилетия XXI века существовал здесь СПК «Демидовский» (сельскохозяйственный производственный кооператив). Однако, как ни странно, на смену этим трём вариантам названия села пришло четвёртое, искажённое, просторечное, но приглянувшееся администраторам и составителям справочников и карт, — Покровка (сокращение от «Покровского». — **А. П.**).

А теперь, читатель, перехожу собственно к истории, поскольку она чрезвычайно интересна. И начну с материала журналиста «Орловской правды» Александра Мазалова, который был опубликован в газете 12 октября 2012 года под названием «Тайна господина Инкогнито». Корреспондент в своём очерке описал, как он, по письму одного из местных жителей, побывал в деревне Покровка Вторая и выяснял подробности, связанные с находкой, сделанной там в 80-е годы XX века. Находкой оказался «склеп, сложенный из старинного красного кирпича, который находился на глубине 1,5–2 метров под землей». Когда кто-то из жителей рискнул забраться внутрь, то обнаружил «дубовый гроб, в котором покоился офицер, а все было усыпано жженой известью. Труп мумифицировался — известь не дала ему полностью истлеть».

Александр Мазалов написал, что, «по словам местных жителей, до сегодняшнего дня захоронение не изучили ни историки, ни ар-

*Капитан шлюпа «Мирный»,
впоследствии адмирал
М.П. Лазарев*

хеологи, ни краеведы. А яма, оставшаяся на месте склепа, теперь захлавлена мусором. Останки офицера и его мундир по сей день, похоже, зарыты в плотину».

Кто же он был, этот неизвестный офицер? В Покровке несколько раз заходили разговоры и тогда, и позже о купцах Демидовых, которые здесь когда-то жили. Не буду дальше пересказывать содержание статьи — читатель и сам может с ней ознакомиться. А вот по поводу того, кто же был тот офицер в эполетах, похороненный у старой, разрушенной до основания церкви, попробую сделать предположения...

Начну с того, что Демидовы, владевшие землями в окрестностях современного села Покровка Первая и деревни Покровка Вторая, купцами никогда не были. Это достаточно известный на Орловщине дворянский род, не имеющий, правда, никакого отношения к знаменитым горнозаводчикам и оружейникам.

Основатель рода, Василий Иванович Демидов, получивший дворянство от царицы Елизаветы Петровны в 1750 году, был советником кабинета императрицы, известным блюстителем нравственности и борцом с проституцией. Он дослужился до чина действительного статского советника и стал первым владельцем имения в Ливенском уезде, в верховье ручья Речицы (в нём числилось 113 душ крестьян мужского пола).

Его внук, Алексей Иванович Демидов, генерал-лейтенант флота, служил при адмиралтействе. И хоть с 1795 года по 1797 год Алексей Иванович являлся предводителем дворянства Новгородской губернии, но и в Дворянскую родословную книгу Орловской губернии он со своими детьми тоже был внесён. В ливенском имении Покровское, доставшемся по наследству, генерал-лейтенант не только жил в летние месяцы, но и имел здесь огромную библиотеку, где хранились кроме книг старинные рукописи и карты, документы о коронации царственных особ. А.И. Демидов умер в 1826 году, и похоронили его в Петербурге.

У Алексея Ивановича Демидова остались два сына: Александр Алексеевич (старший) и Дмитрий Алексеевич (младший).

Александр Демидов получил образование в Пажеском Его Императорского Величества Корпусе, откуда поступил на службу в лейб-Гренадерский (позже — лейб-Гвардии Гренадерский полк) в 1808 году прапорщиком.

Потом служил в Камчатском и Нарвском пехотном полках. Участвовал в русско-турецкой войне 1806–1812 годов (был в походах

1811 года в Молдавии и Валахии при генерал-майоре Воронцове). За отличие в сражении с турками при Рущуке 22 июня 1811 года, где османами командовал сам визирь, подпоручик Демидов удостоился монаршего благоволения за проявленную храбрость. Русско-му войску под руководством М. И. Кутузова, имевшему 15 тысяч штыков, удалось тогда нанести поражение 60-тысячной турецкой армии и уничтожить крепость Рущук.

Затем, уже во время Заграничных походов Русской армии, подпоручик А. А. Демидов участвовал в осаде крепости Модлин (территория Варшавского герцогства, с 9 по 22 июля 1813 года) и в сражении 6 – 7 октября 1813 года у города Лейпцига. В последнем сражении он был «ранен в щёку навывлет с выбитием пяти зубов и за оказанное отличие награждён чином поручика»... 3 марта 1816 года Александр Демидов был уволен из армии «по ранению, штабс-капитаном, с мундиром и пенсионом полного жалования»...

Выйдя в отставку, 25 апреля 1820 года в Казани он сочетался браком с Маргаритой Порфирьевной Молоствовой. Сначала у молодых родилась дочь Екатерина, а когда 20 сентября 1826 года появился на свет сын Александр, то семья поселилась в ливенском имении Покровское, получив его в наследство после смерти генерала Демидова. Но мирная сельская жизнь продлилась только 6 лет: штабс-капитан Александр Алексеевич Демидов скоропостижно скончался в 1832 году.

О месте захоронения его до недавнего времени ничего известно не было. А вот о жене, Маргарите Порфирьевне, пережившей супруга почти на полвека, мы знаем, что она умерла 10 октября 1876 года и похоронена была в селе Покровское, в имении мужа и своём собственном.

И, с учётом находки в селе Покровка Первая того самого склепа, рискну предположить, что обнаруженное местными жителями захоронение принадлежало как раз штабс-капитану, герою войн с турками и французами, Александру Демидову. Хорошо было бы, конечно, увидеть его мундир, который он имел право носить и в отставке. Но теперь, наверно, это нереально.

О малолетних детях умершего позаботился их дядя, Дмитрий Алексеевич Демидов, только-только в чине капитана 2-го ранга вышедший в отставку и ставший их официальным опекуном.

Дмитрий Алексеевич поселился на постоянное местожительство в Малоархангельском имении, где в 50-е годы XIX века местные дворяне избирали его уездным предводителем. Но регулярно при-

езжал он и в свои ливенские владения, где подолгу живал вплоть до 1861 года, заботясь о хозяйстве и родных племянниках. Точной даты смерти и места захоронения Дмитрия Алексеевича Демидова мы не знаем.

Предположу, что когда в селе Покровское (Демидово) в 70-е годы XIX века начали строить новую церковь, то, вполне возможно, к этому имели отношение и Демидовы — Дмитрий Алексеевич и Маргарита Порфирьевна. И не для них ли создавались два склепа — непосредственно под храмом и под алтарём, сохранившиеся до настоящего времени, но разграбленные?

Кстати, несколько лет назад церковь Покрова Пресвятой Богородицы в селе Покровка Первая усилиями иеромонаха Виктора (Строева), настоятеля соседнего храма в селе Речица, начала восстанавливаться. И вот уже два года по праздничным дням отец Виктор проводит в ней службы для прихожан из села Покровка Первая и деревни Покровка Вторая.

Может быть, и для памятника или памятного знака в честь братьев Демидовых время придёт? Они это заслужили.

Александр ПОЛЫНКИН

Шлюпы «Восток» и «Мирный» у берегов Антарктиды

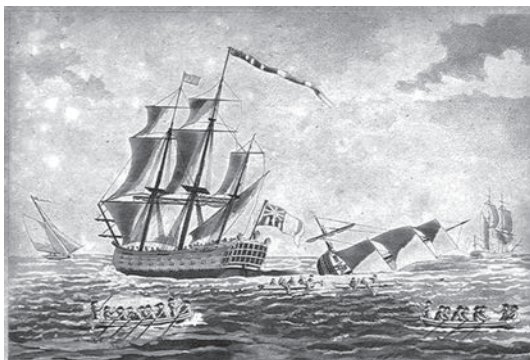
МАРДАРИЙ МИЛЮКОВ: «ПЕРВЫЙ ВО ФЛОТЕ ЗНАТОК МОРСКОГО ДЕЛА»

Мардарий Васильевич Милюков (1789–1862) — капитан 2 ранга, мореплаватель, участник Крымской войны, педагог, Почетный попечитель Орловской губернской гимназии, член попечительского совета по организации первой Орловской публичной библиотеки, знакомый И. С. Тургенева, персонаж рассказа Н. С. Лескова «Умершее сословие» — одна из самых ярких личностей Орловской губернии середины XIX века.

Мардарий Милюков родился в 1787 в д. Старухино Чернского уезда Тульской губернии, однако в его «Формулярном списке ...» значится, что он происходит из дворян Орловской губернии. Дело в том, что в XVI–XVII вв. д. Старухино входила во Мценский уезд, а Милюковы числились его жителями с XVII века. Точнее, они стали владельцами части Старухина, когда предок М. В. Милюкова — Давыд Кириллов сын Милюков — в 1682 г. купил землю в д. Сиротьей поляне (Старухино тож) у детей боярских Старухиных. Позже по межеванию 2-й пол. XVIII в. территория отошла к Черному уезду Тульской губернии.

Мардарий Милюков был единственным сыном тайного советника Василия Яковлевича Милюкова и его супруги Анны Ивановны, урожденной Шеншиной. Имя Мардарий он получил в честь своего бездетного дяди и благодетеля семьи Мардария Ивановича Шеншина.

Родители торопились дать сыну первоклассное образование. Мальчик был отвезен в Петербург, когда его сверстники по обычаю того времени лишь только начинали домашнее обучение и затем удовлетворялись им на всю оставшуюся жизнь. А Мардарий в возрасте 10 лет, с честью выдержав вступительные испытания, что было под силу не каждому, был принят в Морской кадетский корпус кадетом (8 января 1799 г.). В корпусе он изучал русскую грамматику, математику, историю, статистику, богословие, навигацию, корабельную архитектуру, астрономию, физику, химию, французский и английский языки, причем учился очень хорошо. 8 января 1801 года он был произведен в гардемарины и в том же году принял участие в учебном плавании по маршруту: Кронштадт — Копенгаген — Любек — Данциг — Корн-Серон (Испания) — Кронштадт (1801–1803). 10 июня 1804 года Милюков был выпущен из корпу-

Корабль «Ройал-Соверен» при Трафальгарском сражении

са мичманом, «имея от роду 15 лет».

Юный мичман поступил волонтером на Английский морской флот и в скором времени оказался в гуще важнейших событий на море, приняв участие в знаменитой Трафальгарской битве (21 октября 1805). Милюков состоял в команде 100-пушечного ко-

рабля «Ройал-Соверен», который первым атаковал французскую эскадру. В ходе боя русский моряк был контужен в голову. «Под командою Вице-Адмирала Нельсона был в сражении при Трафальгаре, против соединенных флотов Французского и Гишпанского», — бесстрашно расскажет об этом драматическом эпизоде жизни Милюкова его список о службе. В том бою французско-испанская эскадра потеряла 22 корабля, британская — ни одного.

Служба в английском флоте продолжалась. Более года в составе английской эскадры Милюков находился в Бискайском заливе (с 6 декабря 1805 по 12 января 1807 года). Плавал на корабле «Caesar» «под командой лейтенанта Бера»; как член команды участвовал «при взятии абордажем» французского люгера на реке Гароне (15 июня 1806). Далее Милюков отправился в Бразилию и к Антильским островам; «во время этого похода 21 апреля 1808 года был при взятии абордажем на гребных судах военно-французской шхуны «Ладезера» у островов Сент-Винсент и Гренадины. 28 октября 1808 года вернулся в Портсмут (графство Хэмпшир, Великобритания). Тут, «оставя английскую службу», в том же 1808 году Милюков поступил на фрегат «Кальдеонн», но был вызван в Лондон и вместе с бывшими гардемаринами Глазатовым, Колокольцевым и Муравьевым отбыл в Россию вместе с вице-адмиралом Д. Н. Сенявиным, который специально прибыл в Англию для того, чтобы отвезти выпускников Морского корпуса домой.

Вернувшись на родину, Милюков плавал в северных и южных широтах. Званием лейтенанта был награжден 1 марта 1810 года.

Началась Отечественная война 1812 года. Тогда российский флот был задействован в операциях конвоя и прикрытия российских берегов от неприятельского вторжения. С 1 июня по 15 ноября 1812 года Милоков конвоировал купеческие суда из Або и Аланда в Ревель и Ригу. О морских операциях Милоков пишет очень скромно: «...был употреблен в действие против неприятеля на канонирных лодках». «За нахождение в 1812 году в действии против неприятеля на канонерских лодках при Риге» Милоков получил серебряную медаль в память Отечественной войны 1812 года.

В 1817 году Мардарий Милоков был назначен старшим офицером на знаменитый бриг «Феникс», совершавший учебное плавание с 12-ю лучшими гардемаринами Морского кадетского корпуса по маршруту: Кронштадт — Роченсальм — Свеаборг — Ревель — Рига — Стокгольм — Карлскрона — Копенгаген — Кронштадт. Как педагог, как воспитатель и офицер Мардарий Васильевич оставил о себе самые лучшие воспоминания у своих воспитанников. В числе гардемарин — учеников Милокова были будущий герой Наваринского сражения, герой Крымской войны вице-адмирал П. С. Нахимов, будущий декабрист Д. И. Завалишин, будущий ученый-диалектолог, автор «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даль, герои Наваринского сражения И. П. Бутенев и А. П. Рыкачев. «Милоков считался первым во флоте знатоком морского дела (выше даже Мих. Петр. Лазарева)», — восторженно отзывался о Мардарии Васильевиче Д. И. Завалишин. «Милоков был самый пылкий и отважный человек, направлявший нас на отвагу всякого рода — и военную, и в маневрах, и в гимнастике... Командир корабля, П. А. Дохтуров, и старший офицер, Мардарий Васильевич Милоков, были воспитаны на английском флоте и говорили по-английски в совершенстве, — продолжает он. — Ему я обязан не только своими основательными морскими познаниями, но и привычкой к самостоятельности к действию и бесстрашием принятия на себя самой опасной ответственности, когда обстоятельства того требовали... Милоков вздумал доверять мне командование вахтой вместо себя и, оставляя меня одного, ... мне говаривал: «Помните, что на вас лежит ответственность не только за сохранение корабля, но и за мою честь».

Завалишин прав: Милоков в совершенстве знал морское дело. Он провел на море более 18 шестимесячных морских кампаний. За совокупность совершенных им морских походов, за проявленную в плаваниях и сражениях отвагу Милоков был награжден

Орловская гимназия. 1863 г.

орденом Св. Георгия 4 ст. (15 марта 1817). Чином капитан-лейтенанта был награжден 16 марта 1821 года. 25 января 1823 г. М. В. Милюков по прошению («за болезнью») был уволен от службы в чине капитана 2 ранга «с мундиром

и пенсионом половинного жалованья».

Оказавшись в отставке, Милюков вернулся в Орловскую губернию, где был избран ее дворянством Почетным попечителем Орловской губернской гимназии и членом ее Совета (с 14 марта 1833), оставаясь в этой должности в течение нескольких трехлетий. Попечителем Милюков оказался исключительно активным и ответственным; Харьковский университет, курировавший в то время Дирекцию училищ Орловской губернии, даже избрал его своим Почетным членом (21 февраля 1834 г.). «За деятельное участие в устройстве Пансиона при Орловской губернской гимназии и учреждении Ланкастерских школ в Орле и Ливнах» Милюков заслужил благодарность училищного комитета Харьковского учебного округа (6 ноября 1834 г.). Милюков жил жизнью гимназии, он помогал ей всеми доступными способами, принимал активное участие в капитальном ремонте ее здания.

В 1834 году, заботясь о просвещении жителей губернии в целом, Милюков попытался открыть в Орле публичную библиотеку, прибегнув для этого к содействию властей. В принципе соглашаясь с Попечителем гимназии Милюковым в том, что губернскому городу как бы положено иметь библиотеку, губернское начальство денег на нее так и не отыскало.

Однако Милюков не отступал. Он склонил Совет гимназии к тому, чтобы гимназия открыла для публики свою собственную библиотеку. И проект создания публичной библиотеки в Орловской губернской гимназии Милюков составил лично. Проект определял правила работы библиотеки и источники ее финансирования. В дальнейшем — при появлении достаточных денежных средств и книжного фонда — предполагалось отделение публичной

библиотеки от гимназической. Проект Милокова был одобрен руководством Харьковского учебного округа; 6 октября 1834 года он также получил поддержку высших лиц губернии. Но Орловская публичная библиотека была открыта для публики лишь 6 декабря 1838 года.

В марте 1853 года, едва открылись военные действия в Крымской войне, 64-летний Мардарий Васильевич сразу подал прошение о добровольном вступлении в действующую армию и был избран орловским дворянством начальником Мценской дружины государственного подвижного ополчения. Приказом по государственному подвижному ополчению Милоков был переименован в подполковники с утверждением начальником дружины № 63 (19 мая 1855). 1 апреля 1855 года Милоков прибыл на сборный пункт дружины и начал ее формирование. За быстрое формирование и снаряжение дружины Милокову была объявлена благодарность от имени Императора Николая I с награждением полугодовым жалованьем «по внутреннему окладу» (18 августа 1855 г.).

Согласно приказу командующего Южной армией генерала Н. О. Сухозанета дружина под командованием Милокова поступила в состав гарнизона г. Николаева (21 сентября 1855 г.). Там на Высочайшем смотре дружин №№ 63 и 64 Милокову было объявлено монаршее благоволение (21 сентября 1855 г.). По приказу командующего Южной Армией Милоков был назначен сначала помощником начальников Рязанского и Орловского ополчений, затем начальником Рязанского и Орловского ополчений (1855). После заключения мира Милоков вернулся из похода в г. Мценск 25 июля 1856 года. Когда ополчение было расформировано, Милоков снова стал капитаном 2 ранга (12 декабря 1856 г.). За свою деятельность он был награжден орденом Св. Станислава с императорской короной (5 апреля 1857 г.).

Война окончилась, и Мардарий Васильевич вернулся в Орловскую гимназию. Он вновь был избран ее Почетным попечителем на трехлетие (1860–1863). Еще два года после этого гимназия могла видеть и слышать своего неутомимого члена Совета и воспитателя молодежи. Мардарий Васильевич Милоков умер 11 февраля 1862 года.

Два слова о личной жизни Милокова. В Орле он жил в собственном доме в 11 квартале, по полицейскому делению № 5, на Дворянской улице. Супругой его и многолетней спутницей была Елена Дмитриевна, урожденная Якушкина, сестра участника

Отечественной войны 1812 года и известного декабриста, капитана Ивана Дмитриевича Якушкина (1793–1857). А. С. Пушкин упоминал о нем в поэме «Евгений Онегин»:

«... Читал свои ноэли Пушкин,
Меланхолический Якушкин
Казалось, молча обнажал
Царевбийственный кинжал».

Елена Дмитриевна умерла незадолго до кончины своего супруга. В 1860 году он значится вдовцом.

Семья Милоковых состояла в приходе церкви Бориса и Глеба, куда ходила на исповедь и где крестила своих детей. Когда в Орле был достроен собор во имя Павла Исповедника, Милоковы ходили на исповедь туда. Согласно записям в Исповедных книгах собора Павла Исповедника г. Орла за 1841 г., в семье Милоковых числились: Анна, 17, Эмилия, 11, Елизавета, 9 лет. Этим данным можно доверять, лишь имея в виду последовательность рождения детей, ибо, по данным аттестата М. В. Милокова, выданного ему в 1853 г., в его семье были показаны: Евгений, 22, служивший во флотском экипаже; Александр, 16, Юлия, 17, Эмилия, 14, Елизавета, 10 лет. Как видим, нет Анны, но появляется Юлия. Эти сведения, вероятно, были произвольно перенесены из более раннего списка, поэтому и их тоже можно принимать лишь в случае, если речь идет о старшинстве детей, т. к. Елизавета, например, не могла быть 10-летней в 1853 году. В метрической книге Борисоглебского собора нами была обнаружена запись о ее рождении 1 июля 1835 г. у «Морского флота отставного капитан-лейтенанта Мардария Васильева сына Милокова и законной жены его первого брака Елисаветы Дмитриевой».

Неточность данных объясняется достаточной небрежностью тех, кто отвечал за их записи в аттестат и в исповедные ведомости, а также тем, что некоторые из детей Милокова умирали в раннем возрасте или в юности. Так, в метрической книге Крестовоздвиженской церкви г. Орла автором статьи была обнаружена запись о крещении сына Милоковых Виктора (родился 15 января, крещен 20 января 1833 иереем Федором Эммаусским). Крестным отцом Виктора тогда стал его дед, «мценский помещик и тайный советник» Василий Яковлевич Милоков. 10 февраля 1834 г. Виктор Милоков умер от простуды в возрасте 1 года; был похоронен на Сергиевском кладбище г. Орла. Остаются неизвестными также годы жизни еще одного, возможно, самого старшего сына Милокова

Владимира. В 1841 г. «Орловские губернские ведомости» неоднократно объявляли об отъезде «отставного флота капитана 2 ранга» Мардария Милюкова с сыном Владимиром в Германию, Францию и Италию.

Младшая дочь Милюкова — Елизавета Мардарьевна (1835–1893) впоследствии была замужем за известным доктором и общественным деятелем Орловской губернии Виктором Ивановичем Якушкиным (1829–1872), родным братом фольклориста Павла Якушкина. Предположительно личность Виктора Якушкина И. С. Тургенев использовал для написания образа Базарова в «Отцах и детях». Писатель также хорошо знал и дочь Милюкова Е. М. Якушкину. Е. М. Гаршин сообщал, что Тургенев называл ее «замечательной русской женщиной и все собирался повезти нас к ней, чтобы показать, какие бывают настоящие русские женщины». Тургенев рекомендовал своей знакомой Е. И. Апрелевой, собиравшейся в Спасское-Лутовиново, познакомиться с Е. М. Якушкиной. 27 августа 1877 года он писал Апрелевой из Буживаля: «Я не сомневался в том, что г-жа Якушкина придется вам по сердцу; это умная, дельная и энергичная женщина». В своем имении Старухино, перешедшем к ней после отца, Елизавета Мардарьевна оказывала помощь крестьянам, организовала для них ссудо-сберегательное товарищество, устраивала вечерние чтения, на которые, как писал Тургенев, «крестьяне валом валят... словно на ярмарку».

В Орле у Е. М. и В. И. Якушкиных имелся каменный двухэтажный дом под № 3 в 19 квартале, записанный на имя «жены лекаря Елизаветы Мардарьевны Якушкиной». Впоследствии он был продан купцу О. Г. Бахрему (1868). И это был тот самый дом генерала А. П. Ермолова! После пожара 1841 года в доме располагалась орловская полиция, в которой служил Н. С. Лесков. Во второй половине XIX века здесь жили Лопухины, и будущий директор Департамента полиции А. А. Лопухин ходил отсюда в Орловскую гимназию.

Во Мценском уезде Виктор Якушкин считался знающим врачом, но также атеистом и нигилистом. Когда в конце 1858 года Якушкин с супругой выехали за границу, многие были уверены, что целью поездки являлась встреча с А. И. Герценом. Мемуаристка Е. И. Апрелева (Бларамбер) писала, что мценские помещики называли В. И. Якушкина «заразой нашего уезда», считали его «смутьяном», который «неспроста водится с мужиками», и сожалели, что Якушкиным «сошла с рук» поездка «на поклон к Герцену». В. Якушкин,

имеющий такую репутацию, состоял под негласным надзором III Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии. Агент III Отделения, следивший за Н. Г. Чернышевским, доносил, что «в кругу литераторов редакций журналов: «Искра», «Иллюстрация» и «Время», в котором находились гг. Курочкины, Минаев, Соколовский, Достоевский, доктор Якушкин... и еще некоторые другие», шел разговор об арестованном поэте и революционере М. Л. Михайлове (декабрь 1861). В заведенном деле «О распространении нигилизма среди дворянства Орловской губернии» (1865) В. И. Якушкин проходил как один из «распространителей нигилизма». Шеф жандармов и главный начальник III отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии П. А. Шувалов сообщал в докладе на имя Александра II, что «хотя нет сведений положительных, но весьма вероятно, что Якушкин находился в сношениях с иностранными революционерами».

Зять Мардария Васильевича Виктор Якушкин являлся одноклассником и приятелем Николая Лескова. Писатель упоминает его имя в «Загадочном человеке» и в «Умершем сословии». В последнем Лесков пишет о В. И. Якушкине как о всем известном лице.

Но и сам Мардарий Милюков с уважением упоминается Н. С. Лесковым в рассказе «Умершее сословие» (1888): «Наблюдатель ... представлял в подкрепление своих слов доказательства, состоявшие в том, что подозреваемый им в неблагонадежности учитель истории, в присутствии попечителя Милюкова, разъяснял ученикам «о правах третьего сословия во Франции», а капитан 2-го ранга Милюков учителя не остановил и тем выразил ему как бы свое одобрение», за что впоследствии получил «напрягай» от орловского губернатора П. И. Трубецкого. Достаточно редкое имя Милюкова, соседа И. С. Тургенева по имению, писатель использовал в рассказе «Два помещика».

Имя замечательного русского моряка и педагога, горячего патриота своей Отчизны обязательно должно быть увековечено на Орловской земле.

При написании статьи были использованы документы Государственного архива Орловской области.

Елена АШИХМИНА,
кандидат философских наук, г. Орел

ОРЛОВЦЫ — ЗАЩИТНИКИ СЕВАСТОПОЛЯ

К 165-летию обороны Севастополя

В начале сентября 1854 года началась героическая оборона Севастополя, которая продолжалась 349 дней и ночей. 165 лет тому назад Россия находилась в состоянии предмировой войны с Европейской коалицией — Англией, Францией, Османской империей и Сардинским королевством и готовыми к ней примкнуть Австрией, Пруссией, Швецией. По замыслу ее организаторов планировалось расчленение России с передачей Турции всего Кавказа, Швеции — Финляндии, Пруссии — Прибалтики, образование буферного государства Польша, претендовавшей на земли Белоруссии и Малороссии. Причиной войны, что бы ни утверждали советские и многие современные постсоветские историки, в первую очередь стал вопрос о Святых местах в Палестине, а также покровительство и защита православных народов Османской империи. Католики с папой Пием 9-м и стоящей за ним Францией требовали пересмотра права владения ключами храма Рождества Христова в Вифлееме и контроля над другими Святыми местами. Россия во главе с Императором Николаем Первым поддерживала исконные права Иерусалимской и Константинопольской православных церквей. Целью Англии являлось навязать Российской Империи зависимость от европейских капиталов, финансового дома Ротшильдов. Россия успешно развивалась без внешних западных заимствований, что не могло не беспокоить международный олигархат того времени. Также участников коалиции волновал вопрос распространения влияния России в Европе, на Востоке и Балканах. Сразу после разгрома Наполеона Россия была главным сдерживающим фактором против революционных движений, о чем с негодованием писали русофобы Маркс и Энгельс.

Война с Турцией и ее союзниками, начавшаяся 4 октября 1853 года, получила название Восточной, у нас более известной как Крымская, поскольку начиналась она за Святые места Палестины на Балканах и Кавказе в пределах Османской империи. Развязка войны происходила на Крымском полуострове в битвах за Севастополь, ставший неприступной крепостью для держав коалиции. В ходе войны, проходившей от Белого до Черного морей и от Балтики до Тихого океана, русским удалось отразить десантные операции противника на Петропавловск-Камчатский, Одессу, Кронштадт, Соловецкий архипелаг. Успешно действовала наша армия в Дунайских княжествах и на Кавказе, где были одержаны выдающиеся победы.

Генерал П.А. Вревский

Последним блистательным сражением Российского парусного флота под командованием адмирала П. С. Нахимова стал полный разгром Турецкого флота у Синопа. Символом доблести и мужества российского воинства стала оборона Севастополя. Но силы Российской империи, не только воюющей с силами коалиции, но и вынужденной держать войска по всему периметру своих границ против вчерашних союзников по Тройственному блоку, были слишком неравными. И в конечном итоге Россия подписала в марте 1856 года невыгодный для себя Парижский мирный договор,

по которому ей запрещалось иметь флот на Черном море и пришлось взять на себя целый ряд ограничительных условий. Россия попадала в кабалу от западного капитала. Но антирусской коалиции не удалось достичь желаемых целей и углубиться в Россию, поскольку их армии понесли значительные людские и материальные потери в боях за Севастополь. И, главное, благодаря России было сохранен статус-кво 1852 года, данный турецким султаном Патриарху Иерусалимскому Кириллу Второму и Константинопольскому Герману Четвертому, закреплявший за православными исключительные права на Святые места в Палестине. Этот порядок вещей соблюдается с тех пор до наших дней.

Спустя 20 лет Русская Императорская Армия в походе на Балканский полуостров окончательно освободила православные славянские народы от многовекового турецкого ига. В кампании 1877—1878 гг. участвовали многие герои Восточной, Крымской войн, а в ее историю вошел подвиг Шипкинских орлов и героев Плевны.

В результате нескольких экспедиций 2007—2014 гг., состоявших из представителей орловских общественных организаций «Соотечественники», «Флоту — быть!», «Ветеранов войны и военной службы», Молодежного братства св. Георгия Победоносца, журнала «Истории русской провинции», киностудии «Странник», удалось установить имена орловцев — героев Крымской войны и чины полков, носящих имена городов Орловской губернии, некоторые места захоронений, требующих реставрации. Хотелось бы привести лишь

некоторые фамилии участников Крымской войны, чьи имена выбиты на мемориальных досках и опубликованы в списках отличившихся воинов при защите Севастополя за последние 100 лет.

В Севастополе во многих памятных местах, посвященных Крымской войне, установлены мемориальные доски с наименованием отличившихся полков. В этом списке Орловский генерал-фельдмаршала Князя Варшавского графа Паскевича Эриванского полк. За оказанные полком подвиги мужества и храбрости в Дунайскую кампанию и при обороне Севастополя Высочайшим приказом 1-й, 2-й, 3-й, 4-й батальоны пожалованы Георгиевскими знаменами с надписью «За Севастополь в 1854—55 гг.».

В боях на кладбищенской высоте погиб командир 2-й бригады 9-й пехотной дивизии (Елецкий, Севский, Брянский, Орловский полки) генерал-майор Адлерберг Александр Яковлевич, командовавший атакой колонны Орловского и Брянского полков. Вместе с ним в один день погиб и похоронен в одной могиле его сын, юнкер Орловского полка Николай фон Адлерберг. Недалеко от могилы Адлербергов на северной стороне на Братском кладбище упокоен командир 18-го Орловского егерского полка подполковник Николай Иванович Краевский. Внутри храма-памятника Николая Чудотворца на Братском кладбище северной стороны Севастополя на памятных досках выбиты фамилии офицеров Орловского генерал-фельдмаршала Князя Варшавского графа Паскевича Эриванского егерского полка, погибших при обороне города: поручика Ф.Н. Базова, прапорщика П.Д. Ковалева, капитана М.В. Любанского, поручика В.Д. Маркевича, капитана И.М. Ревенского, поручика К.А. Рущица, капитана П.П. Самарянова, прапорщика К.С. Федяя, майора К.Э. Урбановича, майора Илиша, майора Барановского, поручика Карганова, поручика Дабелова, подпоручика Жевахова, подпоручика Жукова, прапорщика Теплова. В боях Орловского полка с 23 апреля по 27 августа подвигами снискали славу прапорщик князь Макарий Романович Чавчавадзе, в течение 3 месяцев находившийся в вылазках и се-

Генерал К.Ф. Шейдеман

Генерал Ф.И. Дараган

кретах; Мечислав Петрович Винча вынес с поля боя генерала Лысенко; на Малаховом кургане отличились майор Семен Иосифович Лосовский и капитан Иоаким Андреевич Мандрыка; Знаком отличия военного ордена (с 1913 Георгиевским крестом) были награждены унтер-офицер Павел Васильевич Тархов и юнкер Иван Александрович Андрияш-Шептилич, многие другие нижние чины.

В портретной галерее героев Севастополя выпускники Орловского Бахтина кадетского корпуса: прапорщик 12-й артиллерийской бригады

Николай Степанович Лазарев, впоследствии генерал-лейтенант; подпоручик 14-й артбригады Иван Петрович Хотяев участвовал в Альминском сражении; погиб на Малаховом кургане сразу после окончания корпуса выпускник ОБКК 1855 г. подпоручик 4-й легкой батареи 17-й артбригады подпоручик Александр Геммельман, упокоенный на Братском кладбище; командир Орловского Бахтина кадетского корпуса в 1867—1872 гг. генерал-майор Дмитрий Григорьевич Щербачев при обороне Севастополя руководил ракетной батареей.

Среди защитников Севастополя орловские дворяне: один из виднейших организаторов обороны города генерал-адъютант барон Павел Александрович Вревский, погибший в сражении у Черной реки, похоронен на кладбище Бахчисарайского Успенского монастыря; подполковник гусарского полка, участник Кадькиийского сражения Петр Михайлович Тиньков, впоследствии генерал-лейтенант; поручик сводно-уланского полка Георгий Данилович Корибут-Кубитович; мичман 42-го флотского экипажа Иван Дмитриевич Лаухин, отличившийся на фрегате «Флора» возле Пицунды и при обороне Севастополя, умер от ран в начале 1856 г. Его брат мичман Николай Дмитриевич Лаухин, в составе сводного стрелкового батальона участвовал в Альминском сражении.

За Крымскую войну высшей воинской наградой — орденом великомученика и Победоносца Георгия — были награждены: капитан 2-го ранга Николай Иванович Костомаров, участник Синопского сражения, командир 38-й батареи, названной его именем, первый

начальник Музея обороны Севастополя, похоронен на Братском кладбище; полковник командир 62-го Суздальского полка Федор Иванович Дараган, орловский губернский воинский начальник, генерал-майор; генерал-лейтенант, командир 11-й артбригады Карл Федорович Шейдеман, участник похода в Молдавию и Валахию, Инкерманского сражения, начальник артиллерии Севастополя; капитан 2-го ранга Николай Иванович Шван, командовал батареей, будучи четыре раза раненным, перед отставкой состоял главным военно-морским судьей Кронштадта, капитан 1-го ранга.

*Архиепископ
Иннокентий (Борисов)*

Георгиевский кавалер, генерал-адъютант, командующий обороной Одессы, начальник гарнизона Севастополя (с конца ноября 1853 г. по начало марта 1854 г.) барон Дмитрий Ерофеевич Остен-Сакен, участник наполеоновских, кавказских войн, Персидской, Польской, Венгерской и других кампаний, имел имение под Орлом рядом с с. Овсянниково, Лепешкино, за Крымскую кампанию был награжден высшей наградой Российской Империи — орденом Апостола Андрея Первозванного.

С сентября 1855-го по март 1856 г. 15 дружин Орловского Государственного Подвижного ополчения под командованием ветерана наполеоновских войн генерал-майора Я.И. Данилевского принимали участие в Крымской кампании. До революции 1917 г. знамена орловских, елецких, ливенских, севской, кромской, малоархангельской дружин хранились в Петропавловском соборе г. Орла.

Окормлял и духовно наставлял защитников Севастополя и Одессы святитель Архиепископ Херсонский и Таврический Иннокентий (Борисов), уроженец г. Ельца Орловской губернии, выпускник Орловской духовной семинарии, известный подвижник, богослов, писатель и проповедник. Вместе с ним на бастионах города благословлял воинов и отпевал усопших будущий Епископ Орловский и Севский Поликарп (Родкевич), упокоенный на кладбище Свято-Успенского монастыря в Орле.

*Епископ
Поликarp (Родкевич)*

В начале XX века, накануне 50-летия обороны Севастополя, в Орловской губернии были еще живы ее участники: прапорщик Камчатского егерского полка, защищавшего 3-й бастион, Николай Петрович Брандт жил в г. Ливны; прапорщик Московского полка Федор Петрович Римский-Корсаков, в конце жизни полковник в отставке, проживал в г. Ельце; подпоручик Украинского егерского полка Евграф Яковлевич Дембский в чине капитана вышел на пенсию, служил при Орловском уездном воинском начальнике.

26 ноября 1909 г. в Орле проходило чествование 350 Георгиевских кавалеров Орловской губернии по случаю

140-летия учреждения Императрицей Екатериной Второй ордена Великомученика и Победоносца Георгия. От собора первоверховных Апостолов Петра и Павла церемониальным маршем войска Орловского гарнизона вместе с Георгиевскими кавалерами во главе с Великим Князем Михаилом Александровичем прошли по улицам Орла. Среди них выделялся 92-летний защитник Малахова кургана Савелий Илларионович Некрасов.

Общественные организации не раз обращались к Орловской Администрации по вопросу реставрации могил и памятных плит воинов-орловцев в Севастополе. Многие памятники и могилы воинов Брянского, Севского, Елецкого и других полков на Братском кладбище отреставрированы за счет меценатов, городских и областных администраций. В районных центрах, когда-то уездных городах Орловской губернии Ельце, в настоящий момент Липецкой области, и Севске Брянской области установлены памятники Елецкому и Севскому полкам, во многих военных кампаниях воевавших бок о бок с орловцами. Предлагалось в Орле на бульваре Победы установить памятные знаки орловским полкам и Георгиевским кавалерам-орловцам, снискавшим славу во многих сражениях. Но ответа так и не последовало.

Константин ГРАММАТЧИКОВ

ЧЕТВЕРТАЯ БАТАРЕЯ И ЕЕ НАЧАЛЬНИК НИКОЛАЙ КОСТОМАРОВ

К 110-летию со дня кончины

Герой 1-й обороны Севастополя и первый директор музея Черноморского флота Николай Иванович Костомаров происходил из дворян Орловской губернии. О фамильном имени напоминает остановка Костомаровка по Болховскому шоссе, а населенный пункт Костомаровка практически стал частью Орла. Краткая биография Н. И. Костомарова дополнена материалом о 4-й Костомаровской батарее, на которой воевал писатель Л. Н. Толстой, являющейся сейчас частью ансамбля Музея героической обороны Севастополя.

Из дворян Орловской губернии, православный.

В 1848 г. выпущен мичманом из Морского кадетского корпуса в Черноморский флот.

С 1848 по 1853 г. Николай Костомаров на разных судах флота крейсировал у восточного берега Черного моря, перевозил военные грузы по черноморским портам.

С 13.09.1854 г. мичман 34-го флотского экипажа Костомаров состоял в гарнизоне Севастополя на 2-м отделении оборонительной линии. Командовал батареей № 38 («батарея Костомарова») впереди 4-го бастиона. Батарея, заложенная в ночь на 14.10.1854 г., способствовала вылазкам защитников и успешно обстреливала траншеи французов до 27.08.1855 г. Несколько раз во время бомбардировок срывалась до основания неприятельскими снарядами. Командир, будучи трижды ранен и контужен, не покидал батарею, служил примером для подчиненных. Очевидец писал о нем: «Скромный, храбрый офицер безропотно обрек себя на гибель и десять с половиной месяцев пробыл на своем бессменном посту. Постоянно находясь в ежеминутном ожидании смерти, он только и думал о том, как нанести неприятелю больше вреда». О значимости и важности «батареи Костомарова» говорит тот факт, что французы пытались разрушить ее с помощью подземного взрыва. Неточный расчет привел к тому, что взрыв произошел перед батареей, она вместе с защитниками была засыпана землей и камнями. Посчитали, что там все погибли, о чем сообщили адмиралу П. С. Нахимову и в Санкт-Петербурге. Спустя несколько часов личный состав батареи смог

Н.И. Костомаров

«открыться», но Костомаров уже попал в списки погибших.

За личное мужество и умелое руководство батареей командир был произведен в лейтенанты, награжден орденами Св. Анны 3-й ст. с бантом и Св. Владимира 4-й ст. с бантом.

30.06.1855 г. «согласно с определением» Походной Думы князь М. Д. Горчаков подписал приказ о награждении Костомарова орденом Св. Георгия 4-й ст., что было Высочайше утверждено 20.07.1855 г. в «воздаяние особенных подвигов храбрости и самоотвержения, оказываемых при обороне Севастополя».

Внесен в Вечный список кавалеров ордена Св. Георгия 4-й ст. под № 9614.

После Крымской войны служил в г. Николаеве, в 1857 г. был «уволен для службы на коммерческих судах с зачислением по флоту», а в 1858 г. вышел в отставку.

В 1869 г. в чине капитана 2-го ранга стал первым смотрителем Военно-исторического музея обороны Севастополя (ныне Музей Черноморского флота Российской Федерации), много и успешно занимался общественной работой. Был хорошо знаком с автором панорамы «Штурм Севастополя 6 июня 1855 г.» Ф. А. Рубо.

Умер в Севастополе. С Высочайшего соизволения был похоронен на Братском кладбище на Северной стороне города. Надгробие и могила сохранились до наших дней.

Из книги К. В. Лукашевича «Оборона Севастополя и его славные защитники». Спб, 1904 г.

XXII. Четвертый бастион.

Четвертый бастион находился на окраине города. Это было самое большое и самое опасное из укреплений, наиболее причинявшее вреда неприятелю. За обладание четвертым бастионом велась самая ожесточенная борьба. Туда и на Малахов курган посылались наибольшее число бомб и гранат. Случались дни и ночи, когда на 4-й бастион падало до 2000 бомб и по бастиону действовало

несколько сот орудий. Служба на четвертом бастионе считалась самой опасной. Туда шли люди, как на верную смерть. Если кто говорил: «Я иду на четвертый бастион», — он говорил это с особенным ударением. Когда хотели подшутить над кем-нибудь, то говорили: «Тебя бы отправить на четвертый бастион». Если встречались носилки с ранеными и убитыми и спрашивали: «Откуда?» — чаще всего отвечали: «С четвертого бастиона».

Между тем и туда бесстрашно шли люди обороняться и работать. Защитники бастиона не хвалились тем, что они живут день и ночь на 4-м бастионе. На вопрос: «Что на четвертом бастионе?» — отвечали: «Грязно или сухо, тепло или холодно».

В какой-нибудь месяц гигантскими трудами слабая, беззащитная виноградная плантация обратилась в грозную и неприступную крепость, известную под именем «четвертого бастиона». Это орлиное гнездо севастопольцев скоро стало известно всей России и Европе. Туда-то, чередуясь денно и ночью, под градом пуль и снарядов хаживали защитники, чтобы обложить это гнездо шипами и терниями и приготовить своей орлиной семье пригодное жилье, надежный приют, а против врагов — грозную твердыню.

В первое время сооружения бастиона, когда на нем не было ни траншей, ни блиндажей, впереди не было еще ложементов, над созданием его под руководством Тотлебена дни и ночи трудился саперный капитан Тонагель. Это был тихий, скромный человек, неустанный, честный труженик. Его считали хозяином бастиона. Ни непогода, ни грязь, ни нездоровье, ни усиленный огонь неприятельских батарей не могли удержать капитана от его непрерывной работы по укреплению. Защитники бастиона считали своего тихого, доброго капитана вездесущим. Бывало, он размерит площадь, укажет и назначит команде работы, а сам уйдет отдохнуть. Но отдых этот был только на словах. Смотришь, через минуту беспокойный капитан идет опять со своим верным другом — костылем и снова что-то задумчиво измеряет, учит саперов, работает и сам то киркой, то ломом без усталости, без передышки. Все на четвертом бастионе было возведено, построено сто трудами и заботами. Сам он жил в узкой, тесной, сырой землянке, на правом склоне бастиона. Сырая землянка была причиной его ревматизма, от которого он вечно страдал и никому не жаловался. Все дела бастиона капитан принимал близко к сердцу.

Однажды в тихую, темную ночь при устройстве ложементов перед 4-м бастионом саперы услышали где-то недалеко француз-

скую речь. Сейчас донесли об этом капитану Тонагелю. Он решил отправиться на разведки сам. Не слушая ничьих увещаний, не помышляя об опасности, он, как пластун, ползком направился в сторону неприятеля. Его просили не ходить. Все дрожали за его участь. Но через несколько минут капитан вернулся цел и невредим. Приблизившись к рабочим, сняв цепь, он проговорил, обращаясь к офицеру:

— Оставьте работу до завтра.

Французы близко ведут новые траншеи. Надо им помешать. Идите с командой назад. А я пойду на пятый бастион и попрошу их угостить.

Взволнованный капитан быстро исчез в темноте. Офицер с командой, цепляясь за виноградные лозы, спешил к оборонительному рву своего бастиона. Едва он его достиг, как с 5-го бастиона полетели к французам брандскугели для освещения местности. Новые траншеи были теперь ясно видны, и по ним заревели бомбические пушки, изрыгая гранаты, ядра, бомбы. Французы сильно озлились. Они открыли сильнейший огонь со всех батарей и поддерживали его до утра.

Капитан Тонагель полюбил свой бастион, как родное детище, и не раз говаривал: «Сделаем из него такое грозное гнездо, что ничто не будет нам страшно».

Этот тихий, деликатный человек любил солдат, обращался со своими подчиненными ласково и справедливо. Никто от него не слыхивал грубого слова, и все его тоже сердечно любили.

Однажды строились блиндажи. Капитан Тонагель, как и всегда, присутствовал на работе и наблюдал за правильным накатыванием бревен. Не обращая внимания на фыркавшие и падавшие вокруг снаряды и жужжавшие пули, наш капитан появлялся то тут, то там. Его остерегали, просили беречься, но он никого не слушал. Было восемь часов утра. Оборотясь спиной к брустверу, он высунулся из-за земляной насыпи. Вокруг него резко визжали пули. Солдаты, безгранично преданные своему любимому капитану, со страхом следили за ним, стараясь уберечь. Но, видно, от смерти не уйдешь.

— Берегитесь, ваше благородие! — разом крикнуло несколько голосов. Саперы было бросились прикрыть собою начальника. Но было уже поздно. Пуля опередила их, поразив капитана Тонагеля в спину навывлет. Опираясь одною рукою на костыль, храбрый капитан схватился другою рукою за грудь, чтобы унять кровотечение, но тут же пошатнулся и упал на руки своих саперов.

На загубелых, сморщенных лицах солдат показались слезы. То были не обильные, сопровождаемые стенаниями рыдания, но тихие, горячие, горькие слезы по дорогом, искренне любимом человеке. И таких примеров в то время в Севастополе было множество. Много редких, хороших людей скосила война.

*4-я батарея Костомарова
в Севастополе*

Наступило тяжелое время для четвертого бастиона.

Французы пытались овладеть им силою, но были отбиты. Тогда они повели против него правильную осаду, направили туда большие силы, стали устраивать апроши, повели мины. Но и наши не зевали. Полковник Тотлебен живо набросал план новых работ и назначил на 4-й бастион минера капитана Мельникова. Это тоже был замечательный защитник четвертого бастиона. Все в Севастополе знали его и прозвали «кротом». Это, действительно, был подземный крот. Кто только не знал его «норы»! Это была тесная, сырая землянка под землею на три сажени глубины. В нее можно было попасть через минный подземный ход из 4-го бастиона. Света там не было, вентиляции тоже, и стены ежеминутно грозили обвалом. Капитан Мельников бесценно провел под землею несколько месяцев, роя подземные мины, устраивая ходы и переходы. Лицо его стало мертвенно-бледным, и тело от сырости подземного жилья покрылось язвами. Под конец он совсем расшатал свое здоровье и должен был лечь в лазарет.

Один из участников обороны вот что пишет в своих воспоминаниях:

«Раз при мне вбегает в землянку капитана Мельникова минер и взволнованно говорит:

«— Ваше благородие, француз идет контра-миною.

Я думал, что идет на приступ, и бросился бежать, но Мельников меня остановил:

«— Куда вы? Пойдемте вместе, послушаем работу французов».

«Было 9 часов вечера. Мы вошли при свете фонаря в ров. Мельников спустился в один из минных колодцев, а мне велел ждать наверху. Он скоро вернулся, взял меня с собою, и под землей, в мрач-

ной темноте, мы услышали отдаленный стук и гул.

«— Надо донести Тотлебену, завтра мы им сделаем сюрприз. Дадим камуфлет», — сказал капитан.

Наутро было известно, что наш «крот», по распоряжению Тотлебена, за ночь все приготовил к взрыву неприятельских мин. Множество любопытных приснастились к брустверу, устремив глаза в сторону ожидаемого взрыва. Четвертый бастион для безопасности был очищен от людей.

Вдруг неподалеку дрогнула земля. С оглушительным треском поднялась огромная масса и вместе с дымом в виде гигантского черного снопа взлетела высоко, образовав на том месте воронку. Камни, земля, песок посыпались на 4-й бастион. А близ воронки упало три трупа злополучных французских минеров. Они были в белых рубахах. Радостное громкое «ура!» приветствовало с бастиона опасное предприятие».

Таких взрывов немало производили наши «кроты».

Четвертый бастион нередко посещало начальство, приезжал почти ежедневно адмирал Нахимов. Зная это опасное место, его умоляли туда не ездить.

— Когда едешь на бастион, легче дышится, — возражал адмирал и делал свое дело.

И на все увещания побережь себя Нахимов неизменно отвечал:

— Ведь когда-нибудь да убьют же меня.

Один из приближенных как-то сказал адмиралу:

— Мы все так тревожимся за вас. Не бережете вы себя, адмирал. Что будет, если Севастополь вас утратит?

— Не то вы говорите-с... Убьют Остен-Сакена, Тотлебена или Васильчикова — будет плохо... А мне тут умереть и Бог велел.

В четвертое бомбардирование 4-й бастион так был разбит и разрушен, что представлял из себя груды камня, земли и всяких обломков. Блиндажи над минными колодцами были скрыты, ров завален землей, и входам в минные галереи угрожала опасность.

— Теперь его ни в жисть не поправить... Где уж тут... Ишь как его «нехристь» разворотил, — сокрушенно говорили солдаты, не зная, как и за что приниматься в этой груде развалин.

Узнав об этом, адмирал Нахимов поспешил на бастион.

— Это что же-с? Исправиться вы не умеете! Срам какой! — с неудовольствием говорил адмирал. — Шесть месяцев вас учат под огнем строиться и исправляться... А вы теперь не можете?! Стыдно-с! Пора бы приноровиться, сметку иметь!

— Будет сделано! Будет сделано, Павел Степанович! — закричали солдаты.

Одушевляемая личным присутствием обожаемого начальника, тысяча человек живо принялась за работу, желая отличиться. Все сумели солдаты, все сделали исправно, работали без передышки целую ночь, и к утру бастион был сделан заново и выглядел грознее, чем прежде. Нахимов их похвалил.

Впереди четвертого бастиона находился его передовой страж-люнет. Это была «Костомаровская батарея», носившая имя своего храброго командира.

Когда стало известно, что неприятель намерен вести главную атаку на 4-й бастион, Тотлебен тотчас решил как можно сильнее укрепить этот пункт.

В местах, наиболее обстреливаемых, как грибы выростали батареи. Эти батареи носили названия своих начальников. Наиболее были известны: батарея Шварца, Жерве, Белкина, Костомарова. Такая батарея была построена и впереди 4-го бастиона. На ней установили 4 орудия и начальство поручили лейтенанту Костомарову. Скромный, храбрый офицер безропотно обрек себя на гибель и десять с половиной месяцев пробыл на своем бессменном посту.

«Костомаровская» батарея находилась между 4-м бастионом и неприятельскими траншеями. Она должна была способствовать вылазкам, обстреливать неприятельские траншеи и, в случае штурма, первой принять удар неприятеля.

Положение этой батареи было очень опасно. Она была выдвинута далеко впереди всех укреплений. Все недолетавшие снаряды, как наши, так и союзников, падали на батарею. Во время ночных тревог картечь с бастиона била в спину выносливых сподвижников Костомарова, и французская картечь большею частью находила жертву на «Костомаровской батарее».

Редкий день проходил без того, чтобы по два, по три раза не приходилось замещать у Костомарова всех орудий, подбитых за день, новыми и всю израсходованную прислугу. Один только лейтенант оставался неприкосновенным во все время обороны. Он был несколько раз контужен и, скрывая ото всех боль, не захотел даже на время идти в лазарет и покинуть свою батарею.

Скромный, выносливый лейтенант Костомаров не видел никакого подвига в своем бессменном дежурстве на батарее и говорил: «Какое же это геройство! Мы все только исполняем долг».

В случае штурма отступления с Костомаровской батареи быть

не могло, иначе на плечах отступающих на бастион ворвались бы и французы. Оттого-то защитники батареи с их славным лейтенантом обрели себя на верную гибель.

Бывало, на четвертом бастионе ночью тихо: кому полагается, тот спит в блиндажах и землянках, а Костомаровская батарея всю ночь ревет своими орудиями да играет «капральствами», отважно накидываясь на неприятельские траншеи. Наутро кто-нибудь спросит Костомарова:

— Что это вы ночью так расходились?

— Да что с ними разговаривать? Заняли нашу воронку и вздумали у меня под носом укрепляться. Да еще орудия ставят... Ну не дерзость ли это?! Ведь от них житья не будет! Надо было их проучить!

Ничто не смущало геройского духа Костомарова, и он приготовился к оригинальной борьбе в случае штурма. Решив, что неприятель под сильным огнем не остановится, чтобы бороться с его маленькой батареей, а пройдет мимо, он установил такой образ действий: четыре годных орудия были заряжены картечью и должны были стрелять через бруствер; за ними в два ряда были поставлены те из подбитых на батарею орудий, из которых можно было сделать хоть по одному выстрелу. Эти орудия были заряжены и набиты камнями, осколками снарядов и всем, что попадало под руку.

Неприятель должен был быть встречен сначала картечью годных орудий, а когда ворвется на батарею, то решено было стрелять в него в упор из испорченных орудий.

Не довольствуясь этим, Костомаров приказал вырыть ямки и положил туда тоже подбитые орудия дулом к бастиону. Он надеялся, что часть его прислуги при штурме останется в живых и успеет выстрелить в спину неприятеля, когда он станет взбираться на вал 4-го бастиона.

Так, беззаветно исполняя свой долг, лейтенант Костомаров не думал о своей жизни. Находясь в течение десяти с половиной месяцев в ежеминутном ожидании смерти, он только и думал о том, как бы побольше нанести вреда врагу и выйти с честью из тяжелого положения. Так думали и все сподвижники Костомаровской батареи.

Со слов Н. И. Костомарова записан следующий его рассказ:

«Я так привык к мысли, что не сегодня, так завтра все равно я должен погибнуть, что все житейское отошло как бы в сторону. Я спокойно ждал неизбежного конца. Но бывали минуты особо сильных ощущений, и тогда, сознаюсь, я в душе сильно трусил.

Помню в настоящее время два таких эпизода. Моя батарея несла как бы и разведочную службу. Пластуны, охотники и секреты, высланные вперед для наблюдения за неприятелем, должны были все собираемые сведения первоначально сообщать мне, а я уже сообщал на бастион.

Однажды, в особенно темную ночь, является ко мне из передовой цепи унтер-офицер и доносит, что правее моей батареи, т. е. перед исходящим углом бастиона, французы начали свои работы. Как я ни уверял его в неверности такой вещи, унтер-офицер стоял на своем.

Ввиду важности известия я решил сам проверить его и отправился по указанному унтер-офицером направлению. Отойдя несколько от батареи, я совершенно неожиданно столкнулся нос к носу с тремя зуавами, бывшими в секрете.

Я остолбенел и, забыв совершенно по выходе из корпуса французский язык, растерявшись, стоя перед зуавами, тщетно вспоминал хоть какое-нибудь французское слово. Все это, разумеется, продолжалось мгновение, но мне оно казалось вечностью.

Наконец, счастливое слово я вспомнил! В кадетские годы наш учитель, француз, входя в класс, всегда кричал: «Silence!», которое подхватывали на все лады шалуны-кадеты.

И это-то «silence» пришло мне в голову. Совершенно инстинктивно ударил я зуава по носу и грозно крикнул: «Silence!» Тот, должно быть, ошалел, ничего не понимая.

Повернувшись спиной, я ждал, что мне всадят в спину штык... Прошла секунда, другая... Нет... Тогда я начал понемногу отступать вправо и через мгновение бросился стремглав бежать на свою батарею.

Я до сих пор не могу понять, чем я был тогда обязан своему спасению.

Покойный генерал-адмирал великий князь Константин Николаевич долго после войны называл меня: лейтенант «silence».

«В другой раз мне пришлось, — рассказывал Н. И. Костомаров, — провести три особенно неприятных дня, когда стало известно, что французы готовятся взорвать мою батарею».

«Кроме неприятного чувства, которое лично овладело мною в ожидании воздушного полета, мне приходилось еще бороться с таким же чувством прислуги батареи, до которой, как я ни скрывал, этот слух все-таки дошел. Приходилось сдерживать себя и отвлекать людей от мрачных мыслей».

Ожидаемый взрыв состоялся. Но, к счастью для Костомаровской батареи, французы плохо рассчитали место, и вся сила удара обратилась не на батарею, а несколько впереди. Батарея вместе с защитниками была засыпана землею и камнями. В первое мгновение и французы, и все на 4-м бастионе были уверены, что батарея взорвана и все на ней погибли. Так донесено было и Нахимову. В Петербург и Париж полетели телеграммы о героической смерти лейтенанта Костомарова. Родные и друзья его оплакали, отслужили о нем много панихид.

В действительности же заживо погребенные на батарее нашли возможность вскоре после взрыва оторваться. Все они были живы, даже не ранены, лишь сильно оглушены и ушиблены.

На другой день адмирал Нахимов посетил 4-й бастион.

— Господа, кто видел из вас, как вчера убило нашего бедного Костомарова? — с грустью спросил Павел Степанович.

— Я здесь... и не убит, — весело ответил Костомаров, не замеченный, подойдя сзади.

Адмирал с сердечной радостью обнял молодца-лейтенанта и начал расспрашивать подробности дела.

Николай Иванович Костомаров опять вернулся в свой угол и до самых последних дней просидел на аванпостах 4-го бастиона.

Клавдия ЛУКАШЕВИЧ

Поиск орловцев — героев севастополя

К пятилетию воссоединения Крыма с Россией в Орловском военно-историческом музее Советом ветеранов войны и военной службы проведена конференция, посвященная событиям Крымской весны. На прошедшем мероприятии Орловским отделением Общества русского исторического просвещения «Двуглавый Орел» была представлена передвижная выставка «Орловцы в Крыму» по материалам сборников «Крым, Севастополь и Орловский край», изданных журналом «Истории русской провинции» и Георгиевским братством. После присоединения Крыма к России по числу переселенцев в конце 18-го века на Крымский полуостров Орловская губерния занимала третье место после Калужской и Черниговской губерний Российской Империи.

В историю Крыма вошли имена орловцев: архиепископа святителя Иннокентия (Борисова), протоиерея Сергия Булгакова, композитора Василия Калинникова, философа Николая Данилев-

ского, архитектора Алексея Авдеева, героев 1-й обороны Севастополя, Георгиевских кавалеров капитанов 2-го ранга Николая Костомарова и Николая Швана, генералов Федора Дарагана и Карла Шейдемана, многих других участников Крымской войны. Среди них солдаты и офицеры 9-й пехотной дивизии, состоящей из полков носящих имена городов Орловской губернии: Орловского, Севского, Брянского, Елецкого, а также 14 дружин Орловского государственного подвижного ополчения. Многие части и фамилии офицеров-орловцев выбиты на мемориальных досках Владимирского адмиральского собора, храма Николая Чудотворца на Братском кладбище, на храме Михаила Архангела у музея Черноморского флота, на Малаховом кургане.

Немало дворян, купцов, промышленников, искусствоведов, имеющих отношение к Орловскому краю, внесли значительную лепту в развитие курортной инфраструктуры Южного берега Крыма от Артека до Мисхора: Потемкины, Мальцовы, Губонины, Березины, Ермоловы, Лукомские. По материалам сборников о связи Орловской губернии и Крыма создан документальный фильм «Орловцы в Крымской войне» киностудией «Странник», который будет иметь продолжение.

*Памятник с могилы генерала
Ф.И. Дарагана*

В этом году исполняется 165 лет началу героической обороны Севастополя 1854–1855 гг.

Несколько могил орловцев уцелело на Братском кладбище Севастополя. Но в самой Орловской области, где еще в начале XX века проживали ветераны Крымской войны, не осталось ни одного захоронения, за исключением могилы Епископа Орловского и Севского Поликарпа (Радкевича), окормлявшего защитников Севастополя 1-й обороны вместе с уроженцем Орловской губернии святителем Иннокентием (Борисовым). Останки Епископа Поликарпа вместе с другими архиереями были обнаружены и перезахоронены на территории Орловского Свято-Успенского монастыря в 90-е годы XX века.

В апреле этого года в Орле возле мастерских «Союза художни-

*Капитан 2-го ранга
Владимир Хитрово*

отряда «Долг» Виктором Гуровым в селе Троицком Орловского района в основании бывшего колхозного амбара найден памятник с могилы еще одного защитника Севастополя — штабс-капитана Захария Лисовского. Там же, недалеко от Троицкого храма, под грунтом находится памятник капитану 2-го ранга Владимиру Хитрово, участвовавшему в обороне Севастополя, Крымской и Кавказской кампаниях, являвшемуся старостой Троицкой церкви и попечителем приходской школы в селе Троицком.

Орловское отделение Общества «Двуглавый Орел», «Георгиевское братство» и журнал «Истории русской провинции» просят сообщать о возможном существовании могил и памятников другим участникам Севастопольской обороны на территории Орловской области или в границах бывшей Орловской губернии. Всех неравнодушных к российской истории и истории Орловского края предлагаем направлять сведения и материалы через **сайт Орел по-русски или на почту: rusprov@yandex.ru**

ков» был обнаружен памятник с могилы Георгиевского кавалера, Орловского губернского воинского начальника, генерал-майора Федора Дарагана, командовавшего при обороне Севастополя знаменитым Суздальским Суворовским полком. Орловскими общественниками поданы заявления в полицию и прокуратуру по факту вандализма в отношении захоронения Ф.И. Дарагана и членов его семьи. Могильный камень до полного разбирательства дела перевезен в Военно-исторический музей на ответственное хранение.

Руководителем поискового от-

*Памятник с могилы штабс-капитана
Захария Лисовского*

КАПИТАН I РАНГА ДМИТРИЙ ИЛЬИНСКИЙ — ГЕРОЙ ОБОРОНЫ СЕВАСТОПОЛЯ

Одно из самых известных и величественных сооружений в центральной части Севастополя — Собор Святого равноапостольного князя Владимира. В нём, в склепе нижнего храма, находятся могилы четырёх прославленных русских адмиралов — Михаила Лазарева, Владимира Корнилова, Владимира Истомина и Павла Нахимова. А на мемориальных плитах, на стенах верхней церкви собора, увековечены имена 72 офицеров Морского ведомства, отличившихся во время обороны Севастополя в 1854–1855 годах.

Из села Ломиполоз

Назван среди них и капитан I ранга Дмитрий Ильинский. Его фамилия значится также во всех биографических морских словарях и энциклопедиях, его фото размещены на стендах Севастопольского военно-морского музея и Военно-морского музея Петербурга. О нем в 2008 году вышла в свет книга краеведов-историков М. Макареева и Б. Никольского. Статьи самого Д. В. Ильинского «Из воспоминаний и заметок севастопольца», напечатанные в журнале «Русский архив» (1892, № 12, 1893, № 1, 2, 3, 4) часто используют историки, изучающие Крымскую войну. Однако вплоть до последнего времени подавляющему большинству орловчан имя Ильинского знакомо не было. Главным образом потому, что Дмитрий Васильевич и при жизни, и после неё числился тульским и нижегородским дворянином и к Орловщине как бы отношения не имел.

Между тем его родовое имение, село Ломиполоз Тульской губернии (сейчас — Ломи-Полозово), в котором герой обороны Севастополя родился и в котором был похоронен, уже свыше 90 лет находится в составе Орловской области (в Алябьевском сельском поселении Мценского района. — **А. П.**), и по всем основаниям получается, что Дмитрий Васильевич Ильинский — наш земляк.

Появился на свет он в семье отставного ротмистра Владимирского Уланского полка, участника Заграничных походов Русской армии 1813–1814 годов Василия Степановича Ильинского. Дата рождения моего героя до настоящего времени известна лишь приблизительно, поскольку в разных источниках называются 1821, 1822 и 1823 годы (не сохранились метрические записи Спасского храма села Ломиполоз за это время. — **А. П.**).

Д.В. Ильинский

Дмитрий Ильинский получил первоначальное домашнее обучение, после чего поступил в Тульскую мужскую гимназию. По окончании её он выбрал не совсем обычный путь: не имея за спиной, как бывало у других дворянских детей, Морского кадетского корпуса или Инженерного военно-морского училища, он тем не менее решил связать свою жизнь с морем и в 1838 году стал вольноопределяющимся Черноморского флота (это добровольное поступление на царскую службу в качестве нижнего чина с надеждой, отслужив несколько лет, получить офицерское звание. — А. П.).

«Святая Анна» — за спасение моряка

На следующий год Дмитрий Ильинский был произведён в гардемарины, то есть приравнен по статусу с обычными воспитанниками морских учебных заведений, и с 1839 года он практикуется на Чёрном море, крейсируя на корабле «Силистрия» у абхазских берегов.

В 1842 году, получив первое офицерское звание мичмана, Дмитрий Ильинский был переведён служить на Балтику, но через три года возвратился вновь на Чёрное море, на линейный корабль «Двенадцать апостолов», которым командовал тогда капитан I ранга Владимир Корнилов. Это был замечательный командир, у которого молодой флотский офицер не только набирался необходимого опыта, но и быстро стал одним из наиболее перспективных его учеников. Корнилов взял Ильинского к себе в адъютанты и даже допустил в свой семейный круг, пригласив в качестве воспитанника (крестного отца) одного из сыновей.

С 1845 по 1850 год Ильинский успешно служил на Чёрном море, часто выполняя задания командования по крейсированию у опасных абхазских берегов. За это время Дмитрий Васильевич удостоился первой своей награды — ордена Святой Анны III степени,

когда спас упавшего за борт матроса (повторив, таким образом, поступок знаменитого адмирала Фёдора Ушакова. — А. П.), и был произведён в лейтенанты.

А с 1853 года начинается пик карьеры Дмитрия Ильинского, вполне заслуженный его

*Бой пароходо-фрегата «Владимир»
с турецким кораблем «Перваз-Бахри»*

исполнительностью, расторопностью и храбростью. Сам Корнилов поспособствовал тому, чтобы Ильинский стал адъютантом адмирала М. Берха (Берга), главного командира Черноморского флота и портов. Именно в этой должности Дмитрий Васильевич проявил себя, участвуя в бою русского пароходо-фрегата «Владимир» с турецким кораблём «Перваз-Бахри» 5 ноября 1853 года. Схватка двух судов произошла за две недели до знаменитого Синопского сражения, последнего в истории парусных флотов, когда Черноморский флот под командованием вице-адмирала Павла Нахимова в течение нескольких часов наголову разгромил турецкую эскадру.

Вице-адмирал Корнилов, являясь в тот период начальником штаба Черноморского флота и осуществляя координацию действий корабельных соединений с их базой в Севастополе, направлялся на встречу с эскадрой Нахимова на пароходо-фрегате «Владимир», который столкнулся с турецким военным пароходом «Перваз-Бахри» и вступил с ним в бой. Ожесточённая схватка продолжалась более трех часов и завершилась капитуляцией турок. Лейтенант Ильинский, умело действовавший в ходе боя, был немедленно послан на лодке с комплектом вооруженных гребцов, чтобы завладеть призом и поднять русский флаг на сдавшемся корабле. За отличия в этом сражении Дмитрий Васильевич 18 ноября 1853 года был произведен в капитан-лейтенанты.

Первая бомбардировка, вылазки и орден Святого Георгия

В самом начале 1854 года уже в новом чине Ильинский был назначен адъютантом вице-адмирала Корнилова, а вскоре получил под своё командование и персональный корабль — 16-пушечный бриг «Эней». С момента вступления в войну Англии и Франции это

боевое судно получило задание по охране Севастопольского рейда. Но, в принципе, в первых числах сентября 1854 года собственно морская служба для Дмитрия Ильинского заканчивается, поскольку он вместе с экипажем «Энея» высаживается на сушу, на которой отныне ему придётся в течение года защищать славный город Севастополь, к которому подступила объединённая англо-франко-турецкая армия.

Да, так уж вышло, что моряк Ильинский главные свои подвиги совершил на берегу. А началось всё для него с первого полевого сражения Крымской войны — под Альмой — 8 сентября 1854 года. В этом бою (сам Ильинский в воспоминаниях назвал его «Альминское авангардное дело». — **А. П.**) капитан-лейтенант был начальником морского отряда, состоявшего из полутора батальонов сводных команд брига «Эней» и «Язон».

А с 13 сентября 1854 по 29 августа 1855 года Дмитрий Ильинский состоял в гарнизоне Севастополя, блестяще и мужественно выполняя обязанности на разных участках оборонительных линий города. В самом начале Дмитрий Васильевич, по приказу вице-адмирала Корнилова, вместе с командой брига «Эней» строил укрепления правогофланговых батарей на Северной стороне города. Накануне же первой бомбардировки Севастополя союзниками (всего их было 6, а по «Воспоминаниям» Ильинского — 7. — **А. П.**) капитан-лейтенант Ильинский был назначен командиром им же построенного 5-го бастиона.

В половине 7-го утра 5 октября 1854 года неприятельские батареи одновременно открыли жестокий огонь по русским оборонительным позициям. Наши артиллеристы, естественно, ответили. О том, как развивались события дальше, я расскажу, процитировав отрывки из «Воспоминаний Д. В. Ильинского»:

«Вскоре вся местность покрылась столь густым дымом, что даже на близком расстоянии нельзя было различать предметов, а тем более невозможно было прицеливать орудия; оставалось стрелять только по огню неприятельских выстрелов...

Бруствера наших батарей оказывали слабое сопротивление неприятельским выстрелам. Будучи насыпаны наскоро из сухой хрящевой земли, они не успели улежаться и окрепнуть, легко рассыпались от снарядов. Амбразуры также не представляли достаточной прочности; некоторые из них, по неимению хвороста, были одеты земляными мешками, досками или глиною, другие же вовсе не имели одежд. Глиняная одежда от действия пороховых газов об-

валивалась тотчас же после первых выстрелов; одежда же из земляных мешков и досок загоралась и так же обваливалась.

Особенное внимание с нашей стороны было обращено на расчистку амбразур, и эта работа производилась быстро, несмотря ни на какие потери в людях. Рас-

чистка амбразур необходима для того, чтобы иметь возможность во всякое время встретить штурмовые колонны сильным картечным огнём...».

Начальный этап первой бомбардировки Севастополя продолжался более трёх часов. Снова цитирую Дмитрия Ильинского: «Сосредоточенным огнём французских батарей каменный парапет казармы 5-го бастиона был совершенно разрушен, стоявшие за ним 5 орудий приведены в бездействие, а из 39 человек прислуги 19 вышло из строя; нижняя часть стены также была значительно повреждена и местами даже пробита насквозь».

Щепы, осколки бомб, перебитые ружья, необрунные трупы — все это представляло мрачную картину. Даже в нижней батарее осколками гранат был усыпан весь пол. Но ни одно орудие не было повреждено, а одним из последних выстрелов с центральной батареи удалось взорвать неприятельский погреб. Дым от нашего залпа несколько рассеялся, и над французской траншеей можно было видеть огромный столб густого черного дыма. Воспользовавшись ослаблением огня вражеских батарей, Ильинский приказал выносить раненых, убитых и восстанавливать разрушения.

Ни здесь, на 5-м бастионе, ни на других участках обороны французам и англичанам не удалось полностью сбить артиллерийские позиции русских войск, чтобы пойти на решительный штурм Севастополя, как они планировали.

Защитники 5-го бастиона выстояли, отремонтировали разрушенные бомбардировкой позиции и не только снова были гото-

И.М. Прянишников. Адмирал П.С. Нахимов на 5-м бастионе во время первой бомбардировки Севастополя

вы к отражению атак противника, но и постарались действовать на опережение, совершив ночную вылазку на вражеские позиции.

212 охотников (добровольцев. — **А. П.**) от Минского и Углицкого полков, 5-го резервного батальона Белостокского полка и 33-го флотского экипажа составили два отряда под общим командованием Дмитрия Ильинского. Захватив врасплох часовых, наши охотники ворвались в траншеи французов, взобрались на батареи № 3 и № 4, перекололи сонных солдат противника и заклепали 7 (по другим сведениям, 14 орудий). Прибытие на батареи неприятельских резервов заставило отступить наши небольшие отряды с потерей убитыми 4-х и ранеными 15 человек. При возвращении на свой бастион Ильинский был контужен в голову.

6 декабря 1854 года, «В воздаяние отменной храбрости и мужества, оказанных во время 1-го бомбардирования», капитан-лейтенант Ильинский был награждён орденом Святого Георгия IV степени.

Последний подвиг

Впереди был ещё почти год героической обороны Севастополя, во время которой наш земляк отличился много раз: строя и вооружая 6-ю батарею, руководя 1-й оборонительной линией и организуя вылазки с неё на неприятельские позиции, командуя Ростиславским редутом и выполняя многочисленные особые поручения генералов А. Зарина и С. Хрулёва.

В сентябре 1855 года, «За распорядительность и отвагу, оказанные при последнем штурме Севастополя неприятелем», Дмитрию Ильинскому было пожаловано золотое оружие с надписью «За храбрость».

И, наконец, стоит обязательно сказать о том, что самый последний подвиг в Севастополе совершил опять-таки наш земляк. Дело в том, что в спешке эвакуации войск с Южной стороны города на Северную остался невзорванным форт на Павловском мысу, который, будучи захваченным противником, мог принести массу неприятностей русским войскам.

И утром 29 августа 1855 года (именно в этот день, по воспоминаниям самого участника событий, а не 28 августа, как пишет большинство исследователей. — **А. П.**), получив «добро» от командования, Ильинский с небольшим отрядом моряков на двадцативесельном баркасе с пароходо-фрегата «Владимир» переправился через Большую бухту и высадился на Павловском мысу, рискуя в любой момент быть обнаруженным неприятелем.

При обследовании форта им было обнаружено порядка двадцати трюпов и восемь раненых. Используя взятые с собой принадлежности и воспользовавшись подручными средствами, матросы под руководством Ильинского подготовили форт к взрыву, и в расчетное время он взлетел на воздух. В это время отважные моряки уже находились в безопасности на Северной стороне, а баркас с ранеными был отправлен к борту парохода «Владимир».

24 ноября 1855 года за вывоз раненых с Павловского форта, когда город уже находился во власти неприятеля, и за разрушение потом самой батареи капитан Ильинский был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами.

А теперь, уважаемый читатель, несколько слов о специфике участия моряков в обороне Севастополя. Дело в том, что они оставались на защите своего любимого города и флота с первого и до последнего дня обороны. Из числа защитников моряк выбывал либо по причине смерти, либо по увечью, не совместимому с дальнейшей боевой деятельностью. Это положение существенно отличалось от участия в боях по защите Севастополя армейских подразделений. Полки и батареи направлялись в Севастополь на определенный срок (два-три месяца. — **А. П.**), а потом выводились из смертоносного кольца на переформирование и отдых. Моряки же, находившиеся на бастионах, редутах и кораблях, позволить себе подобной роскоши не могли, поэтому в процентном отношении потери моряков значительно превышали средние по гарнизону.

Дмитрий Ильинский не составил исключения в мужественном морском братстве и с первого до последнего дня обороны Севастополя оставался в рядах его защитников, дважды был контужен и трижды награждён: орденами Святого Георгия IV степени, Святого Владимира IV степени с мечами и золотым оружием с надписью «За храбрость».

Но вот дальнейшая его военная служба продолжалась недолго — всего пять лет, в течение которых он исполнял обязанности инспектора казённых училищ Московского учебного округа и студентов Московского университета. 18 апреля 1860 года Дмитрий Васильевич Ильинский был уволен от службы с чином капитана I ранга.

«Похоронен соборне...»

Незадолго до отставки, 16 апреля 1857 года, герой обороны Севастополя устроил наконец-то личную жизнь, на которую до этого времени совершенно не оставалось: он женился на Марии Мусиной-

*Владимирский Адмиральский собор
в Севастополе*

Пушкиной, дочери ярославского помещика. Жениху на момент венчания исполнилось 35 лет, невесте — 16.

По уходу в отставку капитан I ранга получил пенсию в размере полного оклада жалования Инспектора студентов (одна тысяча двести восемьдесят шесть рублей в год

из государственного Казначейства. — **А. П.**). Если добавить сюда доходы, получаемые от имений жены в Нижегородской губернии (село Успенское, деревни Крутец и Грачёвка Ардатовского уезда), и своих — в Новосильском уезде Тульской губернии (село Ломиполоз), в которых имелось более 600 душ крестьян, то средств семьи вполне хватало на существование и воспитание пятерых детей (сыновья Александр и Николай, дочери Мария, Елена и Вера).

Но, к сожалению, о более чем 30-летнем помещичьем периоде в судьбе героя обороны Севастополя известно мало. Только то, что он хозяйствовал в основном в селе Успенское Нижегородской губернии (в имении жены), не забывая посещать родовую усадьбу в Ломиполозе, изредка выезжая в Москву и Севастополь. Вышел на широкую аудиторию Дмитрий Васильевич Ильинский только в самом конце жизни, когда написал и опубликовал в журнале «Русский архив» свои замечательные мемуары «Из воспоминаний и заметок севастопольца» (1892–1893 годы).

Когда же Георгиевский кавалер скончался, то в столицах и Севастополе узнали об этом не сразу, да и информация, как выясняется, оказалась неточной: на мемориальной доске Владимирского собора в Севастополе напротив фамилии капитана I ранга Дмитрия Ильинского выбили 1892 год как дату его смерти.

В других источниках (по сведениям тульского исследователя дворянских родов В. Чернопятова и согласившейся с ним потомка героя обороны Севастополя Елены Сорокоумовой. — **А. П.**), написано, что Дмитрий Васильевич Ильинский скончался 12 ноября

1893 года в селе Ломиполоз, где и был погребён.

Но вот тут мне придётся не совсем с этим согласиться, потому что при изучении в Государственном архиве Орловской области метрических книг Богоявленской церкви города Орла я обнаружил следующую запись:

«8 декабря 1893 года скончался отставной капитан 1 ранга и кавалер Дмитрий Васильевич Ильинский, 72 года, от престарелости, похоронен соборне (то есть со многими священниками. — А.П.), 10 декабря на кладбище села Подтатарского, Ламиполоз тож, Новосильского уезда Тульской губернии».

Как и почему в декабре 1893 года оказался в Орле герой обороны Севастополя, можно лишь предполагать, вряд ли случайно, к тому же от Ломиполоза до Орла гораздо ближе, чем до Тулы или Москвы. Но, так или иначе, те, кто хоронил Дмитрия Васильевича, наверняка выполняли его последнюю волю и отвезли тело покойного именно в родовое имение. Ильинский был погребён внутри церковной ограды каменного трёхпрестольного храма Нерукотворного Образа Спасителя.

К сожалению, село Ломиполозово Алябьевского сельского поселения Мценского района почти вымерло к настоящему времени, от церкви остались только руины, а могила героя Севастополя утрачена.

Но есть его портрет — с литографии 1862 года, где капитан I ранга, Георгиевский кавалер, обладатель золотого оружия с надписью «За храбрость» Дмитрий Васильевич Ильинский — молодой, 41-летний, запечатлён уже навсегда. Для истории и для нас, его земляков.

Чтобы помнили!

*Ломиполозово, Спасская церковь
(наши дни)*

Александр ПОЛЫНКИН

ВОИН РИМСКИЙ-КОРСАКОВ — АДМИРАЛ, ПЕРВООТКРЫВАТЕЛЬ, ПЕДАГОГ

В. А. Римский-Корсаков родился в имении деда селе Скарятино Малоархангельского уезда Орловской губернии, современно-го Верховского района Орловской области. Старший брат композитора и выпускника Морского корпуса Николая Андреевича Римского-Корсакова.

Римский-Корсаков! Имя это известно каждому культурному человеку, поскольку речь идет о создателе знаменитых классических произведений, гордости русской и мировой музыкальной культуры. Однако герой этого рассказа — вовсе не великий композитор, а его старший брат Воин Андреевич, личность не менее самобытная, яркая, хотя и практически не известная широкой публике. А между тем Воин Андреевич оставил заметный след в истории русских географических открытий. Мореплаватель и писатель, гидрограф и педагог, он был человеком большой внутренней культуры, широких взглядов, незаурядного литературного и научного дарования.

Отец будущего моряка, Андрей Петрович Римский-Корсаков, был человеком весьма образованным, трудился в иностранной коллегии, министерстве юстиций, а в возрасте сорока с лишним лет (в 1831 году) получил назначение на пост гражданского губернатора Волынской губернии. Судя по отзывам современников, на посту проявил себя добрым и гуманным человеком, пытавшимся в меру возможностей ограничить насилие и произвол власть имущих. Не сколотив состояния на службе и потеряв по своей житейской непрактичности родовое имение, Андрей Петрович после выхода на пенсию доживал век в уездном Тихвине в небольшом бревенчатом доме. Примечательный факт: будучи противником крепостного права, отпустил на волю всех своих дворовых, многие из которых остались в его доме в качестве наемной прислуги. Супругой Андрея Петровича была Софья Васильевна — дочь орловского помещика и крепостной. Ее характеризовали как женщину умную и талантливую, оказавшую огромное влияние на воспитание обоих сыновей.

Воин Андреевич родился в имении родственников матери в Орловской губернии 14 июля 1822 года. Отвращение к беспринципному карьеризму и деспотизму, независимость суждений, прямота и честность, свойственные Андрею Петровичу, послужили хорошим примером для мальчика. С детства отец втолковывал ему, что долг

человека заключается в честной службе Родине, в пример он ставил своего брата. Николай Петрович Римский-Корсаков посвятил себя морской службе, однако во время Отечественной войны перевелся в сухопутные войска, отличился в сражениях под Смоленском и Бородином. Позже он вернулся во флот и участвовал в кругосветной экспедиции Коцебу.

Восьми лет от роду Воин, или подомашнему Воинька, был отправлен в морское отделение Александровского корпуса, расположенное в Царском Селе. До этого мальчик обучался во французском пансионе, где получил основы начального образования. Сразу поступить в корпус будущий мореплаватель не смог, потребовалось похлопотать влиятельному дяде. Через три года Воин Андреевич был зачислен в Морской кадетский корпус, располагавшийся на Васильевском острове в Петербурге.

В те годы во главе корпуса стоял выдающийся русский мореплаватель Иван Крузенштерн. С целью улучшить условия размещения и обучения кадетов он предпринял целый ряд реформ, однако в условиях жесточайшей николаевской реакции все добрые побуждения директора оказались полумерами и не смогли изменить существа воспитательной системы. Воспитанники корпуса тех лет писали: «Новичкам в первое время тяжело приходилось от гонений товарищей... Обращение кадетов друг с другом, их нравы были воистину варварскими... Мы непрестанно дрались».

Нередко в корпус навещался Император Николай I. Если он находил какие-либо непорядки, то устраивал всему заведению жестокий разнос. Любопытный и, несомненно, далеко не единичный случай описывал в письме родителям летом 1836 года сам Воин Андреевич: «Император посетил корпус, остался недоволен нами, разобрал. После этого мы целых три недели учились ружейной экзерциции по семь часов в день, никаких классов не было». Значительно позже, став уже морским офицером, Воин Андреевич написал с горечью: «Не колеблясь, скажу, что обхождение начальников было отнюдь не родительским, как следовало бы с ребятами нашего возраста, — оно было жестоким и ожесточало нас».

Каникул как таковых у учащихся корпуса не было. В летние месяцы воспитанники плавали на учебных судах, знакомясь с практической службой моряков парусного флота. Воин Андреевич отмечал: «К родным летом никого не пускали, и никто, право, об этом даже не мечтал... Системы в обучении никакой не было, только работы — поставить паруса, закрепить их, вставая на якорь, да двадцать раз повторить оверштаг... Несмотря на это, мы мигом усваивали морской язык, приучались спускаться по снастям и бегать по вантам, выучивали наизусть производство сигналов... и как мы увлекались этими занятиями! Как пытались обогнать друг друга, с каким задором бегали в руках с лопарем браса!» В 1837 году Римского-Корсакова произвели в гардемарины, причем по успеваемости к этому времени он был восьмым на курсе. В конце 1838 года шестнадцатилетний юноша с успехом окончил Морской корпус, получив чин мичмана. Первым кораблем, на котором довелось служить Воину Андреевичу, был фрегат «Александр Невский».

Вскоре последовало новое направление — на бриг «Патрокл», после этого молодой мичман перешел на фрегат «Мельпомена», затем на бриг «Нестор». Все суда выполняли одну задачу — плавали в летние месяцы по Балтийскому морю и его заливам, а зимой стояли в Ревеле или Кронштадте. Воин Андреевич упорно занимался самообразованием — изучал иностранные языки, много читал, посещал музыкальные вечера. Его любимыми авторами были Шекспир, Байрон, Свифт и Вальтер Скотт. В Ревеле у местного учителя музыки девятнадцатилетний моряк брал уроки игры на фортепиано. Кроме классиков мичман Римский-Корсаков изучал много научных статей, как русских, так и иностранных. В первую очередь его интересовали навигация, корабельная архитектура и гидрография. Не забывал Воин Андреевич и о постоянных физических тренировках, предпочитая плавание и верховую езду.

В эти годы, будучи совсем еще молодым офицером, он писал: «Имею искреннее и неподдельное желание быть полезным Отечеству. По теперешним мыслям моим, готов я пробыть век в чине мичмана, только бы мне дали возможность проявить себя...» Однако на исхоженных Балтийских путях шансов стать первооткрывателем было мало. Вспоминая рассказы дяди о кругосветном плавании, о неизвестных островах, о тайфунах и о встречах с аборигенами, Римский-Корсаков грезил дальними морями и смелыми открытиями.

А между тем старательный офицер успешно продвигался

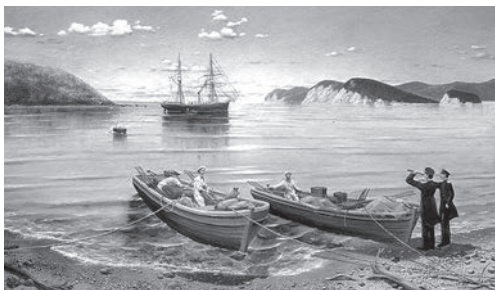
по службе. В 1843 году его произвели в лейтенанты, а в августе 1845 перевели на «Ингерманланд», уходивший в заграничное плавание. На нем пылливый и наблюдательный офицер впервые посетил Плимут, Копенгаген, Гибралтар и Средиземное море. Вернувшись из похода, Воин Андреевич начал писать статьи для «Морского сборника». Одна из его первых работ была посвящена встрече с британскими военными судами. Автор хвалил выучку и слаженность команд, оснастку кораблей, чистоту и опрятность помещений. Однако Воин Андреевич осудил показную роскошь офицерских кают, а также кастовую замкнутость английской военной верхушки. Писательскую деятельность Римский-Корсаков успешно сочетал с работой переводчиком. Вместе со своим другом Головиным во время зимовки в 1847 году он перевел работы французского адмирала Жюльена де ла Гравьера, ставшие впоследствии настольной книгой офицеров отечественного флота.

В 1851 году двадцатидевятилетний Воин Андреевич впервые вышел в море капитаном корабля. Правда, командовал он не многопушечным фрегатом, а маленьким суденышком — тендером «Лебедь». Около двух лет он плавал на нем, изучая шхеры Ботнического и Финского заливов, исследуя извилистые фарватеры, отыскивая подходящие для якорных стоянок места. В зимнюю пору капитан «Лебеда» работал над статьями для «Морского сборника» и продолжал мечтать об океанских просторах.

И наконец его желание исполнилось. Морское начальство обратило внимание на инициативного и способного офицера, явно заслуживающего большего, чем командование вспомогательным судном. Его включили в число участников экспедиции Ефима Васильевича Путятина, отправлявшегося к берегам Японии.

В начале путешествия — от Кронштадта до Портсмута — Римский-Корсаков входил в команду фрегата «Паллада». 30 октября 1852 года фрегат бросил якорь в британском порту. Здесь молодой моряк принял под командование паровую шхуну «Восток», купленную у англичан. Это было крепкое судно с достаточно мощной для тех времен паровой машиной. Экипаж шхуны был немногочисленный — всего тридцать семь человек, включая шесть офицеров.

6 января 1853 года фрегат «Паллада» и шхуна «Восток» покинули Портсмут, отправившись в южную Атлантику. Шхуна Римского-Корсакова была первым отечественным паровым судном, пересекшим экватор. К слову, многое о приключениях Воина

Шхуна Восток в бухте св. Преображения

Андреевича стало известно историкам из его многочисленных писем родителям. В них мореплаватель был предельно откровенен, зачастую давал довольно резкие характеристики высокопоставленным сановникам. И, наоборот, о простых матросах и людях,

рядовых тружениках мореплаватель обычно отзывался с большой теплотой. Ему была свойственна независимость поступков и суждений, однако лишь в той мере, в какой это позволяли жесткие рамки флотской субординации и дисциплины.

Миновав южную оконечность Африки, экспедиция Путятина направилась в Гонконг. Индийский океан встретил небольшую шхуну Воина Андреевича, уже ставшего капитан-лейтенантом, неприветливо. Разыгравшийся шторм порядком потрепал корабль. К счастью, буря оказалась непродолжительной, и 11 июня «Восток» прибыл в Гонконг. Простые китайцы вызвали у Воина Андреевича чувство искренней симпатии. К тому времени феодальная система Поднебесной переживала глубокий кризис. Русский моряк видел и фантастические богатства мандаринов, и нищету простого народа, живущего в убогих хижинах, на плотках и в джонках. Вторжение англичан еще больше обострило социальные противоречия. Гонконг стал центром контрабанды опиумом, принося британским торговцам немислимые прибыли. Обратил Воин Андреевич внимание и на глубокую ненависть китайцев к англичанам, позволяющим себе притеснения местных жителей.

9 августа корабли Путятина подошли к Нагасаки. Миссия Ефима Васильевича обещала быть тяжелой и затяжной, поэтому адмирал не стал задерживать Римского-Корсакова. По его указанию 18 августа 1853 года шхуна «Восток» покинула японский порт, получив приказ изучить Татарский пролив и устье Амура. На двенадцатый день шхуна достигла берегов Сахалина и последовала Татарским проливом. Экипаж проводил съемки и опись берегов, делал промеры глубин. Плавание по неизученному проливу было трудным — суровый климат, отсутствие якорных стоянок, постоянные густые туманы препятствовали исследованию края. Со всеми

проблемами морякам приходилось справляться своими силами, без надежды на помощь.

Капитан корабля отмечал не только гидрографические условия плавания, но также и окружающую природу, возможности хозяйственного освоения местности. Мореплаватель проявил интерес к аборигенному населению побережья Татарского пролива, к его обычаям, образу жизни, национальному характеру. Он пытался расположить их к себе вежливым обращением и подарками. В дневниках Римского-Корсакова можно встретить небезыңтересные для этнографов описания поселений, домов, предметов быта аборигенов. Упомянутые им названия местных племен соответствуют современным улчам, нанайцам, удэхэ, орочам и эвенкам.

Мыс Лазарева, место, где материк наиболее близко подходит к Сахалину, шхуна миновала благополучно и вошла в лиман Амура. Этот участок пути до сих пор считался недоступным для морских кораблей. Один местный житель вызвался поработать лоцманом и провести «Восток» по фарватеру. Но с первых же попыток стала ясна его неопытность в обращении с большим морским судном. Капитану оставалось только одно — положиться на собственную интуицию и частые промеры глубин. Раз за разом шхуна натыкалась на непреодолимые мели и возвращалась к начальной точке. Не единожды киль царапал песчаный грунт, и «Восток» содрогался, казалось, уже готовый сесть на мель.

В конце концов Воин Андреевич сумел отыскать практически неуловимый фарватер и провести свой корабль в устье реки Амур. Труднейшее плавание показало, что Татарский пролив на всем своем протяжении доступен для морских кораблей. Исследования отважного мореплавателя имели огромное практическое значение, вдвойне более ценные в связи с осложнившейся международной обстановкой.

13 сентября 1853 года «Восток» подошел к мысу Пронге, и Воин Андреевич посетил расположенное неподалеку Петровское зимовье, официально считающееся факторией Российско-Американской компании и служащее главной базой Амурской экспедиции Геннадия Невельского. О зимовье Римский-Корсаков писал: «Приятно видеть посреди безжизненной природы, за 13 тысяч верст от России, пятьдесят человек удалых ребят, на все руки мастеров: мигом избу вам срубят, застрелят сивуча или нерпу, ловко прокатят вас на оленях, собаках или на простой дощатой гильяцкой лодке».

Через несколько дней шхуна снялась с якоря и отправилась

в обратный путь. Спустя всего два с половиной месяца «Восток» вернулся в Нагасаки. Небольшой как будто бы срок. Однако сколько ценнейших сведений выяснил тридцатилетний Воин Андреевич за это время. У него имелись подробнейшие описания неизведанных берегов, гидрологические исследования Татарского пролива и Амурского лимана с подробными промерами фарватера и, наконец, целый ряд открытых угольных месторождений. Основательный доклад Римского-Корсакова обрадовал адмирала. Позже Путятин признавался, что уже почти перестал верить в благополучное возвращение корабля.

Только неделю шхуна пробыла в Нагасаки. В ноябре она отправилась в Шанхай с целью устранить повреждения, произвести текущий ремонт и забрать почту из Европы. Обстановка в мире в то время продолжала обостряться. В самом Китае шли кровопролитные бои между повстанцами, выступившими против монархии, и императорскими войсками. Из местных газет моряки узнали, что России объявила войну Турция, а англо-французские корабли вошли в пролив Босфор. В Шанхайском порту стояли французские и английские суда. И хотя Воин Андреевич обменялся с их капитанами визитами вежливости, приходилось ожидать любых сюрпризов. Поэтому моряк поспешил выйти в море. Паруса крепили и приводили такелаж в порядок уже на ходу.

31 декабря 1853 года начались долгожданные переговоры с японскими властями. Пока они шли, адмирал Путятин еще дважды посылал шхуну в Шанхай забрать письма из Европы. В ходе второго рейса «Восток» столкнулся в устье Янцзы с разведывательным кораблем англичан и был вынужден отрываться от погони. После доставки почты Евфимий Васильевич отправил Римского-Корсакова в Императорскую гавань, расположенную в Татарском проливе. В этом месте летом 1853 года был основан российский военный пост. От поселенцев прибывший Воин Андреевич услышал мрачные рассказы о первой зимовке. Люди перенесли цингу и голод, десятки человек умерли. Причина крылась в суровом местном климате, недостатке продуктов, особенно свежих, сырости возведенных наспех строений.

Летом 1854 года шхуна «Восток» совершила еще одно путешествие до Петровского зимовья. Затем капитану было приказано добраться до Николаевского поста и взять к себе на борт Николая Муравьева. Воин Андреевич доставил известного государственного деятеля в Аян, откуда генерал-губернатор направил в Пе-

тербург курьера с письмами об обстановке на Дальнем Востоке. После этого Римский-Корсаков получил задание отвезти почту в Петропавловск-на-Камчатке, тогдашнюю основную военноморскую базу России на Тихом океане.

Поручение было весьма опасным, поскольку всем уже было ясно о неизбежности столкновения с силами неприятельской коалиции у восточных границ нашей страны. К тому же плавание «Востока» было на редкость неудачным. Корабль попал в сильнейший шторм, началась течь в днище. По чистой случайности шхуне удалось повстречать транспорт «Байкал», который получил предупреждение о нахождении вражеской эскадры возле Петропавловска-на-Камчатке и направлялся в Большерецк. Римский-Корсаков решил отдать ему всю камчатскую почту с просьбой передать ее местному исправнику.

«Восток» же был вынужден встать у острова Парамушир, чтобы заделать течь, усиливающуюся с каждым часом. Зазор, пропускавший воду, образовался между наружной обивочной муфтой и винтовым валом. Положение корабля стало угрожающим. Трех помп, имеющихся на шхуне, оказалось недостаточно, чтобы успевать выкачивать прибывающую в трюм воду. Всей команде пришлось взяться за ведра. Первые попытки справиться с течью не увенчались успехом. Килевать судно было невозможно — на островах Северной группы Курил не было леса, который мог бы согнуться на подпоры. Посоветовавшись с офицерами, Воин Андреевич принял решение законопатить зазор. Изначально этот план казался неосуществимым. Невозможно было пролезть к валу в тесном пространстве под нижним перекрытием. Однако «нужда научит всему», как писал в своих дневниках Воин Андреевич. Он дал задание прорубить в своей каюте люк величиной в квадратный фут. Через него тщедушный мальчишка, помощник машиниста пробрался к отверстию вала. С его помощью вал был обмотан промасленной полотняной лентой, которую затем прижали к зазору абордажными пиками. После этого течь практически прекратилась, и «Восток» сумел добраться до Большерецка.

На третий день стоянки на борт корабля прибыл с почтой нарочный от губернатора Камчатки Василия Завойко. Живой свидетель обороны города Петропавловска, измотанный и осунувшийся после нелегкой езды по перевалам и горным тропам, рассказал Воину Андреевичу последние новости. 17 августа перед городом появились англо-французские корабли — три фрегата, один пароход,

корвет и бриг. В дополнение к шести батареям береговой обороны, установленным на прибрежных сопках, вход в бухту защищали только два русских судна — транспорт «Двина» и фрегат «Аврора». Противник обладал более чем трехкратным превосходством в артиллерийских стволах, большим перевесом в людской силе. Но защитники Петропавловского порта хорошо помнили заповедь Суворова — «воевать не числом, а умением». Русские моряки, солдаты и горожане-добровольцы проявили невиданный героизм, разгромив и сбросив вражеский десант в море. На десятые сутки обескровленная эскадра союзников оставила Авачинскую бухту.

В Большерецке Римский-Корсаков сильно расшиб ногу, однако не освобождал себя от несения вахтенной службы. На вахте он сидел, опустив раненую ногу в кадку и обмотав ее шинелью, чтобы рану не намочили соленые брызги волн. Сама шхуна также нуждалась в капитальном ремонте. Однако его пришлось отложить до возвращения в устье Амура. Обратный путь был более успешным, выдержав у северной оконечности Сахалина шторм с сильной метелью, 10 октября «Восток» бросил якорь рядом с Петровским зимовьем. Шхуна была вытащена на берег, и всю зиму Воин Андреевич занимался ее ремонтом и подготовкой к будущей навигации, а кроме того размещением команды на берегу, вопросами обеспечения людей продуктами. В свободное время непоседливый мореплаватель любил совершать дальние прогулки. Он охотился на рябчиков, вел свои записи, бегал на лыжах. Очень скоро ему пришлось убедиться, что наилучший вид транспорта в местных условиях — это ездовые собаки. Обзаведясь собственными собачьими упряжками, Воин Андреевич ездил в Николаевский пост к своему другу и единомышленнику Геннадию Невельскому. В письмах домой он отмечал: «Что вам рассказать о пустыне нашей? Пустота здесь не такая страшная, благодаря достаточному количеству публики... На Святках трижды был домашний спектакль, а в Новый год Невельский проводил костюмированный бал, в котором все бывшие здесь, без исключения, участвовали. Я выбрал себе одежду средневекового буржуа, сам заказал ее и сочинил...»

Весна 1855 года принесла новые тревоги. Ожидалось повторное нападение союзной эскадры на Петропавловск, в связи с чем Завойко срыл береговые батареи и вывез из города весь гарнизон и припасы. Оборона Амурского устья и подступов к нему приобрела главенствующее значение. Приходилось готовиться к сражению и у Петровского зимовья. Римский-Корсаков регулярно

тренировал моряков в ружейной стрельбе. Все корабли камчатской эскадры, включая тяжелый фрегат «Аврора», успешно добрались до Николаевска фарватером, исследованным шхуной «Восток». Все попытки англо-французских судов найти их остались безуспешными. Неприятель высаживался в Де-Кастри и Аяне, блокировал северные входы в Амурский лиман, однако так и не рискнул войти в устье.

Все лето 1855 года «Восток» выполнял мелкие рассыльные поручения, пора интересных исследований закончилась, и Воин Андреевич стал подумывать о возвращении на Балтику. Однако осенью шхуна застряла на мелководье, исследуя у Мариинского поста одну из боковых амурских протоков. Экипаж был вынужден зазимовать, ожидая весеннюю высокую воду. В середине зимы Завойко разработал план новой кампании в районе бухты Де-Кастри. Командовать отрядом в тысячу человек было поручено подполковнику Сеслаину, а его заместителем был назначен Римский-Корсаков. Завойко утверждал, что «специфические условия битвы с десантом врага потребуют знаний флотской службы... Руководство шхуной любезный Воин Андреевич может передать кому-нибудь другому». В очередном письме родителям моряк иронизировал на тему о том, что ему уже приходилось быть и домостроителем, и кораблестроителем: «Не хватало лишь того, чтобы меня произвели в кавалеристы или сделали ветеринаром, а может, и дьячком, так как людей, осведомленных в подобных ремеслах, в краях этих мало».

Однако план Василия Завойко об укреплении Де-Кастри отпал сам собой — в конце зимы пришло известие о перемирии, а вскоре и о подписании тяжелого для России Парижского договора. Служба Римского-Корсакова на Дальнем Востоке подошла к концу, в начале лета 1856 года он сдал шхуну и, вступив в командование корветом «Оливуца», получил приказ плыть в Кронштадт. Однако перед этим ему удалось осуществить свою заветную мечту — подняться от Мариинского поста на пятьсот верст вверх по Амуру. Плыл он в «туземной» лодке вместе с тремя вольнонаемными гребцами. На берегах великой реки он видел и заросли дикого винограда, и маньчжурский орех, и сочные луга, и бесконечные ряды превосходного строевого леса. Воин Андреевич писал: «Река глубокая, громадная, широкая, во всех отношениях благодарнейшая. Много пользы от нее будет в будущем для России...».

С Дальнего Востока мореплаватель возвратился капитаном второго ранга, командиром хоть и устаревшего, но все еще добротного

боевого судна с командой в две сотни человек. Нового распоряжения долго ждать не пришлось — вскоре Римский-Корсаков поступил в распоряжение капитана первого ранга К. Н. Посьета, которому было поручено отплыть на «Оливуца» в Японию и обменяться ратификационными грамотами Симодского трактата.

Константин Николаевич был хорошим другом Воина Андреевича, который ценил его за спокойный и уравновешенный характер, образованность и деловитость. По пути к Японским островам корабль зашел в Императорскую гавань, в которой моряки с горечью обнаружили сожженные дотла строения Константиновского поста, построенные ценой огромных усилий и лишений. Причем произошло это уже после заключения мира. Всегда ценивший труд солдат и матросов Воин Андреевич негодовал при виде этого бессмысленного и варварского поступка, совершенного английскими пиратами.

27 октября «Оливуца» бросил якорь в бухте Симода. Во время пребывания в Японии любознательный моряк осуществил ряд прогулок по дороге, ведущей в глубь острова: «Видел местное население, японскую жизнь без малейшей примеси чужеземного, в том виде, в каком она просуществовала сотни лет». А вскоре после обмена грамотами Посьет и Римский-Корсаков расстались. Обратное плавание корвета было злополучным. Первое несчастье произошло после пополнения запасов продовольствия в Гонконге. Воин Андреевич писал об этом происшествии: «Китаец-булочник положил в хлеб мышьяку. Все попробовавшие хлеб за завтраком отравились, в том числе и я. К счастью, яду было так много, что приступы рвоты проявились прежде, чем началось пищеварение, притом очень скоро всем дали медицинское пособие. Так что не было ни единого смертного случая, все отделались только продолжительным нездоровьем». В своем рапорте Римский-Корсаков пытался объяснить причины диверсии ненавистью китайцев к британцам, которая, к сожалению, в равной степени переносилась на всех белых европейцев. Вторая беда настигла экипаж «Оливуцы» в Индийском океане. Среди матросов вспыхнула эпидемия дизентерии. Воин Андреевич принял самые решительные меры, чтобы остановить распространение изнурительной болезни. Тем не менее свыше трех десятков моряков выбыло из строя, многие из них умерли.

В Кронштадт корвет прибыл в середине сентября 1857 года. Высшее флотское начальство встретило капитана с почетом. Очевидны были его заслуги перед Россией, на флоте Римский-Корсаков заслуженно пользовался репутацией лихого командира и отлич-

ного моряка. В ноябре 1857 года ему удалось съездить в родной Тихвин, порадовать престарелых родителей рассказами и диковинными подарками. А уже через несколько дней моряк вернулся в Кронштадт, занявшись очерками

о Дальнем Востоке. Эти статьи, опубликованные в 1858 году в трех номерах «Морского сборника», являются бесценными свидетельствами подвига русских моряков и, в частности, экипажа шхуны «Восток».

Во время следующей навигации Воин Андреевич был назначен командиром учебно-артиллерийского судна «Прохор», оставаясь на этой должности до 1860 года. По записям сослуживцев, он сумел организовать отменную подготовку оружейных комендоров, переходивших затем на другие корабли Балтийского флота.

Зимой 1860 года капитан первого ранга Римский-Корсаков стал начальником штаба командира Кронштадтского порта. Воин Андреевич прекрасно понимал, что парусному флоту пришел конец и начинается новая эпоха парового флота, выдвигающая совсем другие требования. Поэтому он горячо ратовал за необходимость прогрессивных перемен, в частности оснащение военно-морских сил передовой техникой и модернизацию системы военно-морского образования. Спустя год Римский-Корсаков возглавил Морской кадетский корпус — главное учебное заведение Российского флота. К слову, в этом месте ничего не изменилось с той поры, как он сам покинул его. В коридорах по-прежнему смертным боем дрались кадеты, сильный мучил слабого, а преподавание общеобразовательных предметов оставляло желать лучшего.

Новый директор успешно осуществил целый ряд уникальных реформ: был упразднен институт унтер-офицеров, в корпус стали принимать не только сыновей потомственных дворян, но и детей гражданских чиновников и старших офицеров, независимо от их происхождения, система постоянного надзора была заменена на принципы доверия к воспитанникам. Опираясь на свой богатейший жизненный опыт, Римский-Корсаков стремился дать будущим офицерам систематические и серьезные знания, как общие, так

и специальные. По его инициативе в программу учебных занятий были добавлены практика по строительству шлюпок и инструментальные съемки. Сохранились интересные документы, подтверждающие то, что директор училища проводил для воспитанников экскурсии в музей Горного института, на газовый завод, в мастерские Петербургского порта, в Пулковскую обсерваторию, на выставки Академии художеств. Воин Андреевич обращал серьезнейшее внимание на уровень подготовки преподавателей и воспитателей корпуса, заставляя их постоянно расширять свой кругозор и знания. Директор сам руководил плаваниями учебной эскадры в летние месяцы, стремясь воспитать в кадетах любовь к морю и флоту, чувство товарищества и коллективизма, инициативу и находчивость, физическую выносливость. Много внимания Римский-Корсаков уделял популяризации отечественных морских традиций. Он был организатором публичных лекций по истории нашего флота, инициировал установку памятника героям Гангутского боя, выбивал средства на строительство памятника Крузенштерну перед зданием училища на набережной Невы.

В последние годы жизни Римский-Корсаков, ставший уже вице-адмиралом, серьезно болел. Возможно, это были последствия гонконгского отравления, а может быть, сказывались огромные физические нагрузки, выпавшие на долю моряка в ходе его дальневосточных плаваний. Осенью 1871 его здоровье совсем ухудшилось, ему дали отпуск, и он отправился лечиться в Италию. Вместе с ним поехали супруга Мария Федоровна и трое маленьких детей. 4 ноября в городе Пизе Воин Андреевич неожиданно для всех скончался от паралича сердца. Ему было 49 лет. Лейтенант Николай Андреевич Римский-Корсаков, будущий великий композитор, отправился в Италию за телом усопшего брата — своего доброго наставника и старшего друга. Доставленные по железной дороге останки мореплавателя 30 ноября 1871 года были преданы земле на Смоленском кладбище в Петербурге.

*По материалам книги Льва Михайловича Демина
«Сквозь туманы и штормы»*

ОРЛОВСКОЕ ПРАВОСЛАВНОЕ ВОИНСТВО В РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЕ

К 115-летию русско-японской войны

В начале публикации хотелось бы привести небольшой отрывок из статьи генерал-лейтенанта, профессора Б. А. Штейфона, участника Дальневосточной кампании 1904–1905 годов, в ходе которой он был награжден пятью орденами, известного военного, научного деятеля русской эмиграции, из сборника «Военная мысль в изгнании», опубликованного издательством «Русский путь» в 1999 году, с вступительной статьей Начальника Генерального штаба Вооруженных сил РФ генерала армии Анатолия Квашнина. Изначально статья вышла в «Военном сборнике» в Белграде в 1930 году под названием «Русско-японская война»

В своих работах генерал Штейфон отстаивал идеи национального характера, преобладание духа над материей в военном деле.

«Война 1904–1905 годов оказала значительное и сложное влияние на дальнейшие судьбы Российского государства. В политическом отношении она умалила международный престиж нашей Родины и вызвала революцию 1905 года.

В экономическом отношении война эта резко изменила хозяйственный ход страны и оказала мощное воздействие на экономическое развитие государства.

Основные цели, вдохновившие Японскую войну, цели, выполнявшие древнерусское задание — выход к морям, — были жизненны и государственно мудры.

Иной вопрос, насколько эта война являлась своевременной и в какой степени соответствовало ей внутреннее и международное положение тогдашней России. На эти вопросы должно ответить отрицательно: война была несвоевременная, ибо к ней не были готовы.

Прежде всего к ней не был подготовлен дух нации, каковое обстоятельство и предопределило, почти полностью, несчастный исход войны. Нация начала войну без воодушевления, вела ее равнодушно и закончила не вовремя.

Тогда было и несвоеременно, и непонятно искать объяснений нашим маньчжурским неудачам в кризисе общечеловеческой морали и в отживающей сущности мировой военной системы. В те годы не только умами, но и чувствами русского общества владели

Толстой, Ницше и Маркс, а в армии культивировался опыт русско-турецкой войны.

Близорукий и невежественный русский радикализм, а он почитался тогда выразителем общественного мнения, причину всех неудач видел лишь в существовавшей государственной системе. И те, кто в 1917 году, получив всю полноту власти и богатейшие материальные средства Империи, ухитрились в течение полугода обратить в небытие величайшее государство, те особенно старательно складывали свои и общенародные ошибки к подножию Трона. Партийное ослепление и подпольное изуверство, конечно, не могли понять, что Великую Империю создала Императорская власть, которую они так злобно, так несправедливо осуждали.

Только армия и флот, восчувствовав всю горечь национальной и военной обиды, молчаливо признали свою долю вины, ибо поняли, что в несчастиях Родины виновата вся нация.

Рационалистические идеалы, все более и более усваиваемые народами, не могли не оказать разлагающего влияния и на военное искусство, нарушив в нем ту гармонию духа и материи, которая одна определяет подлинное искусство.

К чести русской армии и русской военной науки, следует, однако, признать, что они сумели в значительной степени освободиться от гипноза нездоровых увлечений. Только что пережив войну и таким образом лишней раз проверив на опыте силу и значение духа, наша военная мысль и военная практика стали искать вдохновения не в модных, сильных увлечениях Запада, а в заветах Петра Великого и Суворова. Эти заветы были той живой водой, глотнув которую русская армия обрела могучие импульсы для своего дальнейшего творчества».

...6 мая 1904 года в Покровской церкви города Орла — полковом храме 51-го Черниговского драгунского полка, шефом которого с 1897 по 1910 год являлась Великая Княгиня Елизавета Феодоровна, прошло Богослужение, на котором присутствовали Император Николай II, Великий Князь Николай Николаевич, Великий Князь Михаил Александрович и Великий Князь Сергей Александрович.

В день своего 35-летия Государь иконою Покрова Божьей Матери благословил воинов оружием поддержать честь и достоинство России в навязанной её врагами войне на Дальнем Востоке. В память этого события решением Городской думы улица Садовая была переименована в Николаевский бульвар (в настоящее время площадь Ленина и часть улицы Горького до городского сада).

На театр военных действий Русско-японской кампании вместе с 51-м Черниговским драгунским были направлены 52-й Нежинский драгунский полк, расквартированный в городе Ельце, части, расформированные в Орловской губернии, а также 138-й Болховский, 33-й Елецкий, 34-й Севский, 35-й Брянский, 36-й Орловский пехотные полки.

*Император Николай Второй в Орле
6.05.1904 г.*

Кавалеристы и пехотинцы успешно действовали во многих сражениях под Мукденом и Ляояном, в боях под Савайды и Эрхайды, прославив Георгиевские знамена своих полков, история которых была связана с победами в Полтавской битве, Семилетней войне, войнами с Наполеоном, Кавказской, Крымской и Русско-турецкой кампаний. Вместе с воинами все тяготы походной жизни делили полковые священники, среди которых был протоиерей Митрофан Сребрянский, издавший в 1906 году в Орле дневник полкового священника 51-го Черниговского полка. С этого же года о. Митрофан стал духовником Великой Княгини Елизаветы Феодоровны и Марфо-Мариинской обители. Командиром эскадрона нежинских драгун, сражавшихся плечом к плечу с черниговцами, был будущий верховный Правитель Приморского края (последнего белогвардейского анклава на территории России в 1921–22 гг.) генерал-лейтенант М. К. Дитерихс. В Восточном отряде генерала Ф. Э. Келлера воевал впоследствии в 1918 г. гетман Украинской Державы генерал-лейтенант П. П. Скоропадский. В кампании участвовали: выпускник Орловской духовной семинарии А. Г. Георгиевский (в конце 1918 года — начальник штаба адмирала Колчака, генерал-майор), выпускник Орловского Бахтина кадетского корпуса барон А. П. Будберг (к 1919 году — генерал-лейтенант, военный министр Верховного Главнокомандующего, в эмиграции в США — председатель общества ветеранов Великой войны) и многие другие.

*Отец Митрофан
с драгунами*

Большое воодушевление и волну патриотизма в начале войны вызвал бой крейсера «Варяг» и канонерской лодки «Кореец». 110 лет тому назад, 13 апреля 1904 г., на железнодорожной станции Орёл жители города встречали моряков героического крейсера «Варяг», принявшего 9 февраля (27 января ст. ст.) 1904 г. знаменитый бой у Чемульпо с японской эскадрой, послуживший началом русско-японской войны. Среди встречавших было много людей, родные которых в тот момент воевали в армии и на флоте.

В здании вокзала капитану крейсера «Варяг» В. Ф. Рудневу был преподнесен золотой кортик. И хотя Орловская губерния находилась вдали

от морей, отсюда в разное время с 18-го столетия вышло много тех, кто посвятил себя морской службе.

За две недели до посещения станции Орёл моряками крейсера «Варяг» произошли события, по значимости и драматизму не менее важные, чем бой «Варяга» при Чемульпо, повлиявшие в определённой мере в дальнейшем на ход военных действий на море и на суше.

Ранним утром 31 марта 1904 г. недалеко от Порт-Артура неравный бой с японской эскадрой принял миноносец «Страшный» под командованием капитана 2-го ранга, болховского дворянина Константина Константиновича Юрасовского. Расстреливаемый в упор японскими кораблями экипаж вёл огонь до конца. Капитан К. К. Юрасовского разорвало одним из японских снарядов. Заменявший его в бою лейтенант Е. А. Малеев стрелял по японцам из пулемёта вплоть до погружения и затопления миноносца.

Шедший на выручку крейсер «Баян» подобрал с поверхности моря 5 матросов из 52 членов экипажа.

В район боя миноносца «Страшный» с японцами из Порт-Артура вышла эскадра с главнокомандующим флотом адмиралом Макаровым. Японцы отошли в море, но на фланге появилась другая японская эскадра.

При отходе русских кораблей к внутреннему рейду Порт-Артура

броненосец «Петропавловск», командиром которого был мценский помещик, капитан 1-го ранга Николай Матвеевич Яковлев, подорвался на двух японских минах и затонул.

В тот момент на «Петропавловске» находился весь штаб Тихоокеанской эскадры. Погибли прославленный флотоводец и учёный, вице-адмирал Степан Осипович Макаров, художник Василий Васильевич Верещагин, духовник броненосца и Благочинный Тихоокеанской эскадры иеромонах Алексей.

Перед выходом в море отец Алексей отослал матери в г. Торжок телеграмму: «Христос Воскресе! Поздравляю. Алексей». 31 марта телеграфисты отправили её примерно во время взрыва корабля. 1 апреля на Пасху в 5 часов утра мать получила телеграмму, а утром газеты сообщили о гибели «Петропавловска». Из 800 членов экипажа спасти удалось 63 офицеров и матросов.

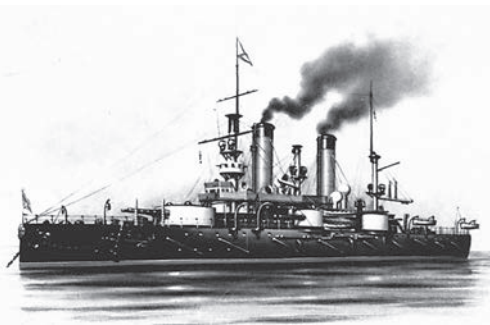
На месте гибели броненосца «Петропавловск» во время спасения оставшихся в живых моряков на поверхность моря, вопреки всем законам физики, неожиданно всплыло большое тяжёлое Евангелие в золотом и серебряном окладе. Об этом написали многие российские газеты. Но должного значения этому знаку свыше русское общество так и не придало.

Как не было придано значения ещё одному событию.

На страстной седмице Великого Поста 1904 года в Санкт-Петербурге из Киева была доставлена икона Торжество Пресвятыя Богородицы «Порт-Артурская», написанная в благословение и знамение торжества христоролюбивому воинству Дальней России.

Православным христианам, на чьи средства была написана икона по Божией Воле, было явлено доставить икону в Порт-Артур. Покровительница Русской земли Пресвятая Богородица обещала в этом случае победу русскому оружию. Икона была доставлена во Владивостокский кафедральный собор.

Впоследствии, вопреки воле Божией Матери, в Порт-Артур пытались доставить лишь копии подлинной иконы на транспортах

Броненосец «Петропавловск»

Н.М. Яковлев

с припасами из страха подвергнуть святыню опасности ввиду трудностей сообщения с блокируемым японцами Порт-Артуром. Только в декабре 1904 г. сделал попытку доставить икону в Порт-Артур отставной ротмистр лейб-гвардии Уланского полка Н. Н. Фёдоров на норвежском судне через Шанхай и Чифу. В плавании корабль встретил четыре русских миноносца. На миноносце «Сердитый» Фёдоров узнал, что крепость уже сдана.

«Неисповедимы пути Божии! Попутный ветер от Бога, и если я не попал в Порт-Артур, то ясно, что на это

не было Воли Божией», — телеграфировал Н. Н. Фёдоров во Владивосток.

Капитана броненосца «Петропавловск» Н. М. Яковлева 31 марта (ст.ст.) 1904 г., тяжело раненного, подобрал крейсер «Цесаревич». На нём начинал службу досрочно произведённый из гардемаринов в мичманы в начале войны Дмитрий Осипович Дараган, сын начальника управления Орловско-Рижской железной дороги и внук орловского губернского военного начальника Ф. И. Дарагана, героя обороны Севастополя, командира 62-го Суздальского (суворовского) полка. Реликвии семьи Дараган, внука и деда, среди которых георгиевская сабля «За храбрость» и шпага с орденом святой Анны, хранятся в настоящий момент в Военно-морском музее Санкт-Петербурга.

Спасшийся в Порт-Артурском бою 1904 г. капитан 1-го ранга Н. М. Яковлев был расстрелян как заложник большевиками в 1919 г. в Орле. Капитан 2-го ранга, в первой мировой командир эскадренного миноносца «Деятельный», Д. О. Дараган умер в эмиграции в Финляндии в 1977 г., похоронен на русском кладбище г. Хельсинки. В посёлке Хомутово Орловской области на аллее Славы находится мемориальная плита с надписью «За Веру, Царя и Отечество живот свой положившим в войне с Японией в 1904–1905 годах Матроса 1 й статьи Степана Васильевича Чугунихина деревни Старой Барановки, погибшего на броненосце «Петропавловск». Упокой, Господи».

Вскоре после гибели штаба флота на «Петропавловске» флаг-капитаном штаба Тихоокеанской эскадры стал командир крейсера «Громобой» орловский дворянин Лев Алексеевич Брусилов (родной брат Алексея Алексеевича Брусилова, генерала от кавалерии, героя первой мировой войны).

По окончании русско-японской войны вице-адмирал Л. А. Брусилов стал инициатором создания и первым начальником Военно-морского Генерального штаба. При его деятельном участии были произведены реформы в Морском ведомстве, создана Лига обновления флота, за короткий срок способствовавшая его возрождению.

18 апреля 1909 года в Данциге был спущен на воду пароход Российского добровольного флота, которому присвоено было название «Орёл» в честь города Орла, так как во время войны с Японией госпитальное судно «Орёл», входившее в состав 2-й Тихоокеанской эскадры, было захвачено неприятелем. На борту корабля служил будущий Архиепископ Тамбовский Зиновий (Дроздов), оставивший воспоминания о войне в книге «С эскадрой до Цусимы».

В этот год скончался вице-адмирал Л. А. Брусилов. Его сын — лейтенант флота Георгий — был исследователем Арктики. Возглавляемая им экспедиция пропала в 1913–1914 годах примерно в одно время с экспедицией В. А. Русанова. Полярный исследователь орловец В. А. Русанов предлагал в письме в Министерство внутренних дел, отправленном в начале 1904 года, провести Балтийскую эскадру Северным морским путём, что намного могло бы сократить сроки прохождения флота на Дальний Восток и предотвратить Цусимское сражение. Именем Г. Л. Брусилова и В. А. Русанова назван ряд географических пунктов в Северном Ледовитом океане.

7 октября 1912 года в Орле был освящён храм-часовня Всех Святых на Братском воинском кладбище, примыкающем к территории Троицкого кладбища (на этом месте построен завод «Научприбор»).

Часовня была возведена на средства местных полков, пожерт-

*Икона «Торжество
Пресвятой Богородицы»
(Порт-Артурская)*

ования чинов Орловского гарнизона, военнотружущих других частей русской армии и флота — уроженцев Орловской губернии.

Среди главных жертвователей был с 1909 года командир, а с 1910 года шеф в 1907 году переименованного из 51-го драгунского в 17-й Черниговский гусарский полк Великий Князь Михаил Александрович — родной брат Царя — Почётный гражданин г. Орла.

В 1915 году в Москве за храмом «Всех Святых», у стен которого после Отечественной войны 1812 г. покоятся Георгиевские кавалеры и герои войн XIX — начала XX столетий, было основано Всероссийское Братское Воинское кладбище под попечением Великой Княгини Елизаветы Фёдоровны и окормлением духовника Марфо-Мариинской обители (бывшего полкового священника черниговцев) Архимандрита Митрофана Сребрянского (в настоящий момент здесь находится сквер).

В 1998 г. Русским добровольческим корпусом и общественным Советом Восстановления Братского Воинского кладбища установлен памятный знак (крест работы В. А. Клыкова) на месте строительства храма-памятника Преображения Господня.

9 февраля 2004 г. к 100-летию начала русско-японской войны Московским правительством решено восстановить Братское Воинское кладбище вопреки существовавшим ранее планам строительства на этом месте торгового центра.

Судьба большинства святынь и реликвий прославленных когда-то воинских частей Российской Империи после революции 1917 года была печальна. Не сохранилась и Покровская полковая церковь, построенная в Орле в 1899 году Великой Княгиней Елизаветой Фёдоровной и отцом Митрофаном Сребрянским. Были разрушены Братское Воинское кладбище и часовня Всех Святых, где покоился прах офицеров и солдат, умерших от ран в госпиталях, погибших на полях русско-японской, первой и второй мировых войн. В 1999 году орловскими энтузиастами ОрёлГТУ и отделением ВООПИиК на месте гарнизонного кладбища поставлен памятный знак.

Но не окончилась история 17-го Черниговского гусарского Его Императорского Величества Великого Князя Михаила Александровича полка, летопись которого тесно связана с историей Орла конца XIX — начала XX веков.

В 1914 г. из Орла полк был отправлен на первую мировую войну. Орловскими жителями кавалеристам была подарена икона Покрова Пресвятой Богородицы, побывавшая впоследствии во многих батальных.

После развала армии в конце 1917 года полк в числе последних покинул позиции на Австрийском фронте.

Отдельные чины полка встали под революционные знамёна, часть офицеров составила костяк 5-го гусарского дивизиона 1-го Алексеевского полка Добровольческой армии.

Подле эвакуации в 1920 г. из Крыма вместе с другими частями Русской армии черниговцы находились в Галлиполи (Турция), затем были вывезены в Сербию. В конце 1921 г. в Белграде гусары-черниговцы организовали общество чинов 17-го гусарского полка. Целью полкового объединения было хранение традиций полка и его святыни — Георгиевского штандарта, пожалованного в 1807 г. Императором Александром I за победу над французами в 1805 г. под Шенграбеном.

К 1930 году в обществе было 73 человека (из них 8 гусар прикомандированного Нежинского полка). В 1944 году во время бомбардировок Белграда английской авиацией вместе с семьёй председателя общества полковника Хакольского погиб почти весь архив полка. Полковое знамя чудом осталось цело. После войны из титовской Югославии в Аргентину штандарт вывез полковник Нестеренко. В Аргентине на тяжёлых работах в рудниках Нестеренко с женой погибли, отравившись угарными газами. Штандарт пытался продать советскому посольству хозяин рудника Полуян. Узнавшие об этом родственники и сослуживцы Нестеренко отобрали штандарт и переслали его в Лос-Анджелес в США. После второй мировой войны объединение полка вновь было воссоздано в Сан-Франциско корнетом Кугоргой и полковником Клейном.

В 1968 г. к 300-летию полка оставшиеся в живых однополчане-черниговцы в память о событиях 1904 и 1914 годов в Орле заказали написать икону Покрова Пресвятой Богородицы художнику Мерсье в далекую Австралию.

В день юбилея икона, штандарт и синодик с именами погибших и умерших гусар-черниговцев были освящены в Храме Казанской Иконы Божией Матери в Лос-Анджелесе и стали местом поклонения русской эмиграции.

В 1997 году обществом «Родина» Георгиевский штандарт с наверхием и Александровскими лентами были переданы в Россию в Центральный музей Вооружённых сил, где они выставлены сейчас в одном из центральных залов.

Константин ГРАММАТЧИКОВ

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ КАПИТАНА КОНСТАНТИНА ЮРАСОВСКОГО

К 115-летию подвига миноносца «Страшный»

*Эскадренный миноносец
«Капитан Юрасовский»*

Был в составе русского флота миноносец, а с 1907 года, после приказа ГК Российского Императорского флота о новой классификации кораблей — эсминец «Капитан Юрасовский».

История корабля

15 апреля 1905 года зачислен в списки судов Сибирской флотилии, 13 января 1905 года заложен на судовой верфи завода «Шихау» в Эльбинге (Германия). По распоряжению лично Николая II в разобранном состоянии отправлен во Владивосток, куда прибыл в ноябре 1906 года. В 1908 году вошел в состав Сибирской флотилии.

До войны совершил ряд учебных походов и некоторое время нес стационарную службу в Шанхае и Ханькоу. Прошел несколько плановых ремонтов, после которых максимальная скорость корабля составила 23 узла.

В 1916–1917 годах для усиления флотилии Северного Ледовитого океана совершил переход из Владивостока в Мурманск, куда прибыл 10 сентября 1917 года. После февральской революции нес сторожевую службу в Романове-на-Мурмане, Мурманске. Сопровождал конвой союзников, транспорта с грузом, патрулировал Баренцево и Белое моря, участвовал в поиске немецких подводных лодок, разведывательных судов, вспомогательных судов, осуществляющих тайные минные постановки на фарватерах северных морей.

8 ноября 1917 года вошел в состав Красной Флотилии Северного Ледовитого океана. В марте 1918 года был захвачен в Мурманске английскими интервентами и передан белогвардейскому командованию. Плавал под русским флагом с американской командой.

21 февраля 1920 года вошел в состав Красного флота, а в апре-

ле 1920 года — в состав Морских сил Северного моря. 26 июня 1924 года исключен из списков РККФ с передачей «Комгосфондов» для реализации.

В 1918 году эсминцем «Капитан Юрасовский» командовал его сын, капитан 2-го ранга А. К. Юрасовский. Он погиб во время матросского революционного восстания, а его младший сын воевал в составе белых войск на Архангельском Севере. Остался цел и умер уже в 1962 году, в Брюсселе.

Вот такая судьба ...

А какие подвиги совершил экипаж миноносца «Страшный», которым командовал капитан 2-го ранга Константин Константинович Юрасовский?

О его судьбе, жизни и происхождении предлагаю вам прочесть очерк Валентины Филимоновой. Исследование полное, ревностное — земляк и гордость автора.

Последний парад лейтенанта Константина Юрасовского

Есть в Болховском районе с. Сурьянино, расположенное в весьма живописном месте и имеющее богатую и интересную историю. В начале 18-го столетия им владел князь Долгорукий, выстроивший здесь громадный барский дом, устроивший сад с аллеями, пруды. После продажи с аукциона сельца в 1770-х годах владельцем его стал князь Масальский, который, в свою очередь, разбивает лес около сада, окапывает его глубоким рвом и напускает туда зверей. После разорения кн. Масальского Сурьянино продается за долги какому-то купцу, который вырубает аллеи, убирает статуи, находя их лишними, истощает землю и продает. Пройдя еще нескольких владельцев, в т. ч. кн. Мещерского, Апухтина, с. Сурьянино попадает в самом начале XIX века к Петру Денисовичу Юрасовскому, представителю старинного дворянского рода, имеющего корни в Литве и Орловском крае.

Начало XVII века, Смутное время на Руси. Литовские отряды разграбили г. Болхов, в поместье боярина Ивана Ржевского сожгли деревни, истребили людей, а дочь его увели в плен в Литву, где подарили пану Мартину Юрасовскому. Болховская боярышня Ржевская стала женой литовского пана. После гибели Мартина в 1641 г. в бою литовцев с крымскими татарами вдова с двумя малолетними детьми, Алексеем и Денисом, возвращается в свое Отечество и просит покровительства у русского царя. Царь принимает сыновей на службу, и от Дениса Мартыновича пошли следующие поколения

К.К. Юрасовский

Юрасовских. За заслуги перед Отечеством Денис Мартынович был пожалован саном боярина Московского и землями, в т.ч. в Болховском уезде, а уже при Петре I к концу XVII в. он является владельцем почти всего Болховского уезда. Вотчины переходили от одного к другому в роду, и в начале XIX в. помещики Юрасовские выделялись в Орловской губернии знатностью и богатством. Громкую славу у современников стяжал сурьянинский крепостной театр, отличавшийся прекрасными актерами и богатым репертуаром. Особенно хороши были балетная труппа и духовный хор, который вывозили иногда в Орел,

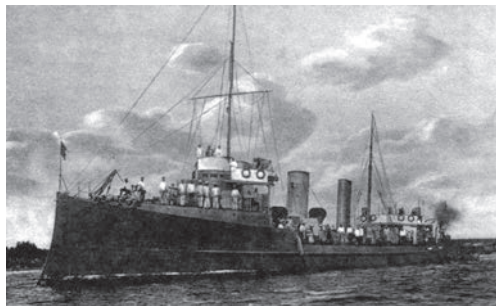
где он пел в разных церквях и у архиерея.

К началу XX столетия земельные владения Юрасовских значительно уменьшились, однако талантами род не оскудел. Из семьи Юрасовских вышли талантливые ученые, медики, музыканты, военные. В мирное время они трудились во благо просвещения в Орловском крае, лечили людей, а в трудные для России дни вставали на ее защиту.

Начало 1904 года. В ночь на 27 января 10 японских эсминцев атаковали русскую эскадру на внешнем рейде Порт-Артура, днем 27 января в результате столкновения с японцами погибли крейсер «Варяг» и канонерка «Кореец». Крепость Порт-Артур была объявлена на осадном положении, и именно в этот день из Петербурга туда прибыл лейтенант Константин Константинович Юрасовский.

Родился К.К. Юрасовский 26 декабря 1864 г., образование получил в Морском училище в С.-Петербурге, откуда был выпущен 1 октября 1885 г. мичманом в 8-й флотский экипаж. Яркой страницей в морской службе молодого офицера стало кругосветное плавание, в которое он был отправлен по распоряжению Главного Морского штаба в 1890 году. Служба в Балтийском флоте закалила характер будущего героя Порт-Артура, отличительной чертой которого была редкая прямолинейность. Именно эта черта прояви-

лась в его действиях как командира минонерки 110 в одном из учебных боев в Балтийских шхерах, получивших высокую оценку адмирала Макарова, под началом которого он позже служил в Порт-Артуре. Лейтенант Юрасовский был человеком увлекающимся, и одним из его серьезных увлечений,

Эскадренный миноносец «Страшный»

и одним из его серьезных увлечений, правда, теоретических, были подводные лодки, которых пока не было на вооружении Российского флота.

По прибытии в Порт-Артур лейтенант К. К. Юрасовский получил под свое командование миноносец «Страшный», один из 27 миноносцев Порт-Артурской эскадры. Корабль водоизмещением в 240 тонн, длиной по грузовой ватерлинии 190 футов, шириной 18 ф. бд, ходом 26,5 узла в час был собран в Порт-Артуре в 1902 г. В деле К. К. Юрасовский со своим экипажем оказались уже 31 января, когда вместе с другим миноносцем и крейсером «Боярин» участвовали в разведывательном походе.

Последний поход «Страшного», тоже разведывательный, в Корейский залив, где предполагалось наличие японских морских сил, начался вечером 30 марта. Перед выходом Юрасовскому объявили о присвоении звания капитана 2-го ранга, однако сменить лейтенантские погоны на капитанские он уже не успел. Проведя разведку и отбившись в темноте от отряда, под утро 31 марта «Страшный» возвращался на базу. В открытом море он встретил четыре японских миноносца и два легких крейсера, приняв их в темноте за своих, дал опознавательный сигнал и пошел вместе с ними. С рассветом «Страшный», уже в виду Порт-Артура, был узан японцами, атакован ими и принял бой, в самом начале которого погибли капитан Юрасовский и большинство членов команды. Оставшиеся продолжали бой под командованием лейтенанта Малеева, который, тяжело раненный, обстреливал японцев из пулемета. Морякам «Страшного» удалось вывести из строя один крейсер и нанести повреждения двум миноносцам японцев. Около 7 часов утра от взрыва миноносец «Страшный» затонул. Пришедший из Порт-Артура крейсер

«Баян» сумел спасти только 5 матросов, вся остальная команда в числе 62 человек погибла. Гибель «Страшного» была прелюдией к гибели флагмана русской эскадры броненосца «Петропавловск» с адмиралом Макаровым на борту, последовавшей в 9 час. 43 мин. поутру того же дня. 1 апреля во всех храмах России служили панихиду по погибшему адмиралу Макарову, а 3 апреля в Орел пришла телеграмма из Москвы от Ивана Константиновича Юрасовского: «По телефону из Петербурга сообщается газетам, что 31 погиб миноносец «Страшный», ошибочно названный «Безстрашный». В числе погибших назван Константин Юрасовский».

5 апреля из Петербурга Александр Константинович Юрасовский пишет письмо в Орел брату Алексею Константиновичу: «Я сейчас в Петербурге, Ваня тоже. Я очень ему благодарен, что он утешает мать, на которую весть о внезапной гибели Кости произвела сильное впечатление. На днях я уезжаю из Петербурга. В казачьем управлении мне сказали: «Вы назначены в 4-й Сибирский казачий полк, бумаги получите от орловского воинского начальника...»

Воображаю, как убита горем Татьяна Сергеевна...

Твой друг Саша».

Гибель Константина Константиновича была потерей не только для семьи и близких, но и для орловской общественности.

19 апреля 1904 г. под председательством генерала А. Н. Шульгина, участника Русско-турецкой кампании 1877–1878 гг., прошло заседание Орловской ученой архивной комиссии, действительным членом которой многие годы был К. К. Юрасовский. Присутствовавшие почтили память погибшего товарища и постановили: выразить соболезнование вдове К. К. Юрасовского и просить братьев Алексея и Александра пожертвовать для исторического музея комиссии портрет К. К. Юрасовского как героя — местного уроженца, а также подготовить некролог покойному для помещения в Трудах. Членам комиссии доложили о пожертвованных Юрасовскими для музея предметах из частного собрания Константина Константиновича, среди которых были: щит и шлем чеканной работы мусульманского типа, кольчуга, два бердыша, два протазана, копьё, секира, кистень, чучело большого медведя, алфавитный указатель фамилий и лиц, упомянутых в боярских книгах, и картина «Лошадь» работы мценского землевладельца Чиркина. К счастью, большинство из этих предметов и сегодня хранятся в фондах Орловского краеведческого музея, а в 1990 г. внучатый племянник Константина Константиновича — Алексей Владимирович Юрасовский —

из Москвы передал музею интереснейшую коллекцию документов и фотографий из семейного архива, в т. ч. семь подлинных писем с театра русско-японской войны с обратными адресами «Мукден», «Харбин», «Куропаткинская ставка». То самое памятное заседание архивной комиссии было прощальным для Александра Константиновича — он отбывал в действующую армию в 4-й Сибирский казачий полк. А. К. Юрасовский честно и храбро воевал, за что был награжден именным оружием, некоторое время был ординарцем в ставке Куропаткина и регулярно писал брату Алексею в Орел. В письме из Ляояна от 18 июля 1904 г. мы читаем: «Я встретил здесь капитана 1-го ранга Майера, который знал покойного Константина и говорит, что один из вновь выстроенных контрминоносцев будет носить имя «Капитан Юрасовский», — по его словам, это уже решено...»

И действительно, скоро в составе Сибирской флотилии на Тихом океане появился миноносец «Капитан Юрасовский» (миноносец «Капитан Юрасовский» заложен 31.12.1904 г. на стапеле судоверфи «Шихау» в Эльбинге (Германия). Вступил в строй в 1907 году и был отнесен к классу эскадренных миноносцев). Боевой корабль пережил первую мировую войну, революционные потрясения и Гражданскую войну и до списания в 1924 г. числился в составе Беломорской флотилии. Курский писатель и журналист Александр Харитановский в романе «Господа офицеры», изданном в 1994 г. и посвященном морякам — героям русско-японской войны 1904–1905 гг., поведал трагическую и трогательную легенду, бытующую в роду Юрасовских и подкрепленную архивными документами, найденными автором романа, о гибели сына капитана 2-го ранга К. К. Юрасовского, тоже Константина, на миноносце имени его отца в 1920 г. в Мурманске во время вспыхнувшего на миноносце восстания матросов.

Другой его сын, Дионисий, стал последним выпускником Морского корпуса 1918 г. Сражался с большевиками на Мурманском фронте. Георгиевский кавалер, в эмиграции в Бельгии. Умер в 1962 г. в Брюсселе.

В многочисленных публикациях орловских краеведов, а сегодня и в экспозиции военно-исторического музея в г. Орле увековечена светлая память о капитане 2-го ранга Константине Константиновиче Юрасовском.

Валентина ФИЛИМОНОВА
«Истории русской провинции» № 45

Граждане Советского Союза, в основном мужская его половина, когда-то зачитывалась книгой, романом-двухтомником Степанова «Порт-Артур».

Кроме всего прочего там был сюжет о бое эсминца «Страшный» с дивизионом японских миноносцев. Надо сказать, что на «Страшном» в живых осталось всего пять членов экипажа, ни одного офицера. Степанов позволил себе домыслить, представить картину боя более живой и героической.

Вот вам отрывок (стр. 45):

— Есть! Внимательно смотреть вперед! — отозвались матросы.

— Уж больно темно, ваше благородие, прямо как у арапа в брюхе, — словоохотливо ответил сигнальщик Серегин. — Только и видать малость искры, когда шуруют в топках. Хоть в прятки с япошкой играй — кто кого раньше найдет.

Акинфиев осмотрелся вокруг и отошел от матросов. Те продолжали разговор.

— Сказывали, замирение скоро, да что-то не похоже! Эскадра японская с девятого марта у Артура не показывается, зато миноносцы каждый день на внешнем рейде шастают. Эх, скорей бы война кончилась! Мне сразу чистая будет, поеду к себе на Каспий, буду рыбачить, дубок заведу в компании.

— Смотри-ка, что-то ничего впереди не видать! — испугался Серегин. — Никак, потеряли связь с отрядом!

Оба матроса тревожно стали всматриваться вперед, но ночная тьма была непроницаема.

— Вот елки зеленые, беда какая! — заволновался Серегин.

— Ништо! Скорей в Артур без отряда вернемся! — успокоил его сосед.

Доложили Акинфиеву.

— Эх, вороны! Наделали делов!.. — выругался мичман и взглянул на часы. Было около полуночи. Судя по времени, «Страшный» должен был находиться в районе островов Саншантоу. Боясь в темноте налететь на берег, Акинфиев застопорил машины, послал за Юрасовским и вызвал подвахтенных наверх. Миноносец, качиваясь на волнах, остановился. Вдруг откуда-то спереди отчетливо донесся собачий лай.

— Слева по носу слышен собачий лай! — доложил Серегин. — Должно быть, берег близко.

Юрасовский уже поднялся на мосток.

— Следить за бурюнами. Малый назад! — скомандовал он.

«Страшный» тихонько качнулся и пошел назад.

— За кормой бурун видать! — крикнул с кормы Серегин.

— Стоп! Видимо, мы зашли в бухту или пролив, а корму занесло к берегу, — решил Юрасовский.

— На правом траверзе огонь! — доложил сигнальщик.

Андрюша вскинул бинокль. Где-то мерцал слабый огонек. Был ли он далеко или близко, в темноте определить было невозможно.

Слева громко запели петухи.

— Что за черт! Похоже, что мы попали между островов! Ищи теперь выход в море, — ворчал Юрасовский.

— По носу буруны! — выкрикнул сигнальщик.

— Отдать якорь! Надо шлюпку спустить да поискать выхода, — решил командир.

Матросы кинулись к якорной бухте.

На мостик поднялись Малеев и Дмитриев. Якорь булькнул в воду и, вытравив две сажени цепи, остановился. Было ясно, что берег где-то совсем близко.

— Спустить шлюпку! Поезжай на разведку, Ермий Александрович, а то мы тут совсем запутаемся.

— Есть! — ответил Малеев, спускаясь вместе с матросами в шлюпку, которая, отвалив от миноносца, тотчас же скрылась во мгле.

— Хорошо еще, что ночь, а то увидели бы с берега, мигом бы японцам сообщили! Как это вас угораздило оторваться от отряда? — спросил Андрюшу Дмитриев.

— Черт его знает! Должно быть, на повороте! Уж больно темно!

— Промерь за кормой! — приказал Юрасовский.

— Десять футов, ваше благородие! К берегу корму заносит!

— Еще на мель сядем! — забеспокоился Акинфиев.

— Скоро прилив начнется, не страшно, если и сядем! Только бы японцы не пронюхали, что мы тут, — ответил Юрасовский.

— На «Страшном»! — вполголоса окликнули из темноты.

Это возвращалась шлюпка с Малеевым.

— Есть на «Страшном»! — ответило несколько голосов.

— Надо правее держать. Ну и тьма, едва вас нашли! — сообщил лейтенант, поднимаясь на палубу.

Подняли якорь, миноносец медленно двинулся вперед. Слева опять послышался собачий лай.

— Верно идем! Когда на шлюпке здесь проходили, тоже псы лаяли. Чуют, сволочи! Как бы тревоги не подняли.

«Страшный» продолжал осторожно подвигаться вперед.

Все на палубе напряженно всматривались в темноту и прислушивались к доносившимся с берега звукам. Качать миноносец стало сильнее. Матросы старались не нарушить тишины. Лай затих.

— Вышли в море! — облегченно вздохнул Юрасовский, стараясь по карте угадать место расположения «Страшного».

— Что же теперь нам делать? — спросил Малеев.

— Ясно что! Поскорее возвращаться в Артур, чтобы с рассветом в море нас японцы не захватили, — ответил Юрасовский. — Надо будет ходу прибавить и дать узлов по двадцать, чтобы скорее добраться!

— Боюсь, факела будут, — ответил Дмитриев. — Уголь неважный, горит плохо, часто шуровать приходится. Дождь явно затянется до утра, а под его покровом мы доберемся незаметно до Артура и экономическим ходом.

— Ермий! Ты на вахте останешься?

— Так точно!

— Курс на Артур, ход не меньше семнадцати — восемнадцати узлов! Подвахтенных отпустить вниз.

— Есть! Идти в Артур, ход семнадцать—восемнадцать узлов! — повторил приказание Малеев.

Кроме оставшихся на вахте, все сошли вниз. Акинфиев, не раздеваясь, лег спать, а Дмитриев с Юрасовским остались в кают-компании.

Часам к четырем погода стала проясняться. Дождь почти утих, по морю пронеслись порывы ветра. Кое-где на волнах появились белые гребешки. Миноносец, качаясь на волне, стал зарываться в воду носом, ход уменьшился. Малеев внимательно осматривал в бинокль начавший сереть горизонт, но в предрассветном тумане ничего не было видно. Лейтенант поплотнее запахнул дождевик и зашагал по мостику, вспоминая о приглашении на обед к Риве.

— Ваше благородие! Слева видать трех миноносцев, — прервал его мечты Серегин.

Лейтенант поднял бинокль и взглянул по указанному направлению. В чуть засеревшем мраке ночи слабо проступали силуэты миноносцев, идущих параллельным курсом к Артуру.

«Должно быть, наш отряд, от которого мы отстали у островов», — подумал Малеев, но из осторожности решил пока своих позывных не показывать.

— Не японцы ли? — тревожно проговорил сигнальщик.

— Нет! Миноносцы типа нашего «Сильного» и «Бесшумного», большие, четырехтрубные. Правда, есть такие и у японцев: «Акацуки», «Сазанами» и другие. Но что им делать днем у Артура?

Прошло с четверть часа. Восток заметно посветлел. На фоне утренней зари уже четко вырисовывались силуэты неизвестных миноносцев. Они по-прежнему шли параллельным курсом, но не сближались со «Страшным», хотя и держали тот же ход. Это обстоятельство еще больше успокоило Малеева. Он окончательно решил, что это свои, тем более, что уже был виден Ляотешань. Артур был не далее двенадцати — четырнадцать миль.

— Справа видать чьи-то крейсера! — проговорил вдруг рулевой. Лейтенант посмотрел в бинокль. Справа, наперерез «Страшному», шли три крейсера. Появление их грозило смертельной опасностью маленькому русскому миноносцу. Силы были слишком неравны.

— Свистать всех наверх! Ход увеличить до предельного! — приказал Малеев, мгновенно оценив обстановку.

Через несколько секунд, одеваясь на ходу, матросы выскочили на палубу и бросились к уже заряженным орудиям и минным аппаратам. Юрасовский, поднявшись на мостик, принял командование. Дмитриев спешно спустился в машинное отделение. «Страшный» приготовился к бою.

— Надо немедленно присоединиться к нашим миноносцам! — показал Юрасовский на корабли слева. — Вчетвером мы как-нибудь прорвемся к Артуру.

— Неизвестно, чьи они — наши или японские! — вставил Серегин. — На них, видать, тоже тревога, люди у пушек и минных аппаратов, и они направлены на нас!

— Да совсем не на нас! — раздраженно ответил Юрасовский. — Они тоже заметили японцев и изготовились к бою. Поднять позывные! — скомандовал он.

Едва только сигнал был поднят, как все три миноносца опоясались огнями, и в следующее мгновение на «Страшный» обрушился град снарядов. Сразу же оказалась подбита носовая пушка. Человек пять раненых матросов повалились на палубу.

— Японцы! — хрипло произнес Юрасовский. — Теперь одна надежда на машину. Самый полный вперед!

В этот момент крейсера тоже дали залп по миноносцу. Первый же шестидюймовый снаряд попал в мостик. Юрасовского взрывом убило. Рулевой, истекая кровью, корчился на палубе. Акинфиев,

которого забыли разбудить, только что поднялся на палубу и был потрясен увиденным. Он бросился было на помощь Юрасовскому, но, поняв, в чем дело, кинулся к Малееву.

— Командир убит, Ермий! — пробормотал он побелевшими от страха губами.

Матросы растерянно топтались на палубе, не зная что делать. Малеев взобрался на остатки мостика и громким, спокойным голосом приказал:

— Убрать в каюту тело командира! Раненых снести вниз. Никакой суматохи! Комендорам наводить по миноносцам.

Его решительный, твердый тон подействовал на матросов успокаивающе, и они поспешно бросились исполнять отданные приказания.

— Андрюша! Пойди к сорокасемимиллиметровым пушкам и развей недельный огонь! Приготовить минные аппараты! Как только японцы подойдут на минный выстрел, стрелять без команды! — продолжал энергично распоряжаться Малеев.

Обе пушки открыли огонь, отстреливаясь от приближающихся слева миноносцев. Справа быстро подходили крейсера. «Страшный», содрогаясь всем корпусом от напряжения, шел на предельной скорости, стремясь выйти из сжимавших его тисков.

Акинфиев взглянул на Артур. Уже отчетливо был виден Ляотешань, проступала в тумане Золотая гора. Ему даже показалось, что он видит русские суда, выходящие на внешний рейд.

В это время новый залп обрушился на «Страшный». Андрюша охнул и схватился за правый бок. Между пальцев показалась темная струйка крови. Мичман носовым платком зажал рану, но остался на палубе.

— Стоп! — вдруг скомандовал в машину Малеев.

«Что он, с ума сошел, что ли, стопорить сейчас машину?» — мелькнуло в мозгу Акинфиева.

«Страшный» стал быстро замедлять ход. Очередной залп японцев, рассчитанный на прежнюю скорость миноносца, пролетел мимо. Зато крейсера сразу приблизились на пять-шесть кабельтовых.

— Полный назад! — приказал Малеев. — Право на борт!

Миноносец, послушный рулю, стал перпендикулярно к японским миноносцам, сблизясь с ними до десяти кабельтовых. Японцы, не понимая, что происходит, тоже застопорили машины.

В этот момент японский снаряд попал в мину, находившуюся

в кормовом аппарате. Раздался страшный взрыв, все заволокло дымом. Когда он рассеялся, то вокруг на палубе лежали лишь бесформенные остатки человеческих тел. Малеев держался рукой за окровавленную голову, но с мостика не сходил.

— Самый полный вперед! — скомандовал он.

Акинфиев наконец понял маневр: Малеев хотел под кормой миноносцев прорваться в Артур. «Страшный» оказался всего в пяти кабельтовых от концевого корабля.

— Носовой, пли! — закричал Малеев.

Торпеда скользнула в воду, и тотчас же грянул взрыв. Миноносец сел на корму и окутался дымом. Японцы растерялись и стали отставать. Появилась надежда на спасение.

— Андриюша! Пойди перевяжись да надень спасательный пояс. В случае чего тебе, раненому, не выплыть, — приказал Малеев. — Павлуша, поднимись наверх, а то я один остался! — крикнул затем в машинное отделение.

Дмитриев вылез и с ужасом смотрел на исковерканную, залитую кровью палубу. Только пять-шесть уцелевших матросов во главе с боцманом оставались на палубе. Кают-компания была обращена в перевязочную. Все диваны были заняты стонущими ранеными. Легкораненые столпились в коридоре и офицерских каютах, помогая перевязываться друг другу. Лица матросов, бледные от потери крови и волнения, были суровы и решительны. Все торопились поскорее вернуться наверх, на палубу. Кое-кто изредка вскрикивал от боли, другие тихо сквозь зубы ругались, превозмогая боль.

— Смерть, братцы, приходит! — произнес кто-то. — Надо чистое белье надеть!

— Помолчи, дура, рано умирать собрался! Вместо белья наденька лучше спасательный пояс! Артур уже близко. Сейчас нам подмогу с эскадры подадут. Да и японцы отстают. Здорово их миной саданули, — ответил сердито Серегин, перевязывая раненую ногу. — Дайте, ваше благородие, я вам пособлю, — предложил он, заметив Акинфиева. Мичман разделся и с его помощью обмотал себе бок бинтами.

— Царапнуло малость, — сочувственно проговорил Серегин. — Многих сегодня побило да покалечило. Авось все же до Артура доберемся. — Он стал торопливо подниматься наверх. Надев пробковый пояс и накинув на плечи шинель, Акинфиев последовал за ним.

Японцы опять наседали. До Артура оставалось всего несколь-

ко миль. Еще десять, еще пять минут — и миноносец будет спасен! В сердцах воскресала надежда на благополучный исход. Вдруг один из снарядив сбил заднюю трубу. Крик отчаяния пронесся на палубе. Миноносец сразу затянуло дымом. Ход сильно упал. Дмитриев кинулся в машинное отделение. Японцы опять стали быстро приближаться. Малеев, бледный от потери крови, с замотанной бинтом головой, все еще продолжал командовать.

— Зарядить кормовой, — приказал он Акинфиеву. — Когда японцы приблизятся, бей в упор! Ребята! — громко обратился он к матросам. — Что бы ни случилось, помните: в плен не сдаваться!

— Сдаваться не сдадимся, а вот похлевать соленой водицы, видеть, придется! — полушутливо ответил Серегин. — Авось до Артура доплывем, если акулы по дороге не слопают!

Дым от сбитой трубы мешал наблюдать за японцами, поэтому на «Страшном» не заметили, как неожиданно с кормы подобрался японский крейсер и почти в упор дал залп по миноносцу. «Страшный» повалился на правый борт, окутываясь клубами белого пара. Из машинного отделения донеслись душераздирающие крики обваренных паром людей. Один за другим обожженные кочегары выскакивали наверх и со стоном валились на палубу. «Страшный» совсем остановился, покачиваясь на волнах в клубах белого пара. В это время из машинного люка показалась изуродованная, красная от ожогов голова ослепшего Дмитриева. Он с трудом поднялся на палубу и, ощупывая ее руками, пополз по ней.

— Павлуша! — кинулся к нему Малеев, но новый взрыв снаряда сбросил Дмитриева за борт.

Сам Малеев, с перебитыми ногами, без чувств повалился на палубу. Андриюша пытался было подойти к нему, но по дороге споткнулся, упал, ударившись раненым боком, и от боли потерял сознание. На палубе оставались всего три-четыре матроса и боцман. Японцы, видя беспомощное положение «Страшного», перестали стрелять. Один из миноносцев подошел к нему на двадцать-тридцать саженей. С него стали спускать шлюпку. Серегин бросился к единственному оставшемуся на «Страшном» оружию — многоствольной митральезе [[106] — Митральеза — французское название первого типа скорострельного многоствольного оружия — картечницы, являвшегося прообразом пулемета], снятой с японского брандера, и, припав к ней, закрутил ручку. Струя свинца брызнула по японцам. Серегин видел, как падали срезанные пулями люди на капитанском мостике и на палубе. Он перенес огонь на лодку, которая мгновенно опустела.

Об офицерах корабля.

Командиром «Страшного» был назначен только что произведенный в капитаны 2-го ранга сорокалетний Константин Константинович Юрасовский, который прибыл из Кронштадта в Порт-Артур в день начала войны, 9 февраля 1904 года. Немногом раньше инженером-механиком миноносца стал Павел Михайлович Дмитриев. Это под его руководством собирались и испытывались машины, так безотказно работавшие в бою. За две недели до начала войны штурманским офицером на «Страшный» был переведен двадцатилетний мичман Андрей Михайлович Акинфиев.

Последним из офицеров на эсминец пришел лейтенант Ермий Александрович Малеев, который стал исполнять на корабле обязанности артиллерийского и минного офицера. Он единственный из всех прослужил на Дальнем Востоке несколько лет и обладал боевым опытом.

Есть и третья сторона: такая компиляция из разных донесений боевых действий тех дней, 12 и 13 апреля ...

Вот так это выглядит в краткой и обрезанной форме:

Тем временем около 22.00 обе группы подходили к району островов Эллиота. Когда в 22.15 были погашены навигационные огни, в темноте отделились два шедших в конце эскадренных миноносца группы Бубнова — «Страшный» и «Смелый». Сначала они двигались в одном направлении, но затем «Страшный», вставший в строй только 17 февраля 1904 года, командиром на котором был капитан второго ранга Юрасовский (прибыл в Порт-Артур в марте), отстал в тумане и сменил курс. По несчастливому стечению обстоятельств приблизительно в 2 часа ночи 13 апреля он наткнулся на прикрывавший операцию минирования дивизион Икиды и, приняв его за свои корабли, встал в конец кильватерного строя. Когда с восходом солнца (4.50) эскадренный миноносец поднял флаги, он был атакован японцами. В бою, который шел на расстоянии 1000–1200 м, погибли все офицеры, 3/4 команды, корабль получил тяжелые повреждения (снаряд попал в заряженный торпедный аппарат, вызвав взрыв торпед) и начал тонуть. У японцев на «Ikazuchi» были только 4 раненых. Спешивший на помощь «Страшному» эскадренный миноносец «Смелый» был оттеснен и направился к рейду, где его командир доложил Макарову обстановку. На помощь «Страшному» вышли броненосный крейсер «Баян» и два дежурных эскадренных миноносца. Они оттеснили японские корабли, но минонос-

ца не обнаружили — в 6.15 «Страшный» затонул в 20 км от рейда. На борт были подняты только пять членов экипажа.

В память о героической гибели миноносца и в честь доблестно погибших при исполнении долга командира и офицеров корабля их именами были названы четыре новых миноносца: «Страшный», «Капитан Юрасовский», «Лейтенант Малеев», «Инженер-механик Дмитриев».

Они продолжали свою службу на славном Русском флоте, но уже в броне кораблей, в дыхании машин. Есть разные мнения — некоторые не считают подвиги этих офицеров подвигами, насмехаются над ними, задрав носы. Знаю таких! И с украинской стороны такие же отклики приходят! Не говорю, что все — люди разные!

Но!!! Главное! Никто из них не сдался врагу, никто не прятался от огня врага, выполнили долг офицера и воинскую присягу до конца, отдав самое дорогое — жизнь — во славу Отечества!

Сайт Мурманского отделения Движения поддержки флота

В офисе «Федерации парусного спорта Орловской области» прошло мероприятие, посвященное 115-летию подвига миноносца «Страшный», принявшего неравный бой 31 марта 1904 г. с 6 кораблями японцев у Порт-Артура в начале русско-японской войны, повторив подвиг «Варяга» и «Стерегущего».

После русско-японской войны был построен новый эскадренный миноносец «Страшный», и еще три сошедших со стапелей миноносцев получили имена в память офицеров «Страшного»: «Капитан Юрасовский», «Инженер Дмитриев», «Лейтенант Малеев».

Мероприятие было организовано Орловским отделением Общества «Двуглавый Орел», «Орловским областным краеведческим музеем», журналом «Истории русской провинции». В мероприятии приняли также участие члены ОРОО «Флоту–быть», «Федерации парусного спорта Орловской области», учащиеся школы № 27, СШОР № 10, других учебных заведений г. Орла. В помещении Георгиевского братства и ФПС Орловской области размещена выставка книг, посвященных русско-японской войне.

В Болхове в храме святых Афанасия и Кирилла 13 апреля прошла панихида по морякам миноносца «Страшный» и броненосца «Петропавловск».

Газета «Глубинная Россия», № 110

С КРЕСТОМ В АРМИИ И НА ФЛОТЕ

Издревле в рядах Русской армии находились священники, окормлявшие, вдохновлявшие воинов на ратные подвиги. Не только исполняющие требы, исповедовавшие и причищавшие на поле боя, но и сами с крестом в руках поднимавшие солдат в атаку. При каждом воинском подразделении находился полковой храм. У каждой воинской части или корабля были свои святые заступники и почитаемые иконы. Например, в Орле небесным покровителем Орловского Бахтина кадетского корпуса был Архистратиг Божий Михаил, у Черниговского гусарского полка — икона Покрова Пресвятой Богородицы, в Орловском полку — Николай Чудотворец. Высшей наградой для военного духовенства был золотой наперстный крест на Георгиевской ленте, учрежденный 1897 году при Императоре Павле I, равный по статусу ордену Великомученика и Победоносца Георгия, которому в этом году исполнилось 250 лет. Первым кавалером наперстного Георгиевского креста в 1890 г. стал священник Полоцкого пехотного полка Трофим Куцинский. В разгар взятия крепости Измаил, в момент, когда все офицеры были убиты или ранены, он с крестом в руках возглавил полковую колону во время штурма крепости. О многих полковых священниках писалось на страницах наших изданий. Но со временем появляются новые сведения об уроженцах Орловской губернии и выпускниках Орловской духовной семинарии, отличившихся на поле брани в духовном окормлении воинов в армии и на флоте.

Сельский священник Орловской епархии Иоанн Федотов, доучившийся до философского класса Орловской семинарии в 1817–1833 гг., полковой священник Крымского полка, с 1830 г. благочинный 20-й пехотной дивизии участвовал в войне с Персией, Русско-Турецкой войне, в походах против закубанских горцев. Отличился при покорении крепостей Эривани, Ушаген, Карс, награжден наперстным крестом на Георгиевской ленте, орденами св. Владимира 4-й ст. и св. Анны 2-й ст.

*Наперстный крест
на Георгиевской ленте*

Иеромонах Иона

Выпускник Орловской семинарии, с 1810 г. — диакон, в 1817—1826 г. — священник Орловской епархии Николай Иванов. С 1826 г. — полковой священник 20-го Егерского полка, Нарвского полка; с 1829 г. — старший священник Морского полка и других частей. Награжден наперстным Георгиевским крестом за отличие при с. Куливчи, при усмирении поляков. В 1846 г. — протоиерей, в 1851 г. награжден орденом св. Анны 2-й ст.

Выпускник Орловской духовной семинарии, впоследствии Благочинный Карачевского уезда Орловской губернии Василий Кропотов, с началом Крымской войны — духовник с 1854 г. Томского егерского полка, Тобольского пехотного Е. И. В. Великого Князя Сергея Александровича полка (впоследствии переименованного в 138-й Болховский). Награжден наперстным крестом на Георгиевской ленте, «За отличное мужество с полным самоотвержением при напутствии раненых под выстрелами неприятеля на 4-м бастионе Костомарова и 5-м Ильинского и на главном перевязочном пункте во время обороны Севастополя». В 1866 г. награжден орденом св. Анны 3-й ст.

Выпускник Орловской духовной семинарии Николай Бакулин, по ее окончании служивший в храмах Москвы. С началом Восточной-Крымской войны — старший священник Эстляндского егерского полка, Бресткого полка, благочинный резервной бригады 13-й пехотной дивизии. Награжден в 1856 г. наперстным крестом на Георгиевской ленте за оборону Севастополя, медалью «За Крымскую войну 1853—1856 гг.» на Андреевской ленте.

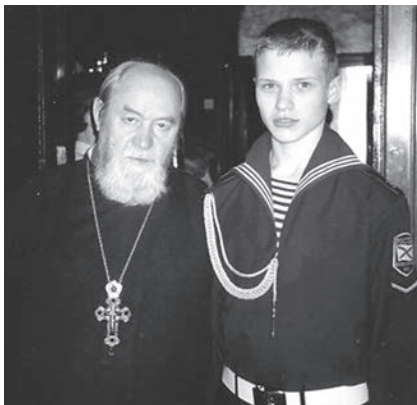
Выпускник Орловской духовной семинарии Иоанн Покровский служил после окончания в храмах с. Дмитровское Мценского уезда, в с. Ломовец Кромского уезда. В 1847 г. после смерти жены принял постриг в Киево-Печерской лавре. В 1850 г. переводится в Херсонскую и Таврическую губернии с определением в состав флотского духовенства. С этого времени находился в практических плаваниях и походах по Черному морю на фрегате «Сизопль», кораблях «Са-

лафаил», «Храбрый», «Варна», «Трех иерархов», фрегате «Коварна» и др. судах. В 1855 г. определен к Дубосарскому Успенскому собору с окормлением госпиталя № 28. По благословению Архиепископа Иннокентия (Борисова) переведен в Александро-Невский собор г. Симферополя, где продолжал выполнять обязанности по военному госпиталю № 21. После войны в 1856 г. назначен настоятелем Алушкинской церкви Михаила Архангела.

В Русско-Японскую войну был призван иеромонах Иоана из Орловского архиерейского дома Свято-Успенского мужского монастыря. Находился в походе 2-й Тихоокеанской эскадры адмирала Рожественского в 1904–1905 гг. Участвовал в битве при Цусиме, где проявил высокие нравственные качества. Отпевал погибших в бою матросов под Андреевским флагом, при этом выполнял работу фельдшера, сохранив навыки с молодости, во время службы в одном из стрелковых полков. В 1906 г. был награжден наперстным крестом на Георгиевской ленте, в 1909 г. — французским орденом Академических пальм за заслуги в образовании и науке. С 1909 г. — иеромонах на крейсере «Адмирал Макаров».

В наше время военное духовенство только возрождается. Немало примеров, когда священниками становятся бывшие военные, участники локальных войн и вооруженных конфликтов. В храме Казанской иконы Божией Матери п. Нарышкино служит ветеран Афганской войны, майор спецназа ВДВ иерей Игорь Шишков, в с. Городище восстанавливает церковь Успения Пресвятой Богородицы майор запаса, ветеран боевых действий иерей Николай Макаров.

На протяжении многих лет и по сей день примером пастырского служения являлся почетный гражданин г. Болхова протоиерей Василий Ермаков (1927–2007), в подростковом возрасте прошедший оккупацию в годы 2-й Мировой, концлагерь в Эстонии, закон-

о. Василий Ермаков с Игорем Багрянцевым, сыном капитана 1-го р. В.Т. Багрянцева, погибшего на АПЛ «Курск»

Митрополит Митрофан (Баданин)

чивший войну службой на Балтийском флоте в Таллине. По окончании семинарии служивший в кафедральном Никольском морском соборе и храме Серафима Саровского в Санкт-Петербурге. Среди его многочисленной паствы были военные, моряки от курсантов до генералов и адмиралов, вдовы и родные экипажа АПРК «Курск».

В близком духовном общении с отцом Василием Ермаковым находился капитан 2-го ранга в отставке, в прошлом командир различных надводных кораблей, а в настоящий момент Митрополит Мурманский и Мончегорский Митрофан (Баданин). Писатель, публицист, автор множества книг и статей Владыко принял монашеский постриг по благословению уроженца г. Орла, известного старца Успенской Псково-Печерской лавры архимандрита Иоанна Крестьянкина. Владыко Митрофан моряк в нескольких поколениях. Его отец — капитан 1-го ранга, в годы Второй мировой — командир подводной лодки; прадед совершил две кругосветки с адмиралом С. О. Макаровым, был управляющим дворцом почетного гражданина г. Орла и Орловского дворянина Великого Князя Михаила Александровича Романова. Среди предков митрополита Митрофана св. прав. Александр (Баданиин) Вологодский.

Примеров доблестного служения священниками в наши дни в горячих точках немало, помнящих и хранящих память о военном духовенстве Российской Императорской армии и ее традициях.

(В статье использованы материалы из книги К. Г. Каткова «Священники кавалеры Императорского Военного ордена св. Великомученика и Победоносца Георгия». Белгород–Москва. «Летопись», 2012 г.).

Константин ГРАММАТЧИКОВ

КОМАНДИР «ПАНТЕРЫ» АЛЕКСАНДР БАХТИН

К 100-летию атаки «Пантеры»

31 августа 1919 года субмарина «Пантера» под командованием А. Н. Бахтина потопила в Копорской бухте Финского залива новейший английский эсминец «Виттория», входивший в состав английской эскадры. Тем самым в ходе Гражданской войны был открыт боевой счет советских подводников. А через несколько лет Александр Николаевич Бахтин открыл другой «счет», войдя под первым номером в мартиролог репрессированных моряков-подводников.

Александр Николаевич Бахтин родился 4 июня 1894 года в селе Малые Бобрики Малоархангельского уезда Орловской губернии в семье известного петербургского педагога, переводчика, библиографа и театрального деятеля Николая Николаевича Бахтина. Николай Николаевич хорошо известен историкам театра: в 1921 году стал одним из основателей Ленинградского ТЮЗа и до конца жизни возглавлял педагогическую часть детского театра.

Между тем Бахтин-старший по образованию был профессиональным военным. Он учился в Орловской военной гимназии, затем во 2-м Константиновском военном училище, которое готовило для русской армии артиллеристов. С 1891 года Н. Н. Бахтин служил воспитателем в Орловском кадетском корпусе, в котором с 10 лет учился его сын.

Не удивительно, что и Александр Бахтин избрал стезю защитника Отечества. В 1914 году Александр окончил Морской кадетский корпус с присвоением первого офицерского звания на царском флоте — мичмана. В 1916 году, после окончания подводного офицерского класса, служил старшим офицером подводной лодки «Волк», а затем ее командиром. Становление флотского офицера, как видим, пришлось на годы Первой мировой войны.

Отличный возраст Саши Бахтина

Валентин Пикуль в романе «Моодзунд» писал о Бахтине: «Волк» качался под сенью пирса, готовый сняться со швартов. Командир был болен, и лодку уводил старший офицер Бахтин... Саше Бахтину был тогда 21 год — недалеко от юнги ушел. Отличный воз-

раст! Именно в таком возрасте флаг-капитаны Нельсона решали судьбу Трафальгара и всей Англии... У лейтенанта железная воля, острейший разум, реакция в риске стремительная. И потому солидные, все в крестах и шевронах кондукторы, которым уже на пятый десяток, тянутся перед юношей в нитку... От этого лейтенанта с детскими пухлыми щеками зависит их жизнь, их судьба»...

Вскоре после революции Бахтин уволился с флота по собственному желанию, был капитаном торгового судна. Но в ноябре 1918 года возвратился на военную службу и получил под командование подводную лодку «Пантера». В то время лишь немногие надводные боевые корабли и подводные лодки Балтийского флота оставались боеспособными, и англичане вели себя в Финском заливе как хозяева. «Пантера», укомплектованная профессионалами своего дела, участвовала в разведке Ревельского рейда, выполняла другие боевые задачи.

В частности, 23 июля 1919 года ПЛ вышла из Кронштадта с задачей скрытно проникнуть в Копорский залив и атаковать находящиеся там английские корабли. Прибыв в указанный район 24 июля, ПЛ двумя торпедами пыталась поразить две подводные лодки противника, но одна торпеда прошла мимо, другая затонула, не дойдя до цели. ПЛ повторила атаку, выпустив по одной из английских ПЛ еще две торпеды, но противник уклонился. Это была первая торпедная атака советских подводников. Противник контратаковал, но так же безуспешно. Вскоре после атаки «Пантера» в подводном положении отошла к Шепелевскому маяку, где всплыла и в надводном положении вернулась в базу.

Ранним утром 31 августа того же года Бахтин вновь вывел свою субмарину из базы и направился на патрулирование в район Копорской губы. Дважды он обнаруживал вражеские эсминцы, но в торпедную атаку выйти не удалось. Около 18 часов были обнаружены еще два эсминца противника, стоявшие на якорях у острова Сескар. Бахтин маневрировал около трех часов, пока не занял наиболее удобную позицию для стрельбы торпедами.

Сближение с врагом затрудняли малые глубины, песчаные банки и большое волнение моря. На атакующий курс Бахтин вывел лодку с северо-запада, подойдя к английским эсминцам из-за острова, со стороны заходящего солнца, что обеспечивало маскировку. В 21 час 16 минут командир отдал команду, и с дистанции 4–5 кабельтовых (Кабельтов — 185,2 метра. — **В. З.**) лодка произвела залп, поразив двумя торпедами один из новых эскадренных миноносцев

Англии «Виттория». Через несколько минут он был уже на дне.

Несколько вражеских кораблей и гидросамолетов начали преследовать «Пантеру», сбрасывая глубинные бомбы и производя стрельбу ныряющими снарядами. Уклоняясь от огня, лодка ударилась о грунт и получила повреждения. Но Бахтин, продолжая искусно маневрировать, все же сумел оторваться от преследователей и, пройдя под водой почти 80 миль, благополучно возвратился в Кронштадт. Субмарина находилась в подводном положении, без регенерации воздуха

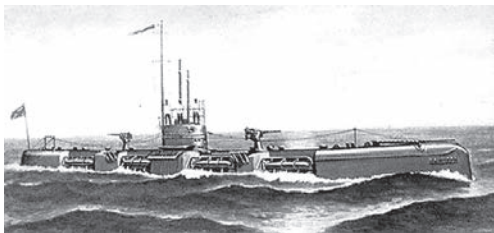

более 28 часов — случай до этого невиданный. Бахтин установил тогда своего рода рекорд для подводных лодок типа «Барс». А потопление английского эсминца «Виттория» оказалось не только первой, но и единственной в годы Гражданской войны победой подводников.

Экипаж «Пантеры» и ее командира чествовали как победителей. К царским орденам А. Н. Бахтина добавился советский — орден Красного Знамени. 18 участников потопления эсминца противника были награждены от имени Петроградского Совета именными часами. Летом 1922 года знаменитую лодку посетили Председатель ВЦИК М. И. Калинин и делегаты III Конгресса Коминтерна. Сам Бахтин в 1922 году за восстановление Балтийского флота был удостоен учрежденного на Балтике звания «Герой труда».

Дело № 7455

После знаменитой атаки жизнь и служба у Бахтина складывались в целом неплохо: он командовал подлодками «Форель» и «Тур», возглавлял дивизион подводных лодок, находился на преподавательской работе, был начальником подводного офицерского класса, написал учебник «Управление подводными лодками. Курс для командного состава флота», а также несколько статей, опубликованных в журналах «Морской сборник» и «Красный флот». В 1926 году Бахтин окончил Военно-морскую академию, был назначен командиром отдельного дивизиона подводных Морских сил Черного моря. А потом... его арестовали.

Подводная лодка «Пантера»

Дело № 7455 в отношении моряков Балтийского флота было одним из самых крупных в то время. В 1926 году были арестованы 23 морских офицера, а 28 февраля 1927 года они предстали перед судебной коллегией ОГПУ

по обвинению в создании на флоте контрреволюционной военномонархической организации. По делу они проходили как бывшие офицеры Российского императорского флота. Потому в деле фигурировали их воинские звания, которые они носили до революции.

На момент ареста бывший капитан 1-го ранга П. Ю. Постельников служил в Ленинградском военном порту, капитан 2-го ранга К. В. Вонлярлярский — начальником отдела штаба Морских сил Балтийского моря, мичман Н. Л. Вартенбург — командиром 1-го дивизиона эсминцев, лейтенант Е. С. Велецкий — командиром учебного судна «Комсомолец», мичман Н. Ф. Оболенский — флагштурманом бригады траления и заграждения, мичманы С. А. Ловцов и В. Б. Лесгафт — командирами эсминцев. «Бывший гардемарин царского флота» А. В. Томашевич служил флагманским минером бригады подводного плавания Балтийского флота. Лейтенант С. А. Хвицкий, награжденный, как и Бахтин, орденом Красного Знамени, преподавал в Военно-морской академии.

В Москве «взяли» бывшего капитана 2-го ранга Ф. В. Васильева, проходившего службу начальником минного отдела технического управления РККА, и сотрудника того же управления, бывшего лейтенанта А. И. Борячинского. Капитан 1-го ранга Н. А. Арбенин, инженер-механик Г. М. Назаров, лейтенант А. П. Дулов после революции уволились с флота и работали на разных предприятиях Ленинграда, бывший мичман В. В. Дашкевич «занимался садоводством в г. Николаеве», а А. Н. Бахтин был единственным, кого арестовали в Севастополе.

По версии следствия, все бывшие офицеры царского флота, арестованные по этому делу, которое, как установлено позже, было сфальсифицировано, занимались контрреволюционной деятельностью в период с 1918 по 1926 год. Большинство из них назвал в качестве своих соучастников К. В. Вонлярлярский. В том числе

и Бахтина. Последний обвинялся в том, что в 1918–1919 годах состоял членом «ТТТ» и работал вместе с адмиралом Развозовым, а в 1918 году, во время Ледового похода, ушел с подлодки и остался в Финляндии.

Бахтин на допросах категорически отверг все предъявленные ему обвинения. Хотя не отрицал, что некоторое время, после увольнения с флота, работал капитаном парохода в артели «ТТТ», которая являлась не контрреволюционной, а обычной коммерческой организацией, созданной по инициативе Развозова для трудоустройства увольняемых офицеров. По поводу оставления подлодки в Гельсингфорсе Бахтин заявил на допросе, что, действительно, ему было сделано предложение остаться в Финляндии в качестве инструктора подводного плавания, поскольку финны предполагали закупить у Советского правительства подлодки, и он считал, что это предложение согласовано с нашей стороной...

На основании постановления коллегии ОГПУ Вонлярлярский, Дашкевич, Постельников, Васильев, Федоров, С. А. Хвицкий, его брат А. А. Хвицкий, вахтенный механик линкора «Октябрьская революция» С. В. Федоров и бывший подполковник военно-морского суда В. В. Атрепьев были заключены в лагерь сроком на 10 лет каждый. Еще восемь человек, в том числе Бахтин, получили по пять лет лагерей. Оставшимся пяти «контрреволюционерам» дали по три года лагерей, а по отношению к Лесгафту и судовому механику линкора «Марат» В. И. Симонову члены коллегии ограничились высылкой в Сибирь на тот же срок.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ)

ОГПУ (1923–1934) учреждено по предложению В. И. Ленина IX съезду Советов 6 февраля 1922 года. 15 ноября 1923 года постановлением ВЦИК об упразднении Всероссийской чрезвычайной комиссии (ВЧК) и его реорганизации было создано Объединенное государственное политическое управление при Совете Народных Комиссаров СССР и утверждено Положение о его органах. При этом функции по наблюдению за законностью, ранее выполнявшиеся ВЧК, были возложены на Наркомат юстиции РСФСР, при котором Постановлением ВЦИК «Положение о Прокурорском надзоре» от 28 мая 1922 года была учреждена Прокуратура.

9 мая 1924 года Президиум ЦИК Союза ССР принимает поста-

новление о расширении прав ОГПУ в целях борьбы с бандитизмом. Этим постановлением кроме значительного расширения полномочий органов ОГПУ в сфере внесудебных репрессий подчинялись ОГПУ и его местным органам в оперативном отношении местные органы милиции и уголовного розыска. Так начался процесс слияния органов государственной безопасности и органов внутренних дел.

15 декабря 1930 года в связи с ликвидацией наркоматов внутренних дел союзных и автономных республик ЦИК и СНК СССР приняли Постановление «О руководстве органами ОГПУ деятельностью милиции и уголовного розыска», на основе которого ОГПУ и его местные органы получили право назначать, перемещать и увольнять работников милиции и уголовного розыска, а также использовать в своих целях их гласный состав и негласную агентурную сеть.

С начала 30-х годов органы ОГПУ начали проведение массовых политических репрессий.

Председателем ГПУ и ОГПУ до конца своей жизни (20 июля 1926) оставался Ф. Э. Дзержинский, которого сменил В. Р. Менжинский, возглавлявший ОГПУ до своей смерти 10 мая 1934. Затем ОГПУ до его реформирования фактически возглавлял заместитель председателя Г. Г. Ягода.

История возвратила имя героя

По этому делу проходил еще один известный подводник — А. В. Томашевич. Его обвинение также было основано исключительно на противоречивых показаниях Вонлярлярского, который на допросе 16 июня 1926 года показал, что встречался с Томашевичем как с одним из руководителей военно-монархической организации. Несмотря на то, что в последующем он его не опознал, а сам Томашевич категорически отрицал свою вину, его осудили на 3 года, а затем, по отбытии наказания, на основании постановления ОГПУ от 10 июня 1929 года выслали в Сибирь еще на 3 года.

В Морском биографическом словаре о тюремной одиссее Томашевича нет ни слова. Лишь короткая фраза: «В 1926–1933 годах был в запасе». После возвращения на флот судьба Томашевича сложилась удачно. Он стал контр-адмиралом, доктором наук, профессором, был удостоен пяти орденов и Сталинской премии. Его называют выдающимся специалистом в своей области, разработавшим и внедрившим в практику новый метод торпедной стрельбы. Возглавляя длительное время кафедру тактики подводных лодок,

А. В. Томашевич воспитал не одно поколение советских подводников, к его советам прислушивались конструкторы при проектировании новых кораблей.

Надо сказать, что в последующем в отношении большинства осужденных по этому делу коллегия ОГПУ

также вынесла дополнительные постановления. Например, Г. М. Назарову 28 марта 1931 года срок содержания в концлагере был продлен еще на три года, Н. Л. Вартенбурга и Н. Ф. Оболенского по отбытии наказания выслали в Северный край на три года. Некоторых лишили права проживания в крупных населенных пунктах.

Что касается Бахтина, то ему «постановлением коллегии ОГПУ от 5 декабря 1927 года заключение ... было заменено высылкой на Урал сроком на 3 года, а постановлением коллегии ОГПУ от 30 апреля 1929 года он был досрочно от отбытия наказания освобожден». Из заключения Бахтин возвратился с подорванным здоровьем, некоторое время работал капитаном малого плавания, а 15 июня 1931 года умер.

Имя героя-подводника было забыто и на долгие годы вычеркнуто из истории. В 1954 году его жена Ольга Петровна подала в центральные органы власти, в том числе в Главную военную прокуратуру, ряд жалоб, в которых просила пересмотреть дело мужа. Она писала, что Бахтин возвратился из ссылки тяжело больным и вскоре скончался от туберкулеза, а их дети, дочь и сын, погибли в блокаду.

Определением военной коллегии от 29 сентября 1956 года дело в отношении А. Н. Бахтина и других осужденных было прекращено за отсутствием в их действиях состава преступления.

В 2007 году на могиле А. Н. Бахтина на Смоленском Православном кладбище состоялось открытие памятника герою-подводнику.

Потопление ПЛ «Пантера» английского эсминца «Виттория»

Вячеслав ЗВЯГИНЦЕВ,
полковник юстиции запаса

КОРАБЛИ С ИМЕНЕМ «ОРЁЛ»

11 апреля 1878 года по Высочайшему повелению был учрежден Комитет по устройству Добровольного флота под председательством наследника престола — будущего Императора Александра Третьего и вице-председательством тайного советника К. П. Победоносцева.

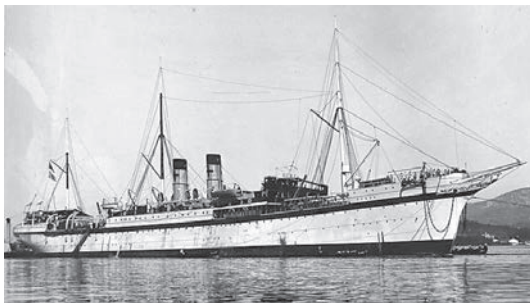

Корабль «Орел». Худ. Д.А. Назаров

История кораблей, названных именем «Орёл», насчитывает более 350 лет, когда в 1667–1669 гг. в селе Дединово на Оке Царь Алексей Михайлович с помощью голландских мастеров построил первый русский военный корабль «Орёл», названный в честь Государственного герба. Впоследствии более 40 кораблей Русского флота носили имя «Орёл». В настоящий момент

в Российском флоте несут боевую вахту два корабля, названных именем города Орла. Это атомный подводный ракетный крейсер «Орёл» на Северном флоте и пограничный сторожевой корабль «Орёл» на Тихом океане. Впервые корабль, названный в честь города Орла, был спущен на воду в 1890 г. Традиция присваивать кораблям названия губернских городов уходит к марту 1878 года. После окончания войны на Балканах Россия столкнулась с опасностью новой войны с Англией. Учитывая слабость Российского флота и целый ряд ограничений его использования по международным договорам ещё с Крымской войны, решено было привлечь народные средства для приобретения быстроходных судов, которые в военное время должны быть использованы как крейсера для борьбы с судоходством противника. По инициативе «Императорского общества содействия русскому торговому мореходству» и по Высочайшему повелению во всех губерниях были образованы комитеты по устройству Добровольного флота под председательством наследника Цесаревича, будущего Императора Александра III. Практически во всех губерниях Российской Империи начался сбор средств, в котором принимало участие все население страны — дворяне, кре-

стьяне, мещане, купцы, промышленники. К маю 1878 года удалось собрать более 2 000 000 руб., крупнейшим вкладчиком стал граф Строганов. Комитет состоял из трех отделений: учредительного, хозяйственного и военно-морского.

Плавучий госпиталь «Орёл»

Руководитель военно-морского отделения адмирал К. Н. Посъет сформировал основные требования к кораблям, которые первоначально закупались в Европе. Они должны были развивать скорость не менее 13 узлов, иметь запас угля для плавания на 20 дней, возможность установки 8-дюймовых орудий и иметь стоимость не более 650 000 рублей.

В Орловской губернии открытие губернского комитета по организации Добровольного флота состоялось 7 мая 1887 г. в помещении Орловской Городской думы. На учредительном собрании присутствовали орловский губернатор К. Н. Боборыкин, Епископ Орловский и Севский Ювеналий, представители губернского земства, городской голова, предводитель губернского дворянства, представители купечества и других сословий. После торжественной части и молебна была собрана сумма 2900 рублей серебром. Наибольшие пожертвования собрали Ливенский, Малоархангельский, Мценский и Трубчевский уезды — 13 000 рублей. В 1888 г. Добровольным флотом был подписан контракт с английской фирмой «Хозон Лесли и К» на постройку корабля, способного развивать скорость до 20 узлов, который должен был стать образцом для других крейсеров. В марте 1890 г. корабль, названный именем губернского города Орла, был спущен на воду. «Орёл» стал вторым после «Ярославля», построенным Добровольным флотом по специальному проекту, и первым пароходом в России, отвечающим мировым стандартам того времени. До этого первые корабли «Россия», «Москва», «Петербург», «Нижний Новгород», «Ярославль», «Владивосток», «Кострома» закупались в Германии и Англии. Корабли Добровольного флота по большей части использовались как транспорты для перевозки пассажиров и грузов из Одессы во Вла-

Вице-адмирал М. П. Саблин

дивосток, русских войск на Дальний Восток, заключённых на Сахалин, а также материалов для строительства Транссиба. В 1897 г. на «Орле» в разобранном виде во Владивосток был доставлен буксирный пароход «Сибирь», через год переданный КВЖД. С началом русско-японской войны «Орёл» был переоборудован в госпитальное судно на 448 коек с вытяжной вентиляцией, госпитальными палатами, паровым отоплением, опреснителями, рефрижераторами, хлебопекарней, электрическим освещением. «Орёл» стал плавучим госпиталем 2-й Тихоокеанской эскадры адмирала З. Н. Рожественского

к которой он присоединился 21 октября 1904 года в Танжере. С конца декабря 1904 до начала 1905 года эскадра находилась на острове Мадагаскар. В порту Носси-Бэ на эскадренной больнице в «Орле» был организован амбулаторный приём для местных жителей. Среди медперсонала на «Орле» работала племянница адмирала Рожественского Ольга Павловская. Всего за время похода 2-й Тихоокеанской эскадры умерло 5 офицеров и 25 нижних чинов, списаны по болезни 10 офицеров и 42 нижних чина. Эскадра адмирала Рожественского З. Н. была обнаружена японцами 14 мая 1905 года в 2:30 минут по бело-сине-красным огням гротмачты госпитального судна «Орел». Согласно нормам международного права освещение было только на «Орле», остальные суда эскадры шли в полной темноте.

В 11:30 «Орел» одним из первых был захвачен японским крейсером «Манжу-Мару» и отведен в Шанхай. Позже в Японском флоте «Орел» носил имя «Кузухо-Мару». В 1890 г. после окончания Морского корпуса в первом походе на «Орле» участвовал последний командующий Черноморским флотом в 1918–1920 гг., упокоенный во Владимирском адмиральском Соборе Севастополя, подготовивший эвакуацию Русской эскадры из Крыма в Бизерту в конце 1920 г. Михаил Павлович Саблин, участник Цусимского сражения на броненосце «Осляби». Духовник ГС «Орел» иеромонах Зиновий (Дроздов) в 1906 году в Вятке опубликовал книгу

с эскадрой до Цусимы. В 1913–1914 гг., будучи Викарным Епископом, управлял Орловско-Севской епархией, с 1918 года Архиепископ Зиновий возглавлял Тамбовско-Козловскую Епархию, являясь ближайшим сподвижником Патриарха Московского и всея Руси Тихона (Белавина), умер в 1942 г. в Богословлаге Свердловской области. Последний командир «Орла» Яков Константинович Лохматов, участник русско-турецкой 1877–1878 гг., русско-японской 1904–1905 гг. и первой мировой (1914–1918) войн, в 1916 г. за боевое отличие был произведён в капитаны 2-го ранга. Несмотря на тяжёлые потери русско-японской войны, через несколько лет Русский флот был возрожден. Уже в 1909 году со стапеля в Эльбинге (Германия) был спущен на воду новый корабль с именем губернского города «Орёл». В 1914 году с началом Великой войны «Орёл» 2-й

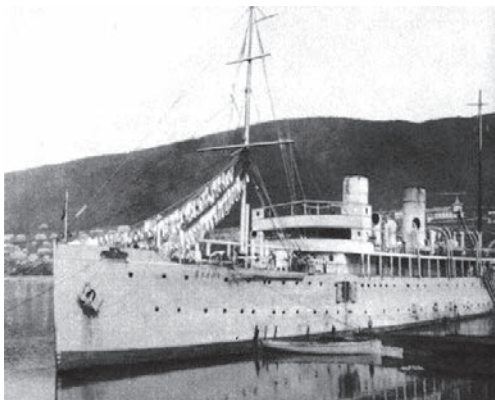

*Будущий адмирал флота
Советского Союза
Иван Исаков. 1916 год*

*Выпускник ОБКК
Сергей Аксаков*

вошёл в состав Сибирской флотилии в качестве вспомогательного крейсера 2-го ранга. Участвовал в русско-англо-франко-японской десантной операции в Сингапуре. С конца 1915-го на нём проходили практику кадеты и гардемарины Петроградского морского корпуса, морского инженерного училища, отдельных гардемаринских классов. После октября 1917 г. «Орёл» был одним из немногих кораблей, на котором не был спущен Андреевский флаг. Из последних кадет и гардемарин, проходивших практику на «Орле», приказом адмирала Колчака во Владивостоке в 1918 г. было образовано «Военно-морское училище». В 1920 году на крейсере «Орёл» прошел последний дальний кругосветный поход из Владивостока в Дубровник Владивостокского морского училища. В 1921 году «Орел» был продан Добровольным флотом англичанам, под британским флагом носил имя

Крейсер «Орел»

просуществовавший до 1924 года. Заком командира корпуса был последний командир крейсера «Орёл», герой-подводник первой мировой, Георгиевский кавалер, капитан 1-го ранга Михаил Александрович Китицын, умерший 22 августа 1960 года в США. В 20-е годы в Европе гардемаринами, ходившими на «Орле», был создан кружок взаимной связи «Звено», а в 50-е годы в США — Общество выпускников «Владивостокского морского училища».

На «Орле»-2 гардемаринами ходили основатель Советской морской пехоты военмор Иван Кожанов, адмирал флота Советского Союза Иван Исаков, известный изобретатель в США Константин Захарченко, руководитель партизанского движения против японцев в Индокитае Игорь Буланин, посмертно награжденный орденом Почётного легиона правительством Франции, профессор Академии ВМС Югославии Пётр Бунин и многие другие. В этом списке уроженцы Орловской губернии и воспитанники Орловского Бахтина кадетского корпуса Борис Афросимов, Вячеслав Узун, Николай Недбаль, Иван Малыгин, Анисим Лайминг, Сергей Аксаков, Емельян Иванов и др.

Ежегодно памяти моряков, ходивших на первых кораблях «Орел», названных именем города Орла с 1890 по 1920 г., в конце сентября — начале октября на озере «Светлая жизнь» проходит Открытый чемпионат Орловской области по парусному спорту в спортивных и юношеских классах яхт.

Константин ГРАММАТЧИКОВ

ПАРОХОД-КРЕЙСЕР «ОРЁЛ»

Двухвинтовой товарно-пассажирский быстроходный пароход-крейсер. Корпус стальной трехпалубный с двойным дном. Механизмы фирмы R. & W. Hawthorn, Leslie & Co. Имел три мачты и две дымовые трубы. Первый пароход-крейсер Добровольного флота, ставший родоначальником серии из шести единиц.

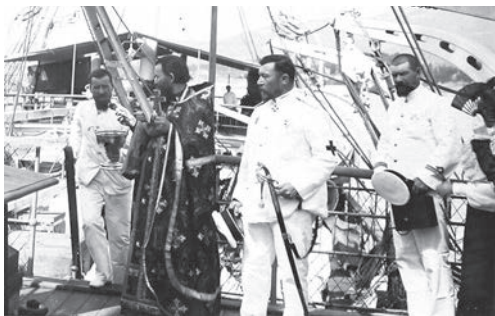

12.08.1888 г. заказан за 103 000 фунтов стерлингов для регулярных рейсов на Дальний Восток. 15.03.1890 г. прибыл в Одессу из Англии и затем получил приписку к Одесскому торговому порту под № 620.

25.03.1890 г. вышел первым рейсом из Одессы на Дальний Восток, имея на борту пассажиров и 1364 новобранца. По возвращении из Тихого океана до конца года занимался перевозкой по Черному морю войск, а также переселенцев из числа горских племен. Затем эксплуатировался на регулярной дальневосточной линии. С января по июль 1897 г. прошел капитальный ремонт в Ньюкасле на верфи фирмы R. & W. Hawthorn, Leslie & Co.

В мае — декабре 1900 г. в связи с икхэтуаньским восстанием в Китае пароход-крейсер «Орёл» находился в распоряжении Военного министерства и занимался перевозкой сухопутных войск. В сентябре 1900 г. участвовал в высадке десанта в Шанхай-Гуане. 19.05.1902 г. прибыл в Одессу из своего последнего коммерческого рейса на Дальний Восток и вскоре переведен на резервное положение из-за убыточной эксплуатации. В течение 1903 г. выполнил несколько коротких переходов по Черному морю. 31.12.1903 г. вышел из Севастополя в Джибути, где с отрядом контр-адмирала А. А. Вирениуса простоял до начала февраля 1904 г. Затем получил приказание возвращаться и 15.02.1904 г. прибыл в Одессу.

В связи с началом русско-японской войны предназначался к отправке в море для действий на коммуникациях противника, однако по состоянию котлов был признан негодным для крейсерского плавания. 15.06.1904 г. принят в распоряжение Морского ведом-

*о. Зиновий и группа офицеров на палубе
во время церемонии освящения
госпитального судна «Орёл»*

ства для использования в качестве плавучего госпиталя. 20.06.1904 г. вышел из Одессы в Ла-Сен, где затем переоборудован фирмой Forges et Chantiers de la Mediterranee в госпитальное судно на 448 коек за счет средств Российского общества Красного Креста. 04.09.1904 г. отбыл из Тулона и 21.10.1904 г.

в Танжере присоединился ко 2-й эскадре флота Тихого океана, с которой проследовал до Цусимы.

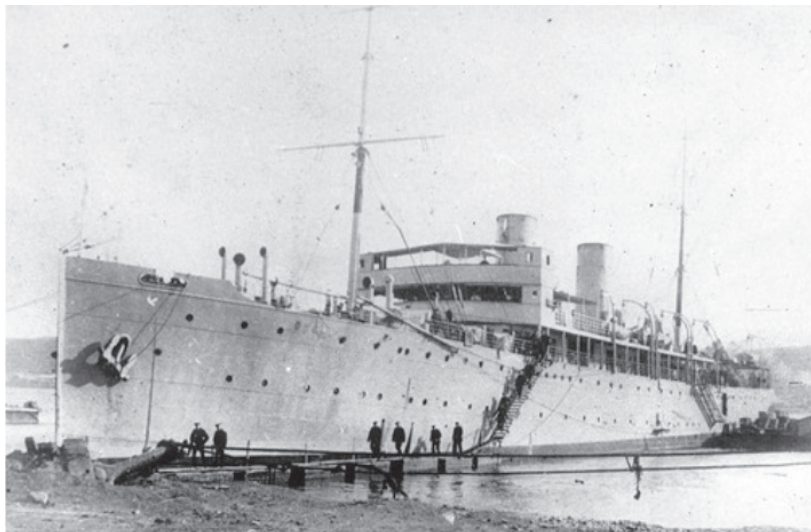
14.05.1905 г. задержан в Корейском проливе японским вспомогательным крейсером «Sado Маш» и отведен в Сасебо. 30.05.1905 г. конфискован японскими властями из-за нахождения на борту части команды с английского парохода «Oldhamia», перевозившего военную контрабанду и перехваченного крейсером «Орёл» у острова Формоза. 25.08.1905 г. переименован в «Kusuho Маги» и включен в состав флота Японии. Затем использовался как госпитальное судно с базированием в Курэ. 03.10.1909 г. переклассифицирован в пароход. 24.03.1910 г. продан на слом и до конца года разобран на металлолом в Японии.

Характеристики парохода «Орёл»:

Водоизмещение:	8175 т
Вместимость:	5074 брт/2705 нрт
Размеры:	137,77 * 14,48 * 10,91/7,39 м
Главные механизмы:	2 вертикальные 3-цилиндровые ПМ тройного расширения, 4 двойных цилиндрических котла
Мощность:	9500 инд. л. с./1089 нар. л. с.
Скорость хода:	19,25 уз
Запас топлива:	765 т угля
Дальность плавания:	4500 миль при 12,5 уз
Вооружение:	3 – 120-мм, 12 – 75-мм, 6 – 47-мм
Число пассажиров:	39 (I – II), 1208 (III) чел.
Грузоподъемность:	2624 т
Численность команды:	87 чел.
Первоначальная стоимость:	1 251 454 руб.

КРЕЙСЕР «ОРЕЛ»

К 110-летию спуска на воду

6 июля 1908 г. Император Николай II утвердил одобренный Думой и Государственным советом закон о выделении средств на организацию Добровольным флотом регулярного товарно-пассажирского сообщения между Владивостоком и портами Китая, Кореи и Японии. Сообщение планировалось осуществлять пятью скоростными пароходами, которые предполагалось построить в течение 1909 г. Тем же летом Либавская контора Добровольного флота разработала эскизный проект парохода для линии Владивосток — Цуруга, и 30 сентября был заключен контракт с немецкой фирмой «Ф. Шихау» на постройку в Данциге пяти одновинтовых товарно-пассажирских судов.

Контрактная стоимость каждого из них определялась в 1,53 млн. марок, а срок готовности — 12 мес. со дня подписания договора. Спецификацией стального трехпалубного двухмачтового парохода предусматривались следующие эксплуатационно-технические элементы: грузоподъемность 2050 т, длина между перпендикулярами 101,8 м, наибольшая ширина 13,72 м, осадка с грузом 1500 т — 5,79 м. Двойное дно простиралось по всей длине корпуса. Вертикальная паровая машина тройного расширения проектировалась

такой мощности, чтобы с грузом 1000 т судно развило скорость не менее 16 уз. Ее цилиндры имели следующие диаметры: высокого давления — 700 мм, среднего — 1180 мм и низкого — 1940 мм. Ход поршня — 1200 мм. Пар вырабатывали четыре цилиндрических трехточечных котла системы Моррисона с суммарной поверхностью нагрева 920 м². Дальность плавания с полным запасом угля равнялась 5690 миль при 10-уз скорости хода. В корпусе и надстройке предусматривалось 60 пассажирских мест в каютах 1-го класса, 30 — 2-го и 120 — 3-го класса.

Как было принято для всех быстроходных судов, строившихся по заказу Добровольного флота, пароход заранее оборудовался как вспомогательный крейсер для действий на коммуникациях противника. На нем предусматривались подкрепления верхней палубы под три 120-мм орудия, в корпусе резервировалось место для дополнительной динамо-машины, на мостике — для двух прожекторов, а на палубе ... укладки минных рельсов для приемки 200–300 мин заграждения. Внутренние помещения рассчитывались с учетом размещения 600 чел. десанта.

В ноябре 1908 г. наблюдающим за постройкой судов Добровольного флота в Германии был назначен корабельный инженер А. Г. Воротынский, а 6 декабря на стапеле верфи фирмы «Ф. Шихау» в Данциге приступили к сборке корпусных конструкций парохода под заводским номером 829. Механизмы для него изготавливала та же фирма на своем машиностроительном заводе в Эльбинге. На 21 марта 1909 г. готовность паровой машины составляла уже 65%, а котлов — 90%. 13 апреля последовало высочайшее повеление о присвоении пароходу наименования «Орел». Спустя пять дней он благополучно сошел со стапеля.

В течение мая и июня на пароход погрузили котлы, машину и занялись их монтажом и пригонкой. 22 июля состоялась пятичасовая швартовная проба, на которой достигли 45 об/мин гребного вала. 12 августа «Орел» с приемной комиссией на борту вышел в море на испытание полным ходом. Осадка при этом составляла 3,81 м носом и 5,21 м кормой. Средняя из двух пробегов на мерной миле скорость составила 16,33 уз при частоте вращения гребного винта 98 об/мин, а вычисленная по четырем диаграммам средняя индикаторная мощность получилась равной 4057 л. с.

30 августа закончилась 24-часовая проба при 14-узловом ходе для определения расхода топлива (угля), который составил 46,36 т/сут. В тот же день «Орел» был принят комиссией от верфи.

Его первым командиром стал А. Г. Розенфельд. 5 сентября пароход из Данцига отправился в Россию и через три дня прибыл в Санкт-Петербург.

19 сентября на Неве у Васильевского острова в присутствии министра торговли и промышленности В. И. Тимирязева состоялось освящение «Орла» и однотипной «Полтавы». Спустя десять дней «Орел» вышел из столицы к своему постоянному месту приписки. Пройдя Средиземное море, Суэцкий канал и Индийский океан, пароход 8 декабря прибыл во Владивосток. Здесь «Орел» был сразу поставлен на регулярную линию, соединявшую главный

Офицеры «Орла» в Сингапуре

дальневосточный порт России с Шанхаем и Цуругой. По субботам два из пяти новых пароходов Добровольного флота снимались с рейда Владивостока с разницей в 60 мин.: ровно в полдень один уходил в Шанхай, а в 13 ч — другой в Цуругу. Третий рейс отправлялся в Цуругу по четвергам. Такое расписание выдерживалось строго, перебои в движении судов Добровольного флота были редким явлением. Однако начавшаяся в 1914 г. первая мировая война сразу внесла свои коррективы в регулярное товарно-пассажирское сообщение между Россией и ее дальневосточными соседями.

23 июля «Орел» вернулся во Владивосток из очередного рейса и стал на якорь на рейде. Через два дня Морское ведомство сообщило о привлечении его по условиям военного времени к военно-судовой повинности. 17 августа командующий Сибирской флотилией приказал флагманскому артиллеристу капитану 2-го ранга П. П. Винокурову принять в свое командование пароход, на котором уже разворачивался монтаж вооружения. Вскоре на свои места были установлены два 120-мм орудия длиной 45 калибров (суммарный боекомплект 250 выстр.), две 75-мм пушки Канэ (296 выстр.), а также четыре 47-мм Гочкиса. Дополнял вооружение пулемет

«максим». Личный состав согласно первоначальной комплектации: 11 офицеров, 3 кондуктора и 120 нижних чинов. Впоследствии штат был расширен до 17 офицеров, 7 кондукторов и 169 нижних чинов.

21 августа «Орел» поднял Андреевский флаг и начал кампанию в составе судов Сибирской флотилии. На следующий день приказом по флоту и Морскому ведомству его уже официально зачислили в класс крейсеров II ранга. В декабре «Орел» ушел в свой первый заграничный поход в Пенанг, где недавно погиб крейсер «Жемчуг». Прибыв на место 4 января 1915 г., русские водолазы приступили к обследованию потопленного крейсера, а затем к подъему с него вооружения и оборудования. Однако уже 5 февраля «Орлу» пришлось перейти в Сингапур для оказания помощи английским войскам при подавлении мятежа полка сипаев. Высаженный на берег десант в количестве 46 чел. принял активное участие в разоружении мятежников, которое завершилось к 14 февраля. 22 марта крейсер вернулся во Владивосток.

Хотя первоначально руководство Морского министерства планировало использовать «Орел» в качестве вспомогательного крейсера, фактически в дальнейшем он служил как учебное судно, на котором проходили практику будущие офицеры Российского флота. Дальний Восток остался единственным морским театром, где русские суда без опаски могли плавать с учебными целями. 8 ноября 1915 г., приняв на борт младшую роту Отдельных гардемаринских курсов, «Орел» вышел из Владивостока за границу в пятимесячное учебное плавание. Во время него крейсер посетил ряд портов Японии, Китая, Вьетнама и 30 марта 1916 г. прибыл обратно во Владивосток. Второй дальний поход с гардемаринами крейсер совершил зимой 1916/17 г.

Политические потрясения весной 1917 г. практически не отразились на службе «Орла» — он по-прежнему оставался в составе Учебного отряда, предназначенного для практического плавания с гардемаринами. Командовал крейсером в это время старший лейтенант М. М. Афанасьев. 12 ноября вместе с другими судами отряда «Орел» ушел из Владивостока в заграничный поход, который по плану должен был продлиться до весны следующего года, однако вернуться в родной порт крейсер смог только спустя два года.

Виктор ЯРОВОЙ,
автор книг и публикаций о Добровольном флоте

«ПОСЛЕДНИЕ ГАРДЕМАРИНЫ. ПЕТРОГРАД — ВЛАДИВОСТОК — СЕВАСТОПОЛЬ — БИЗЕРТА. 1918–1925»

Выставка посвящена 100-летию расформирования Морского корпуса (к 1918 году — Морского училища) в Петрограде и создания Морского училища во Владивостоке. В экспозиции представлены подлинники и копии архивных документов, издания, реликвии и фотографии, рассказывающие о нелегкой судьбе юношей, которые, несмотря на трагические события Гражданской войны, пытались продолжить или получить военноморское образование.

С использованием материалов шести российских архивов (в том числе Дома русского зарубежья им. А. Солженицына, Российского государственного архива Военно-морского флота, Государственного архива Российской Федерации, Российского Фонда Культуры и других) и Архива Исторической службы Вооруженных сил Франции, одного музейного и восьми частных собраний и семейных архивов рассказывается о последнем периоде существования «Колыбели Флота» — Морского корпуса (одного из старейших отечественных учебных заведений, основанного в 1701 году), об истории морских учебных заведений, созданных в период Гражданской войны и в первые годы существования русского зарубежья (в том числе и о Морском корпусе в Бизерте), о судьбах тех, кто учился в них, а затем оказался на чужбине, либо остался на Родине, или

К.А. Захарченко. ВСКР «Орел»

вернулся в Россию, ставшую советской.

Отдельные витрины посвящены биографиям мичманов Белого флота, окончивших свои дни в СССР: выдающемуся создателю военно-исторической миниатюры Л.А. Майдановичу (1899–1984) и автору многочисленных работ, посвященных спортивному рыболовству, а также неопубликованных рукописей воспоминаний о последних гардемаринах Ю.А. Шеманскому (1898–1983). В них размещены солдатика, сделанные Майдановичем в эмиграции и после возвращения на Родину (предоставлены его доче-

рью — Е.Л. Майданович, а также другом и учеником — П.В. Коновальчуком), рукописи и печатные работы Шеманского (из фондов Дома русского зарубежья им. А. Солженицына).

Из библиотеки Дома русского зарубежья представлен целый ряд уникальных изданий, среди которых подборка учебников для Морского корпуса, сохраненных их владельцами в эмиграции (на многих имеются интересные владельческие штампы и надписи), экземпляр книги В.В. фон Берга «Последние гардемарини» (Париж, 1931), специально оформленный для контр-адмирала Н.Н. Машукова, и многие другие.

Часть архива корабельного гардемарина А.М. Кремкова (1898–1948), ставшего в США известным карикатуристом, предоставил для выставки Российский фонд культуры.

Исследователь и коллекционер К.Ю. Бурмистров передал для экспонирования подборку документов, относящихся к пребыванию крейсера «Орел» и посыльного судна «Якут» в Порт-Саиде в августе 1920 года, ранее неизвестных исследователям, а также два десятка фотографий, на которых запечатлены эпизоды прохождения практики воспитанниками различных морских учебных заведений в 1915–1920 годах.

Музей истории основания Российского флота, созданный в 2009 году Г. В. Андроновым — основателем и начальником Московских морских кадетских классов, и один из давних участников возрождения кадетских корпусов в современной России К. И. Рудьев обогатили экспозицию выставки такими реликвиями, как подлинная посуда из столовой Морского корпуса начала XX века, знаки различия и элементы формы одежды воспитанников

Л.А. Майданович (крайний справа)

и преподавателей Морского корпуса начала XX века и современных морских кадетских классов, рисунки и скульптурные работы Г. В. Андронova.

Московский скульптор и художник М. Б. Шуб, давний друг Дома русского зарубежья, постоянно обращающийся в своем творчестве к истории Белого движения и русского военного зарубежья, специально для выставки создал бюст капитана 1-го ранга М. А. Китицына — основателя Морского училища во Владивостоке, ставший одним из центральных экспонатов.

Отдельная витрина рассказывает о деятельности Федерации парусного спорта Орловской области, возглавляемой К. Б. Грамматчиковым — подвижником, краеведом, издателем. В городе, далеком от моря, регулярно проводятся регаты, приуроченные к юбилеям похода «Орла» и «Якута» и М. А. Китицына. Благодаря этому дети, подростки и юноши не только приобщаются к удивительному миру паруса, но и познают забытые страницы истории России.

Авторы проекта: ведущий научный сотрудник отдела военно-исторического наследия ДРЗ, кандидат исторических наук Н. А. Кузнецов и заведующая сектором фотодокументальных выставок ДРЗ С. Ю. Урбан.

С декабря 1918 г. выставка «Последние гардемарины» проходит в Москве, а в сентябре 1919 г. экспозиция открылась в стенах Орловского военно-исторического музея.

Кормовой Андреевский флаг ВСКР «Орел»

Краткая историческая справка

Морской корпус — одно из старейших учебных заведений России, основанное Императором Петром I в 1701 г. Как и вся страна, Морское училище (так стал называться Морской корпус с 1916 г.) переживало драматические моменты своей истории в конце Первой мировой войны и во время революционных событий 1917 г., приведших к крушению государства

и его вооруженных сил. Летом 1917 г. гардемарины и часть кадетов проходили практику на боевых кораблях, участвуя в военных действиях.

Осенью 1917 г. прием в Морское училище не производился, а 3-я рота (самые старшие гардемарины) была переведена в Отдельные гардемаринские классы, созданные в 1913 г. для ускоренной подготовки офицеров, и отправлена на Дальний Восток для прохождения практики на крейсере 2-го ранга «Орел» Сибирской флотилии. Ею командовал капитан 1-го ранга М. А. Китицын — выдающийся подводник.

Учебное плавание по Восточным морям на «Орле», миноносцах «Бойкий» и «Грозный» продолжалось с 12 ноября 1917 г. до июня 1918 г. За это время в России произошли революционные события, отразившиеся и на судьбе учебного отряда. Во французском порту Сайгон корабли покинула вся команда, а также часть офицеров и гардемарин. Большинство оставшихся решили принять участие в борьбе с большевиками в частях атамана Г. М. Семенова и в составе Харбинской морской роты. «Орел» под французским флагом остался в Сайгоне. В 1918–1919 гг. он занимался коммерческими перевозками между портами Индокитая (командир — старший лейтенант М. М. Афанасьев).

Летом 1918 г. советская власть в Приморье пала, и 3 ноября 1918 г. оставшиеся в Сайгоне гардемарины во главе с Китицыным получили приказ вернуться во Владивосток для продолжения обу-

чения в воссоздаваемом Морском училище, занятия в котором начались 15 декабря. Практику кадеты и гардемарины проходили на кораблях Сибирской флотилии, в том числе участвуя в боевых действиях. В 1919 г. учебные плавания 1-й роты училища обеспечивало посыльное судно Сибирской флотилии «Якут» — бывший английский пароход, построенный в 1888 г., четыре года спустя купленный Морским ведомством и зачисленный в Сибирскую флотилию.

Б.С. Афросимов (в первом ряду — крайний слева)

«Орел» вернулся

во Владивосток вместе с миноносцем «Бойкий» лишь в декабре 1919 г. После крушения Восточного фронта белых и падения власти Колчака, в связи с приближением к городу красных партизан возникла угроза и для существования Морского училища. Последовало решение эвакуировать его на «Орле» и «Якуте», которые вышли в море 31 января 1920 г. При эвакуации училище насчитывало свыше 40 офицеров и более 250 кадет и гардемарин. Из Владивостока корабли пришли в японский порт Цуруга, где на берег списались контр-адмирал М. А. Беренс, эвакуированные офицеры с семьями и некоторые офицеры училища. Китицын принял решение идти в Севастополь. Средства на обеспечение перехода моряки зарабатывали, занимаясь перевозкой попутных грузов. Гардемарины за время похода в Тихом и Индийском океанах получили прекрасную морскую практику. В Сингапуре 11 апреля 1920 г. был произведен первый выпуск 119 человек в корабельные гардемарины (начальник отряда не имел права присвоить им чин мичмана).

12 августа «Орел» и «Якут» пришли в югославский порт Дубровник, где командование флота, находящееся в Севастополе, приказало вернуть мобилизованный в начале войны «Орел» Добровольному флоту. Путь в Севастополь продолжил только «Якут». Большая часть гардемарин и корабельных гардемарин, считая дальнейшую борьбу

беспольной, отказалась следовать в Крым и предпочла решать свою дальнейшую судьбу самостоятельно. Вместе с Кितिцыным в Крым прибыли 111 (по другим данным — 96) гардемарин. «Якут» пришел в Севастополь за пять дней до общей эвакуации Крыма.

Приняв на борт 150 беженцев и 70 юнкеров Константиновского училища, «Якут» ушел в Константинополь. Уже во время перехода в Константинополь 49 гардемарин приказом генерала Врангеля произвели в мичманы. Затем «Якут» перешел в Бизерту, куда прибыл (едва не затонув по дороге из-за поступления воды в кочегарку) 26 декабря 1920 г., завершив переход общей длительностью 16000 миль. Как и многие другие корабли Русской эскадры, «Якут» был уведен французами в Марсель и 1 февраля 1923 г. продан частному владельцу.

Часть гардемарин, не закончивших военно-морского образования, продолжила обучение в стенах Морского корпуса, разместившегося в Бизерте. Морской корпус, созданный в Севастополе в 1915 г. и расформированный два года спустя, возродился в Севастополе в 1919 г., а после эвакуации Крыма действовал в Бизерте до 1925 г. Из числа гардемарин «Владивостокской» роты в Бизерте были произведены в мичманы в 1922 г. 45 человек (2 выпуска). Некоторые из них продолжили флотскую службу в других странах. После ликвидации Русской эскадры и Корпуса в Бизерте, несмотря на то, что гардемарин «Кितिцынского» выпуска рассеялись по всему миру, они старались не терять между собой связи. Именно благодаря этому о героической эпопее Морского училища во Владивостоке существует наибольшее количество опубликованных воспоминаний.

По-разному сложилась судьба тех кадет и гардемарин, которые не смогли доучиться в окончательно расформированном большевиками в начале 1918 г. Морском училище. Часть из них приняла участие в Гражданской войне (преимущественно на стороне Белого движения). После ее окончания многие молодые моряки оказались в эмиграции, некоторые смогли продолжить службу на флоте в Советской России или нашли себя на других поприщах. Многие пострадали от репрессий, некоторым посчастливилось дожить до 1980-х гг. Самая меньшая часть вернулась в разные периоды из эмиграции на Родину. Но все они сохранили в душе яркие воспоминания о своей флотской молодости и верность Андреевскому флагу.

Никита КУЗНЕЦОВ,
кандидат исторических наук, г. Москва

АПРК «ОРЕЛ»

Атомный подводный ракетный крейсер К-266 «Орёл» (бывший К-266) является восьмым кораблем проекта 949 А, шифр «Антей» (по классификации НАТО — Oscar-II), в серии советских и российских атомных подводных ракетных крейсеров (АПРК), вооружённых крылатыми ракетами П-700 Гранит и предназначенных для уничтожения авианосных ударных соединений. Проект является модификацией 949 «Гранит».

В 1982–1996 годах построено 11 кораблей из 18 запланированных, одна лодка К-141 «Курск» потеряна, строительство двух (К-139 и К-135) законсервировано, остальные отменены.

Крейсерская подводная лодка «Орёл» под именем К-266 была заложена 19 января 1989 года в цехе № 55 «Севмаш» в городе Северодвинске под заводским номером 650. Спущена на воду 22 мая 1992 года. 30 декабря 1992 года был подписан приемный акт. Вошла в состав Северного флота 5 февраля 1993 года. С 6 апреля 1993 года получила новое имя «Орел» в связи с установлением над ПЛ шефства администрацией Орла. Место базирования — Заозерск. Имеет бортовой номер: 847 (с 2000 года).

Основные характеристики: Водоизмещение надводное 14700 тонн, подводное 23860 тонн. Длина наибольшая по КВЛ 154 метра, ширина корпуса наибольшая 18,2 метра, средняя осадка по КВЛ 9,2 метра. Скорость надводная 15 узлов, подводная 32 узла. Рабочая глубина погружения 520 метров, предельная глубина погружения 600 метров. Автономность плавания 120 суток. Экипаж 130 человек.

Силовая установка: 2 ядерных реактора ОК-650 В мощностью по 190 МВт, суммарная номинальная мощность 98000 л. с.

Вооружение:

Торпедно-минное вооружение: 2х650-мм и 4х533-мм ТА, 24 торпеды.

Ракетное вооружение: ПКР комплекс П-700 «Гранит», 24 ракеты ЗМ-45.

В 1995, 1996 годах завоевала приз ГК ВМФ за ракетную стрельбу по морской цели.

В мае 1998 года на лодке вышли в море губернатор Мурманской области Евдокимов Ю. А., командующий Северным флотом Попов В. А. и начальник штаба СФ Моцак М. В.

В августе-сентябре 2000 года на борту лодки норвежские и рос-

Атомный подводный ракетный крейсер Северного флота «Орёл»

сийские водолазы прошли подготовку для отработки действий на ПЛ «Курск».

В январе–августе 2001 года на борту лодки осуществлена подготовка специалистов спасательной службы по подъему ПЛ «Курск». В августе–декабре лодка обеспечивала следственные мероприятия Генеральной прокуратуры

России по расследованию причин гибели ПЛ «Курск».

14 октября 2004 года во время перехода в Мотовском заливе в подводном положении на борту взорвалась кормовая уравнивательная цистерна № 3 из-за несрабатывания предохранительного клапана. Жертв нет, разрушен 9 отсек лодки. В октябре–декабре прошла восстановительный ремонт.

В 2008 году находилась в ремонте. В 2008 году в честь юбилея крейсера на рубке АПЛ был установлен герб города Орла. В связи с празднованием юбилея корабль посетила делегация из Орла во главе с заместителем мэра Валентином Бочаровым.

В 2009 году подлодка принимала участие в оперативно-стратегических учениях «Запад-2009». Подводный крейсер был признан одним из лучших в соединении атомных подводных лодок Северного флота.

В июле 2011 года участвовала в параде кораблей на День ВМФ в Североморске.

В октябре 2013 года подлодка участвовала в пуске крылатых ракет «Гранит» в Баренцевом море. В учениях также приняла участие АПЛ «Воронеж». 15 ноября прибыла на судостроительное предприятие «Центр судоремонта «Звездочка». В 2014 году поставлена в док центра судоремонта «Звездочка» для проведения работ по восстановлению технической готовности. По сообщению пресс-службы завода, в начале 2015 года с корабля были демонтированы гребные и дейдвудные валы, полумуфты, разобраны дейдвудные сальники валопроводов правого и левого борта. 7 апреля произошел пожар в районе 9-го отсека. Площадь возгорания превысила

40 кв. метров. После проведения пожарными расчетами второй пенной атаки, в результате которой не удалось локализовать возгорание, было принято решение о затоплении док-камеры. К полуночи пожар был потушен, пострадавших не было. На заводе заявили, что происшествие не повлияет на срок ремонта, который должен завершиться в 2016 году. До конца апреля 2017 года возвратится в состав подводных сил ВМФ после ремонта и восстановления технической готовности. 6 апреля 2017 года покинула акваторию ЦС «Звёздочка» и начала переход к месту постоянного базирования после завершения ремонта. 11 апреля 2017 г. прибыл в пункт постоянного базирования на Кольском полуострове после завершения планового ремонта и приступил к выполнению задач боевой службы в День военно-морского флота в Санкт-Петербурге. АПЛ «Орел» стал участником Главного военно-морского парада 29 июля 2018 года и самым большим кораблем на смотре.

27 ноября 2018 г. «Орлу» был торжественно передан дар Орловской митрополии — походный иконостас.

В Орле проживают: два командира АПРК «Орел» — капитан 1-го ранга Виктор Осекин и капитан 1-го ранга Олег Слепец. Зам. командира капитан 2-го ранга Валентин Беляев был одним из организаторов и первым председателем ОРОО «Флоту–быть!».

ПСКР «ОРЁЛ»

Проект, разработанный на базе легендарной «рабочей лошадки» пр. 1135, отличается прежде всего изменением состава вооружения и наличием вертолета. Эти сторожевики являлись флагманом морских пограничных сил в конце 80-х. Всего построено 7 таких кораблей (при плане в 12 единиц), еще один достроен в 90-е для Украины (тот самый «Гетман Сагайдачный»).

Корабли проекта 11351 имеют излишне мощное для пограничных сторожевиков вооружение. Кроме ЗРК «Оса-МА2» они вооружены скорострельной 100-мм артустановкой АК-100, двумя зенитными 30-мм автоматами АК-630, двумя четырехтрубными 533-мм торпедными аппаратами для стрельбы торпедами 53–65 К и СЭТ-65, а также двумя 12-ствольными реактивными бомбометными установками РБУ-6000. Кроме того, корабли имеют оборудование для постановки минных заграждений.

Возможно, такой состав вооружения объясняется тем, что во время разработки проекта имели место инциденты в спорных районах мирового океана, богатых рыбными ресурсами. Тогда некоторые страны высылали военные корабли для обеспечения деятельности своих рыбаков.

Пять тысяч судеб

Корабли как люди — у каждого своя история, свои белые и чёрные полосы

Недавно пограничный сторожевой корабль 1-го ранга «Орёл» Пограничного управления ФСБ России по восточному арктическому району отметил 30 лет со дня первого подъёма флага. Корабль-долгожитель несёт службу по охране границы и исключительной экономической зоны на Северо-Востоке России. Крайняя боевая служба «Орла» показала, что солидный возраст ПСКР несколько не мешает ему качественно выполнять поставленные задачи. Как сказал начальник Пограничного управления ФСБ России по восточному арктическому району контр-адмирал Роман Толоч, экипаж боеспособен, боеготов, корабль в строю.

В том, что корабль в строю, безусловно, заслуга всех экипажей, в разное время бывших душой «Орла», вписавших свои строки в славную летопись ПСКР. Что касается последнего, то, поверьте, это не ради красного словца. За 30 лет в составе экипажа этого пограничного сторожевого корабля проходили службу более пяти ты-

сяч человек. Это более пяти тысяч судеб и более пяти тысяч историй.

Одну из таких историй мы узнали от члена первого экипажа ПСКР «Орёл» капитана 1-го ранга запаса Виктора Ревенкова. Виктор Викторович Ревенков не часто бывает на «Орле», хотя и живёт

в Петропавловске-Камчатском. Работающий пенсионер, он больше времени проводит в командировках, чем дома. Однако в день празднования тридцатилетия со дня первого подъёма флага на родном ПСКР не мог не прийти на торжественный митинг в честь этого события. Роль в судьбе «Орла» Виктор Ревенков сыграл немалую.

— Я и мои сослуживцы достраивали его, вместе с рабочими участвовали как подмастерья в монтаже механизмов и заодно изучали всем экипажем каждый своё заведование. Потом первый выход в море, ходовые испытания... В тот момент я капитан-лейтенантом был в должности командира электромеханической боевой части пять, заведовал сердцем корабля. У меня своё отношение к кораблям, потому что ещё мальчишкой, когда я учился в школе (город Гомель, 37-я школа), мечтал о море и болел им. «Заболел» я от отца, который служил на Черноморском флоте, — тогда служили пять лет... И эта мечта осуществилась: я сначала поступил в Нахимовское военно-морское училище, окончил его, потом был направлен в Ленинградское высшее военно-морское инженерное училище имени В. И. Ленина, в город Пушкин, — его окончил, потом прошёл переподготовку в Анапе во флотском училище, так я стал пограничником. Начал свою офицерскую службу на острове Шикотан, 8-я отдельная бригада сторожевых кораблей. Там прошёл три корабля: проекта 205, 733 и 745. Потом был назначен командиром электротехнического дивизиона на строящийся ПСКР «Менжинский», три года я там отслужил. И после, уже в Находке, в 16-й отдельной бригаде сторожевых пограничных кораблей...

Я всегда относился к кораблю как к живому существу... Экипаж и корабль — это как единый организм, его нельзя разделять. Экипаж без корабля — это не экипаж, корабль без экипажа — это тоже

не корабль. И когда ступаешь на палубу корабля, чувствуешь, как он «дышит», работает система вентиляции и так далее. Он издаёт такой шум, как живое существо.

Первый выход на «Орле» (тогда ПСКР носил другое название) у нас был удачным, как и всё, что потом сопутствовало кораблю. И когда вернулись с испытаний, мы были самые счастливые, потому что наш «Орёл» стал живым. Спустя тридцать лет мне было приятно ступить на борт ПСКР «Орёл» как единственному члену первого экипажа, который, так сказать, корабль учил ходить, осваивал и сам учился, выводил в море. К слову, к месту первой дислокации корабля мы прошли на «Орле» через 13 морей. В столовой личного состава висела карта (она есть в музее корабля). Флажками отмечали местонахождение корабля, и все моряки гордились, потому что всё-таки дальний поход — это та же кругосветка. Пограничникам не часто такое выпадает. Шли через Средиземное море, Суэцкий канал, Индийский, потом Тихий океан. В Индийском мы выполняли боевую задачу: там лодка наша терпела аварию, мы её искали. Нашли, проводили через Сингапурский пролив. Пока она с нами шла, её экипаж восстановил свою боевую готовность, после пролива они нырнули-исчезли, а мы продолжали свой путь и тоже этим гордились.

Это было славное начало ПСКР «Орёл»! Так же, как и весь его боевой путь, за исключением восьми лет, что он стоял «у стенки» в Находке. Было печальное время... Но мне повезло принять участие в возрождении корабля. Я возглавлял тогда комиссию как заместитель начальника морского отдела по эксплуатации, судоремонту и базированию. Я и ещё один флагманский специалист Пограничного управления занимались восстановлением корабля, точнее, той его части, которая нам позволила бы его перебазировать, а уже здесь, на Камчатке, мы могли дальше готовить его вооружение и технику, чтобы он в полной мере мог выполнять свою задачу по охране Государственной границы и исключительной экономической зоны.

Всё, что было заложено тогда, и то, что эти традиции поддерживаются, и то, что корабль продолжает идти, что живой, — это тоже их огромная заслуга!

Юрий РОССОЛОВ,
Вера СТУПНИКОВА

ОРЛОВСКИЙ ВОЕННО-МОРСКОЙ КЛУБ И ПЕТР ЛЕВАНОВ

Капитан второго ранга Петр Федорович Леванов получил назначение в Орел в 1950 году. За плечами кавторанга были война на Дальнем Востоке, трудные походы в Тихом океане, высадка первого десанта на Сахалин. В городе Леванов должен был возглавить Военно-морской клуб. Он размещался на берегу Оки в доме, стоявшем на месте современного здания «Трансагентства». До революции здесь находилась гимназия Лихаревой. Старый этот дом смотрел своими окнами на Красный мост и на Оку. До войны войти сюда можно было прямо с моста — по переходу на 2-й этаж. При отступлении фашистами мост был взорван, и на месте перехода долгое время висели железные конструкции.

Дочь П. Ф. Леванова Нина Петровна Дрожжина вспоминает: «1950 год. Разрушенный Орел. Еще видны старые металлические конструкции на месте бывшего Красного моста. Сам мост заменили деревянным. Возле него всегда было многолюдно: проезжали конные повозки — на них привозили продукцию из деревень. Много здесь было нищих, инвалидов, зарабатывающих деньги игрой на гармошке; тут же были шарманки с попугаями, вытаскивавшие билетки с предсказаниями. Вплотную к мосту стояли чудом уцелевшие дома с номерами 14 и 16, соединенные между собою аркой. Дом № 16 (его называли почему-то «шестяк») был густо заселен. Дом № 14 соединял в себе, казалось, несовместимое. Чудесным образом в нем существовали вместе жильё, библиотека им. М. Горького, школа (девичья) № 1 и — с входом в арке — Военно-морской клуб. На базе ДОСААФ в клубе готовили допризывников — будущих радистов и мотористов для службы на флоте.

Клуб занимал полуподвальное помещение. Из его окон, расположенных на уровне грунта, было видно, как строится швейная фабрика «Радуга». Помещение состояло из большой комнаты, где стояли столы и стулья, и маленькой комнатухи с плитой и окном на уровне с землей, где с семьей и поселился получивший назначение начальник названного клуба капитан второго ранга Леванов Петр Федорович — Батя, как его называли и матросы, и гражданские». В 1950 году старшей дочери Леванова Нине было 12 лет, ее сестрам — Елене и Ирине — 6 и 2 года.

Филиалом Военно-морского клуба ДОСААФ была водная станция (построена на Орлике в 1946 году, относилась к обществу

Петр Леванов на боевой вахте

«Трудовые резервы»). В те времена она находилась в старом деревянном одноэтажном доме на левом берегу Оки, на стрелке. Дом стоял у самой воды — примерно посередине между мостом и местом слияния рек. Ока до устройства плотины была мелкой. Речной ил носили для удобрения при посадке деревьев, которые в те годы горожане сажали, устраивая парк. Деревья в будущем парке и по берегам Оки активно высаживали и члены морского

клуба.

Станция обладала шестивесельными лодками, и молодежь училась управлять с ними. Интересное дело с каждым годом влекло к себе всё больше молодых людей. Членами клуба становились ученики ближайших школ — 26 (мужской) и 32 (женской); сюда также шла молодежь из окрестных домов. Из школьников формировались команды гребцов на шести-, четырех- и двухвесельных шлюпках. «Мы ходили под парусом, спускались вниз по течению. В речных походах участвовали и юноши, и девушки. На перекатах тащили лодки на себе, и никто не жаловался, что трудно, — вспоминает Нина Дрождина (Леванова). — Каждая команда имела закрепленную за ней шлюпку, которую ремонтировали, красили. Ребята обихаживали и территорию вокруг станции — сажали деревья и ухаживали за ними. Часть деревьев мы посадили на правом берегу Оки. Жаль, что перед строительством новой набережной их вырубili. Зимой жизнь на реке замирала. Но вечерами она переносилась в клуб, где продолжались занятия морским делом, а еще можно было поиграть в шахматы, посмотреть диафильмы, а иногда просто потанцевать под патефон».

Душой клуба, его авторитетом и бессменным руководителем был Петр Федорович. К нему шли поговорить и посоветоваться. «К нему всё время тянулись люди, он постоянно был занят. Мы его почти не видели», — вспоминает дочь. По свидетельству тех, кто его знал, Леванов был исключительно порядочным человеком, умным собеседником; он до тонкостей знал морское дело.

О себе рассказывать не любил. Но биографию имел боевую, героическую. Не все ее эпизоды до сих пор известны. «Он родился в 1908 году в Петербурге, — рассказывает Нина Дрождина. — Очень любил море и, изменив год рождения с 1908-го на 1906-й, ушел юнгой на паруснике «Товарищ». Дальше была служба в армии, работа спасателем и комсомольская путевка в Ленинградское высшее мореходное училище. Окончив его в 1936 году с дипломом «Штурман-минер», получил назначение на ТОФ — Тихоокеанский флот». Здесь Леванов служил на тральщике, на торпедных катерах, на больших и малых «охотниках» — охранял беспокойные наши границы. На суше отлично бегал на лыжах: в 1937 году стал чемпионом Приморского края в этом виде спорта.

Затем была война. Леванов стал участником первого десанта на Сахалин. Та высадка морской пехоты, произведенная 16 августа 1945 года в город Отомари (ныне Корсаков), уже к вечеру заставила капитулировать японский гарнизон. В плен сдалось тогда более 1200 японцев. За участие в боях в Отомари Леванов получил личную благодарность И. В. Сталина.

Сражения на Дальнем Востоке велись трудные и жестокие. За подвиги в боях Петр Федорович Леванов был награжден двумя орденами Красной Звезды, орденом Ленина, медалью «За победу над Японией».

Проведя тринадцать лет в походах на Тихом океане, Леванов подал рапорт о переводе его на Большую землю. «Добро» было получено в 1949 году, а с ним и назначение в систему ДОСААФ. Вначале Леванов служил в Баку, затем — в Орле. В 50–60-х годах Военно-морской клуб Орла под руководством П. Ф. Леванова стал важной частью городской жизни.

После постройки плотины река стала полноводной. И водной станции стало тесно на стрелке, где открылся детский парк, а с ним — досуговый центр, зоопарк, прокат велосипедов и аттракционы.

«Тогда по предложению, проектам и эскизам Бати была построена новая водная станция на берегу Оки у подножия Парка культуры и отдыха. Я помню, как он чертил, как рисовал эскизы», — говорит Нина Дрождина. Перенос станции в новое место было делом далеко не простым. Но он был осуществлен, и теперь мы видим это здание вблизи городского пляжа. Леванов добился, чтобы помимо шлюпок новая станция получила скутера, водные лыжи, снаряжение для подводного плавания и водолазное.

В 1955 году капитан второго ранга Леванов был призван на военные сборы. Они проходили на линкоре «Новороссийск». 28 октября 1955 года с ходовых испытаний после ремонта линкор вернулся в Севастопольскую бухту. 29 октября в 1 час 30 минут ночи под днищем носовой части корабля раздался мощный взрыв, в результате которого корпус был проломлен до верхней палубы. В результате взрыва и неудачных спасательных работ погибло 544 моряка «Новороссийска», 67 человек из аварийно-спасательных команд других кораблей, из штабов флота и большинство из тех 500 человек, которые прибыли на линкор накануне с военной базы Порккалла-Удд, — их не успели занести в списки личного состава. Леванов оказался в числе спасенных, хотя продолжительное время находился в холодной, почти ледяной воде, получив при этом сильное переохлаждение.

К 1960 году начали активно работать организации ДОСААФ, комитеты по физкультуре и спорту. В Орле создавались команды по стрельбе, плаванию, гребле. «Команды гребцов, водомоторников проводили соревнования. На станции устраивались праздники Нептуна, команды выезжали на соревнования в Тулу, Калугу, Курск, Киев. Кроме Военно-морского клуба в Орле были клуб стрелковый и аэроклуб, где занимались парашютным спортом, летали на планерах, занимались в автошколах. Молодежь не была «бесхозной», — говорит Нина Дрождина. — Свой вклад в дело воспитания молодежи внес и Батя».

Выйдя в отставку, Леванов остался на станции инструктором. Возле него всегда была молодежь. Он продолжал обучать юных орловчан подводному плаванию и гребле. Кого-то он просто учил плавать.

Умер Петр Федорович Леванов 20 февраля 1974 года. 23 февраля, в День Советской Армии и Военно-Морского Флота, его со всеми воинскими почестями похоронили на Наугорском кладбище Орла. В День Победы внука и правнучка капитана второго ранга Леванова несут его портрет, участвуя в акции «Бессмертный полк».

Памятником Леванову служит спасательная станция на Оке. Хочется верить, что она вновь станет центром, где молодежь будет учиться морскому делу, а значит, и настоящей дружбе, и взаимной выручке, и умению преодолевать трудности.

Елена АШИХМИНА,
кандидат философских наук

ХРАНИТЕЛЬ СЛАВЫ 57-го ЯХТ-КЛУБА ЭДУАРД МИХАЙЛОВИЧ ПУГАЧ

Живет в городе Севастополе интересный человек — яхтенный капитан, капитан 2-го ранга Эдуард Михайлович Пугач. В нашей стране известна песня «Севастополь — город русских моряков». Моряков в городе морской славы, служащих, проживающих на пенсии, много. Они создают особый дух, прочувствовать который может каждый попадающий на Графскую пристань или Приморский бульвар командировочный, турист или отдыхающий. Эдуард Михайлович Пугач уникален тем, что, прослужив всю жизнь на флоте, остается носителем живой истории Севастополя,

Э.М. Пугач в музее 57-го яхт-клуба

возглавляя единственный общественный музей Севастопольского 57-го яхт-клуба, созданного 133 года тому назад, практически через 30 лет после окончания Крымской войны и 1-й героической обороны Севастополя. По инициативе нескольких владельцев частных яхт командующий Черноморским флотом вице-адмирал А. А. Пищуров направил прошение Одесскому Генерал-губернатору Х. Х. Роопу, утвердившему положение о создании первого в Российской Империи морского яхт-клуба 9 апреля 1886 года. Морское министерство утвердило Устав Севастопольского яхт-клуба в течение двух недель. Формально первый Императорский яхт-клуб, именовавшийся Невской флотилией, был создан еще в 1718 г. Царем Петром Первым. Второе рождение Императорского яхт-клуба состоялось в 1846 г. на Неве в Санкт-Петербурге при Императоре Николае Павловиче.

Среди инициаторов создания Севастопольского Императорского парусного клуба были: Начальник штаба флота и портов Черного и Каспийского морей младший флагман М. Д. Новиков; первый командор яхт-клуба, градоначальник и командир Севастопольского порта контр-адмирал М. Н. Кумани; старший судостроитель

Севастопольского порта штабс-капитан К. Н. Арцеулов; герой 1-й обороны Севастополя адмирал И. М. Манто и другие..

Многие наши знаменитые флотоводцы, начиная от Царя Петра, родились вдалеке от морей. Эдуард Михайлович Пугач считает себя коренным севастопольцем, но родился он за месяц до намеченного срока на родине отца в Смоленске, куда семья приехала в отпуск к родственникам. Со Смоленщины, кстати, родом адмирал П. С. Нахимов. Но уже через 4 дня после появления на свет Эдуард был уже в Севастополе. Как и город-герой, он сам — живая история. В 6 лет его с другими детьми эвакуировали из осажденного фашистами Севастополя ночью при тумане на теплоходе «Котовский», который смог дойти до Сухуми, где их встретили два наших охотника, спасших от гибели, отогнав вражескую авиацию. В Севастополе у него остались отец — авиационный механик, впоследствии служивший в транспортной авиации, и мать — полевая связистка, после ранения воевавшая на Кавказе. В Сухуми Эдика пристроили к тетке — операционной хирургической сестре, работавшей в госпитале, у которой времени не хватало не только на племянника, но даже на сон из-за постоянных операций. И его взял к себе на корабль ее муж — командир корабля Пятого дивизиона охотников в Очамчире. Один раз на корабль с проверкой поднялся адмирал. Увидев мальчика сначала напрягся, нахмурил брови, но командир смог объяснить присутствие племянника. Адмирал сменил гнев на милость, распорядился принять на довольствие и пошить форму юнге Пугачу приказом от 11 сентября 1944 года. Конец войны юный моряк встретил в Одессе 15 мая 1945 года в возрасте 8 лет. О судьбе родителей Эдуард ничего не знал до окончания войны. Слава Богу, все остались живы, и семья смогла воссоединиться осенью 1945 года. Как рассказывает Эдуард Михайлович о своем послевоенном детстве в разрушенном Севастополе, рыбаками были все жители города, спасавшиеся ловлей рыбы, которой после войны было огромное количество, и кукурузой, иногда доставляемой с берегов Кавказа.

После войны в полностью разрушенном Севастополе с нуля стал возрождаться 57-й яхт-клуб, в котором было 16 трофейных яхт, главным образом из Италии и Румынии, и 2 затопленные во время войны яхты, поднятые со дна Южной бухты. На крейсера детей не брали, а отправляли заниматься сначала греблей, ватерполом, водно-лыжным и водно-моторным спортом, которые были широко развиты в Севастополе еще до войны. В 1948 году на базе бригады торпедных катеров уже был открыт самодельный бассейн, сделан-

ный из поднятой на берег баржи. В первых послевоенных чемпионатах Черноморского флота участвовало до 28 команд. В 1952 г. на Кубке страны по водному полу в Ярославле севастопольцы заняли 2-е место, а из этого самодельного бассейна выросла первая олимпийская чемпионка в истории СССР по плаванию Галина Прогуменщикова.

Заниматься Эдуард Михайлович пришел в клуб 70 лет назад, 15 июня 1949 года. После учебы в школе, где в одном классе учились разновозрастные ребята, быстро осваивавшие науки и нагоняющие пропущенные войной знания, чему способствовала тяга к жизни, Эдуард поступил в Симферопольское художественное училище. Недостаток еды компенсировал работой в столовой, за которую не платили, но зато кормили. Как и у всех его ровесников, была одна мечта — служить на флоте. По окончании училища попал на 625-ю батарею в Александровскую бухту, где впоследствии после увольнения в запас стал работать главным тренером 57-го яхт-клуба Черноморского флота. Присягу принял в день своего рождения, в День артиллерии, 19 ноября 1955 г. Служил на батарее на Макензеевых горах, на крейсере «Дзержинск», как он сам выражается: «Служить было тяжело, но интересно». Службу совмещал с занятиями спортом, и не в каких-то спорттротах. Везде тогда занимались секционной работой. 26 раз был чемпионом Черноморского флота по плаванию на разных дистанциях, 14 раз — чемпионом ВМФ, выигрывал дальние заплывы на 10, 15, 20 км. Многократно выигрывал соревнования по гребле, парусу и в других морских дисциплинах. Поступил на военное отделение Института имени Лесгафта. В составе самого крупного соединения Военно-морского флота из 33 надводных кораблей, из которых только 14 были 1-го ранга, побывал во многих океанах и морях, портах и городах, в разных странах мира. С 1974 по 1980 г. Э.М. Пугач служил начальником физподготовки Северного флота. Построил самый северный стадион не только в нашей стране, но и в мире на Новой Земле. Бывал в различных экспедициях по поиску исследователей Арктики: барона Э.В. Толля и нашего земляка В.А. Русанова в районе Таймыра, Новой Земли и Шпицбергена.

Эдуард Михайлович — единственный в СССР офицер, награжденный двумя орденами «Знак Почета» и орденом «За службу Родине» 3 ст. за свою специальность начальника физической подготовки, работая в учреждениях ВС с 4.05.1953 г.

24 ноября 1982 г. капитан 2-го ранга Э.М. Пугач вернулся в родной Севастополь, в 57-й яхт-клуб Черноморского флота. К тому

моменту после войны яхт-клуб возродился практически с нуля, были возвращены многие традиции Черноморского флота. И даже по сегодняшний день результаты севастопольцев во многих видах остаются недостижимы. 26 лет команда Черноморского флота становилась чемпионом СССР по гребле, парусному спорту, парусному многоборью на ялах. Николай Федорович Вечирко подготовил с 1947 г. 318 мастеров спорта, 117 человек стали победителями и призерами Олимпийских игр и других международных соревнований. Замок начальника клуба работал легендарный яхтсмен, трехкратный олимпийский чемпион Валентин Григорьевич Манкин, состоявшийся как спортсмен в Севастополе. Перечислить всех чемпионов СССР, Европы, Мира не представляется возможным. Например, рекорд Евгения Ковалева по водно-моторному спорту в глассере не побит по сей день. Когда Э. М. Пугач пришел в клуб, были уже заслуженные тренеры России и СССР. Подготовка спортсменов была на самом высоком уровне. Но самую тяжелую работу по начальной подготовке на себя брали немногие. Эдуард Михайлович подготовил и написал программу по подготовке гребцов и рулевых. До сих пор по этой программе начальной подготовки в теоретической и практической части готовят на всем Военно-морском флоте России. Эдуард Михайлович вывел в люди многих известных спортсменов и тренеров, прививая им те знания в различных дисциплинах водных видов спорта, которыми владел в совершенстве с молодости. До недавнего времени в 81 год он был тренером по одному из самых технически и экстремально сложных видов парусного спорта — виндсерфинга.

Продолжает заниматься помимо спорта другим любимым делом — живописью, участвовал во многих выставках и во время службы на флоте, и в запасе, на гражданке. Бесплатно реставрировал иконы, передавая их восстанавливающимся после многих десятилетий разорения храмам и монастырям. Денег за свою работу не брал, но тех, кто имел финансовую возможность, просил закупать для своих доскарей материалы — пленки, дакрон, карбон, клеи и смолы за границей, поскольку в нашей стране с этими материалами была большая проблема. Те же мачты для парусных досок ломались, как спички, паруса рвало в клочья. Сам чинил, реставрировал, шил паруса, порою тратя на мачтасть всю свою северную пенсию и тренерскую зарплату.

Делом жизни Эдуарда Михайловича стал общественный музей 57-го яхт-клуба Черноморского флота, в котором он является ди-

ректором и хранителем на общественных началах. Когда-то яхт-клуб размещался на Приморском бульваре, был построен в мавританском стиле. Членами клуба были командиры кораблей, морские офицеры и офицеры Севастопольского гарнизона. Среди почетных членов клуба значились путешественник Н. Н. Миклухо-Маклай, художник И. К. Айвазовский, певец П. В. Собинов. В 1902 г. яхт-клуб посещал Император Николай Второй. Сейчас в музее, размещающемся в одном зале, собраны уникальные экспонаты первого в России морского яхт-клуба, созданного в 1886 г., командорами которого были еще герои первой обороны Севастополя. Регулярно Э. М. Пугач посещает Братское кладбище на Северной стороне Севастополя, где упокоены герои 1-й обороны города, вместе с воспитанниками отмывает памятники и следит за могилами первых севастопольских яхтенных капитанов и командоров яхт-клуба.

Как рассказывает Эдуард Михайлович, музей появился благодаря инициативе яхтенного капитана, чемпиона Украины, капитана 3-го ранга инженера-механика Петра Ивановича Тимофеева, пришедшего заниматься в яхт-клуб еще в 1946 г. В то время в яхт-клубе еще работал Иосиф Емельянович Безродный, посвятивший всю свою жизнь парусному спорту — с 1906 по 1960 год, много чего знавший и многое переживший. Вместе П. И. Тимофеев и Э. М. Пугач стали искать сведения о начальном периоде развития яхтинга в Севастополе, но после войны практически все было уничтожено. Поиски привели в Центральный военно-морской музей в Ленинграде и в Гатчину. Сейчас Эдуард Михайлович озабочен, кому можно передать музей и его богатый материал.

Во времена Украины и общего развала Э. М. Пугач с соратниками сумел сохранить историю 57-го яхт-клуба ни минуты не сомневаясь, что Черноморский флот всегда будет Российским, а его главной базой останется город-герой Севастополь. В последние годы подрастают юные яхтсмены, которые показывают достойные результаты в различных классах на первенствах и чемпионатах России, Европы и Мира, чьими тренерами являются ученики Пугача. Эдуард Михайлович видит перспективу успеха для спортсменов в упорстве и интеллекте.

— Я желаю упорства спортсменам. Парусник должен знать все, быть в парусном спорте интеллектуалом, а руководству — знаний и понимания значимости места паруса в Севастополе.

Константин ГРАММАТЧИКОВ

СЫГРАТЬ С ВЕТРОМ «В ШАХМАТЫ». СВЕТЛАНА КРОТОВА ХОДИТ ПОД ПАРУСОМ УЖЕ 60 ЛЕТ

Одной из тех людей, которые способствовали становлению парусного спорта в Орловской области была Светлана Николаевна Кротова — человек-тренер-легенда.

Однажды во время чемпионата Москвы, проходившего на Пироговском водохранилище, судья объявил: «Мы продолжим соревнования после того, как три участницы покормят своих малышей». «Одной из трёх кормящих дурочек была я, — вспоминает Светлана Кротова. — Гонка тогда шла своим чередом. И вдруг — штиль! Лодка ни с места. А на берегу муж с младенцем. Ребёнка кормить пора. К семье меня в итоге доставил катер. Смотрю: вокруг коляски с плачущим сыном уже толпа мужчин образовалась. И один громче всех кричит: «Пустите, я знаю, что нужно делать, — на троих алименты плачу!» (смеётся.)

Её беззаветная любовь к морским просторам родом из «Артека», где она оказалась в 1944 г., сразу после освобождения Крыма от фашистов. Отцу Светланы, Николаю Кротову, тогда поручили восстанавливать детский лагерь. До войны у него уже был опыт работы в «Артеке» в качестве старшего вожатого. Здесь он встретил юную Клавдию. Поженились влюблённые в мае 1941 г. Светлана родилась в эвакуации в Омске. Возвращение в Крым было радостным событием для семьи, где к тому времени появился и маленький братик. Детство, наполненное морским воздухом и спелыми фруктами, придало Светлане сил на многие годы вперёд, годы, когда за право не расставаться с водной стихией ей приходилось бороться.

«Шла на работу и плакала»

Школьная пора совпала у Светланы с переездом семьи в Москву. Она страшно тосковала по морю, всё мечтала: скорее бы каникулы. И вот, как по волшебству, в один из дней в дверь её класса постучали. Вошёл тренер, набиравший детей в секцию парусного спорта. Дело в том, что жила Светлана рядом с клубом ЦСК, который курировало Министерство Военно-Морского Флота. С тех пор каждую свободную минуту она проводила на воде. Привыкла к мокрой одежде. Это сейчас спортивная форма яхтсменов шьётся из специальных непромокаемых материалов. А 60 лет назад — окатило ледяной

водой с ног до головы? Ничего, тренируемся дальше. Зато потом сами спортсменки придумали нововведение. «Стали шить брюки из детской клеёнки, — говорит Кротова. — Не самые удобные, конечно, зато воду не пропускали».

Упорство и любовь к парусу привели 17-летнюю Светлану в 1959 г. к званию чемпионки СССР.

*Слева рулевая яхты класса «Эмка»
Светлана Кротова*

В дальнейшем она не единожды становилась чемпионкой Москвы. Школьная скамья сменилась студенческой. На лекции красавица Светлана, которую за глаза называли «итальянкой» (за внешнее сходство со звёздами итальянского кино), приходила с тёмными от краски и лака руками. В яхт-клубе она не только тренировалась, но и собственноручно шкурила, красила своё судно.

Любовь настигла её тоже недалеко от причала. Муж — такой же увлечённый спортсмен. Иначе разве стал бы он ждать Светлану на берегу с коляской? Однако рождение второго сына заставило даже такую «упёртую» спортсменку сбавить темпы. Впрочем, как только младший начал ходить, чемпионка вернулась на воду. Но уже в качестве детского тренера. Яхт-клуб «Аврора» стал для неё в прямом смысле домом. «Летом родители привозили к нам детей сразу на пять дней — с понедельника по пятницу. Спортсмены после тренировок всегда голодные. Столовой еды не хватало. Придумала я собирать на колхозном поле остатки урожая картошки, чтобы запекать на костре. Дети в восторге, а начальство в крик. Мол, уволим: разводя огонь, вы правила нарушаете! Но за меня всегда родители вставали горой».

В 1991 г. руководство решило передать место, где базировалась «Аврора», под коммерческую стоянку катеров и крейсерских яхт. Светлана отказывалась верить, что клуба, которому она посвятила 20 лет, больше нет. И устроилась на родном причале сторожем, на бумаге её должность значилась как «вахтенный матрос». Вместе с ней дежурил Вася — огромный лохматый пёс, который прибил к спортсменам за несколько лет до этого. Почему-то именно в ми-

ниатурной Светлане он признал хозяйку. Её катер мог различать по звуку мотора. Судно Кротовой ещё не было видно на горизонте, а Вася уже мчался к берегу. Благодаря Васе матрос Кротова сорвала ночное ограбление соседней организации, где хранились дефицитные автозапчасти. Собаке для этого потребовалось всего лишь положить лапу на плечо нарушителя. Сторожем Светлана проработала год, пока последние надежды на возрождение клуба не растаяли. Ей предложили место инструктора в бассейне. «Я шла туда на работу и плакала. После наших открытых просторов — замкнутое помещение и запах хлорки».

Три стареньких «Оптимиста»

Впрочем, плакала Светлана недолго. Она начала действовать. Присмотрела маленький пятачок на спортивно-водной базе в Строгине. На берегу стоял старый ларёк, в нём в советские времена сигареты продавали. На следующие 20 лет эта будка превратилась в «офис» заслуженного тренера РФ. Ржавый контейнер, обнаруженный по соседству, Светлана Николаевна определила под склад инвентаря. А благодаря своим связям сумела раздобыть три стареньких «Оптимиста» (класс яхт, на которых дети самостоятельно ходят в возрасте с 8 лет до 15 лет). Слух о том, что легендарный тренер вновь набирает учеников, распространился со скоростью света. Несмотря на спартанские условия, у Кротовой не было отбоя от учеников. Один из родителей рассказывает: «Мой сын Тимофей 7 лет тренировался у Светланы Николаевны в Строгинской пойме. Сейчас он в сборной Москвы. Помню и табачный ларёк, и ржавый контейнер. Но все старались помочь. Один папа собственными руками построил для секции ещё две яхты.

А меня лично поразил случай в бассейне. Двадцать ребятишек в воде. Светлана Николаевна у бортика. И я рядом — так вышло. Вдруг она: „Срочно помоги тому мальчику. У него ногу свело!“ Я кинулся, вытащил парнишку из бассейна. И правда, ногу свело. Но как она это определила среди такого количества детей? Причём в момент, когда он сам ещё даже не пикнул?!»

За полвека заслуженный тренер РФ Светлана Кротова воспитала десятки чемпионов мира, Европы, СССР и России. Но чемпионство никогда не было для неё самым важным. «Моя главная цель — чтобы дети полюбили парус, — говорит она. — И добавляет: — В парусном спорте, который называют „шахматы на воде“, мало иметь хорошую физподготовку, важно быть тактиком и стратегом.

Уметь предугадать движение ветра. Собрать и проанализировать за секунды множество факторов, чтобы сделать верный ход. Водная стихия очень быстро сбивает с человека спесь, гордыню. Не зря же говорят: море ошибок не прощает. Здесь особенно понимаешь, как важно плечо друга. Без взаимовыручки на море делать нечего. У нас даже в правилах записано: если твоему сопернику во время соревнования грозит опасность, ты должен прекратить гонку и помочь ему. Парус учит ребёнка благородству».

Светлана Кротова

В «Артек», где зародилась её любовь к морю, Светлана Кротова вернулась спустя много лет вместе с учениками. «Проведала домик, где жила наша семья. Подхожу, а там женщина: „У нас ничего не сдаётся!“ А я ей: „Не поверите, но я в этом домике с родителями 70 лет тому назад жила“. Прошлась тропинками, где бегала маленькой девчонкой. Тогда на мне был костюмчик с очень удобными карманами, куда помещалось много ракушек. Подарила мне его женщина в шляпке. Мама, когда я повзрослела, рассказала, что это была жена английского премьер-министра Черчилля».

Знаменитый «офис» Кротовой — ту самую табачную будку — в прошлом году снесли. И построили двухэтажное здание школы со спортзалом, раздевалкой, душем, туалетом. Светлана Николаевна, которой в этом году исполнилось 77 лет, — по-прежнему востребованный тренер. К ней снова стоит очередь из желающих полюбить парус.

Мария ПОЗДНЯКОВА,
газета «Аргументы и факты»

ИСТОРИЯ ПАРУСНОГО СПОРТА ОРЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ ЧЕРЕЗ ИСТОРИЮ ПАРУСНОГО ФЛОТА РОССИИ

7 лет назад в «Орловском военно-историческом музее» прошла выставка «Орловский парус под Андреевским флагом», посвященная

*Г.И. Шайдуко на открытии выставки
«Орловский парус под Андреевским флагом».
2012 г.*

100-летию «Российского парусного союза» — ВФПС и 10-летию «Орловской областной федерации парусного спорта», которая сейчас функционирует на постоянной основе в офисе «ОФПС».

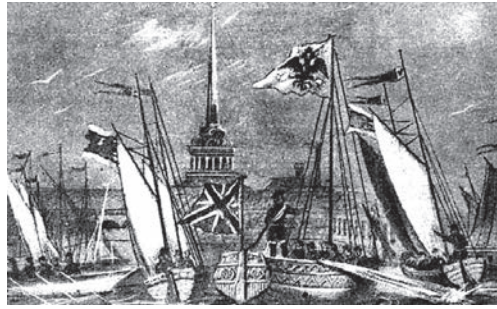
Название выставки выбрано не случайно, поскольку учреждение «Россий-

ского парусного гоночного союза» происходило в стенах Морского ведомства, а указ о его создании подписал морской министр адмирал И. К. Григорович в 1912 году. Тогда российские яхтсмены первый раз выступили на Олимпиаде в Стокгольме, впервые завоевав бронзовые медали на яхте «Галлия-2». Именно с этого времени ведет свою историю «Всероссийская федерация парусного спорта», считающая «РПГС» своим предшественником.

Но если посмотреть глубже, то, по мнению многих специалистов и историков, парусный спорт появился при создателе Российского регулярного флота Царе Петре Алексеевиче в 1718 году, когда в Санкт-Петербурге была создана Потомственная Невская флотилия. Задолго до многих европейских яхт-клубов и за два года до создания старейшего английского королевского яхт-клуба на Неве было построено 141 парусно-гребное судно различных классов. Впервые был утвержден спортивный яхтенный и буерный флаг, разработана форма Невской флотилии. Целью преобразователя России было привлечь подданных к парусу через регулярные занятия, развивая интерес к флоту и его традициям. После смерти Петра Великого Невская флотилия постепенно прекратила свое существование, но Россий-

ский парусный флот получил мощное развитие, прославив Андреевский флаг в целом ряде блистательных морских сражений, походах, научных экспедициях и географических открытиях.

На флоте состязательные гонки среди парусников вновь стали проводиться в 1847 году

Невская флотилия

в царствование Императора Николая Павловича. Тогда же возник Императорский яхт-клуб, а позже по всей стране образовалось около 70 яхт-клубов и секций в разных губерниях. В этом списке мы не найдем города Орла, в котором парусный спорт появился только 17 лет назад. Но все-таки история, связанная с флотом и парусом, в нашей области есть. Так, еще во времена походов киевских князей упоминаются племена вятичей, ходивших на Корсунь и Царьград, на Византию и Хазарию в составе дружин князей Игоря, Олега, Святослава и Владимира. Помимо пути «из варяг в греки» хорошо был известен путь из варяг в Персию, проходивший в том числе по волокам в верховьях Оки на Днепр и Дон, через Десну, Сосну и их другие притоки.

Как это ни удивительно может прозвучать сегодня, но своему губернскому статусу Орел обязан своей струговой пристани, являвшейся центральным узловым пунктом по поставкам хлеба из малороссийских губерний в города Волго-Окского бассейна. Орловская пристань стала утрачивать свое значение только с середины 19 века. В течение двухсот с лишним лет Орел был портовым городом, задолго до того как Москва стала «портом пяти морей» в 30-е годы 20 века. По большой воде по Оке в начале навигации из Орла ходили специальные суда, называемые орловскими или «орловками», при попутном ветре несущими паруса. Сохранились документы, указывающие на то, что орляне (жители Орла) участвовали в строительстве Днепровской флотилии в Брянске и Азовской флотилии в Воронеже. Из Орловской губернии поставляли для флота пеньку, канаты, парусину, производившиеся из конопли (основной тогда сельхозкультуры Орловщины). Во времена Петра Первого во многих уездных городах изготавливались отдельные узлы для кораблей

Фрегат «Паллада»

и рангоут. В городе Болхове шились ботфорты и сапоги для морской гвардии.

Мелкопоместный болховский дворянин Филипп Петрович Пальчиков был первым отечественным кораблестроителем, выучившимся судостроению за рубежом и прошедшим практику на всех

российских верфях. Работал на верфях Архангельска, Воронежа, Санкт-Петербурга, Казани, Астрахани. Ему Петр доверил ремонт своего ботика «Святой Николай» (первой царской яхты) — дедушки всего Российского флота, на котором Император принимал морской парад Балтийского флота 1723 года по поводу 2-й годовщины заключения Ништадского мирного договора со Швецией и окончания Северной войны, из которой Россия вышла победительницей (в архивах сохранилась переписка Императора и Ф. П. Пальчикова с подробными отчетами о ремонте ботика). С тех пор традиция морских парадов с участием ботика «Святой Николай» сохранялась практически при всех Императорах вплоть до 1903 года, когда праздновалось 200-летие Санкт-Петербурга. В наше время эта традиция возрождена на Главном военно-морском параде ВМФ.

Денщик Царя Петра, уроженец села Красное из-под Болхова, генерал граф Григорий Петрович Чернышев, один из героев Северной войны, с 1718 г. являлся членом Адмиралтейств-коллегии и одним из организаторов Невской флотилии.

А его сын Иван Григорьевич Чернышев стал президентом Адмиралтейств-коллегии, генерал-фельдмаршалом от флота, активно продвигал по службе племянника жены своего брата Петра Григорьевича, будущего святого адмирала Федора Федоровича Ушакова. При Императоре Павле Петровиче после смерти И. Г. Чернышева Адмиралтейство возглавлял дмитровский помещик адмирал граф Григорий Григорьевич Кушелев.

В первых гонках парусников в качестве судейского судна участвовал фрегат «Паллада», в 1853–1857 гг. совершивший военный

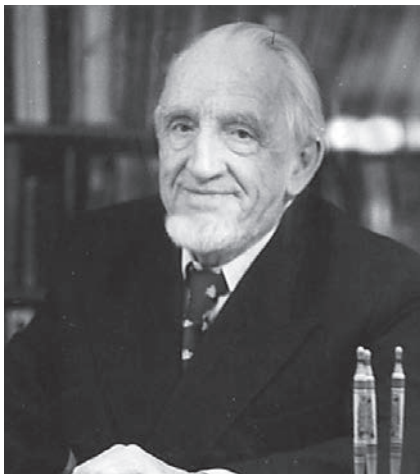
поход парусных кораблей адмирала Невельского на Дальний Восток во время Восточной войны. «Палладой» командовал родственник И. С. Тургенева по мужской и женской линиям адмирал И. С. Унковский. На «Палладе» служил исследователь Сахалина, Курильских островов и Камчатки, впоследствии капитан парусно-парового корабля «Восток» Воин Андреевич Римский-Корсаков, уроженец села Скарятино Малоархангельского уезда (сейчас Верховского района). С 1861 по 1871 г. В. А. Римский-Корсаков служил директором Морского корпуса (МК) в Санкт-Петербурге. Среди

*Королева эллинов
Ольга Константиновна*

его учеников были видные русские флотоводцы и яхтсмены. Контр-адмиралу В. А. Римскому-Корсакову доверил обучение и воспитание своего сына Константина командующий Российским Императорским флотом Великий Князь Константин Николаевич. Великий Князь Константин Константинович Романов (К. Р.) впоследствии стал отцом всем кадетам и гардемаринам. Сестра Великого Князя Константина, супруга Короля Греции Георга I, Королева эллинов Ольга Константиновна вместе с супругом была организатором Первых Олимпийских игр в Афинах, ее правнук — олимпийский чемпион по парусному спорту Король Греции Константин, внук — муж английской Королевы Елизаветы II, военный моряк и яхтсмен принц Филипп.

В Орле Великий Князь Константин бывал неоднократно, в Орловском Бахтина кадетском корпусе (ОБКК) учился его сын Георгий. Многие выпускники Корпуса Бахтина служили на флоте. Последнее кругосветное плавание Морского корпуса 1920 г. из Владивостока в Дубровник прошло на крейсере «Орел», носившем имя города Орла. Выпускники ОБКК, Петроградского МК и Морского училища во Владивостоке, пришедшие на «Орле», стали преподавателями Морского корпуса в Бизерте, служили на кораблях Русской эскадры в Тунисе. Мичманы Николай Недбалъ, Иван Малыгин и Сергей Аксаков занимались с кадетами и гардемаринами

Б.Б. Лобач-Жученко

морской практикой на учебном парусном судне «Моряк» (барк «Великая Княгиня Ксения Александровна»), организацией парусных гонок на яхтах, построенных своими силами по чертежам, присланным из Парижа.

Одним из последних гардемаринов МК 1917 г. и первым чемпионом СССР по парусному спорту 1924 г. из числа основателей советского парусного спорта является Борис Борисович Лобач-Жученко. Его бабушка, писательница Марко Вовчок, урожденная Мария Александровна Ви-

линская, происходила из дворян Орловской губернии. Нелегкая жизнь, испытания Гражданской и второй мировой, служба летчика-штурмовика в морской авиации до конца последних дней не погасили в последнем гардемарине природный заряд оптимизма, которому способствовал парусный спорт. Б.Б. Лобач-Жученко часто приезжал в Орел, где один из залов «Музея писателей-орловцев» посвящен его бабушке М. А. Марко Вовчок-Вилинской. Ежегодно ВФПС с 1996 года за большой вклад в развитие Российского парусного спорта вручает приз года «Памяти Б. Б. Лобач-Жученко» наиболее достойным представителям яхтенного сообщества (в настоящий момент призом Б. Б. Лобач-Жученко награжден 21 человек).

23 ноября 2012 года обладателем звания «Легенда парусного спорта» в рамках акции «Яхтсмен года», приуроченной к 100-летию РПГС-ВФПС, стал Виктор Яковлевич Потапов. Первый чемпион мира в СССР и России по парусному спорту 1978 и 1980 гг., бронзовый призер Олимпиады 1972 года, чемпион Европы 1981 года, 16-кратный чемпион России и СССР, как и Б. Б. Лобач-Жученко, капитан 2-го ранга В. Я. Потапов имел по матери орловские корни. В 70 лет он продолжал активно заниматься парусом, участвовал во многих соревнованиях, гоняясь наравне с внуками в олимпийском классе «Финн», вплоть до трагической гибели в конце 2017 г.

В 2017 году «Федерация парусного спорта Орловской обла-

сти» отметила 15-летие. Из тех, кто был 17 лет назад у истоков Орловской федерации, остались единицы. Но с Божией помощью парусный спорт в Орловской области все-таки развивается, и худо-бедно есть и победы, и определенные результаты. В 2016 г. к 450-летию г. Орла яхтсмены после многих мытарств получили собственную базу парусного спорта

В.Я. Потанов

СШОР № 10, хотя давно были созданы парусные клубы: в 2001-м «Апостол Андрей» при ПМБ св Георгия Победоносца, в 2005-м студенческий Госуниверситета им И. С. Тургенева (ГУ-УНПК, ОГУ), отделение парусного спорта при СДЮСШОР № 10 г. Орла.

Несколько лет потребовалось на оформление документов на участок земли в г. Орле на озере «Светлая жизнь», где в 2016 году появился первый в истории Орловской области яхт-клуб. На заседаниях Попечительского Совета ВФПС рассматривался вопрос о программе поставки модульных мини-яхт-клубов в регионы. На выставке в ОФПС представлен проект яхт-клуба в районе села Высокое Троснянского р-на, где на берегу Железногорского водохранилища в перспективе может быть построен центр подготовки яхтсменов при поддержке государственных, общественных и частных структур. Подготовлен также проект яхт-клуба на озере «Светлая жизнь» в Орле. На стапеле в мастерской ОФПС тренером-преподавателем Иваном Александровичем Поляковым создана самая маленькая спортивная яхта в мире «Малыш», представленная на многих международных выставках, и получившая признание в «Академии парусного спорта» в Санкт-Петербурге, где развивается программа «Малыш» для самых маленьких яхтсменов в возрасте от 5 лет.

Осматриваясь назад, понимаешь, что никакая материальная поддержка не помогла бы, если бы не моральная помощь многих людей и дружественных организаций, к которым следовало бы отнести

*Открытие навигации СШОР №10.
Выступает журналист
и путешественник Евгений Штиль,
рядом капитан Николай Литаяу
на фоне яхты «Мальш». 2017 г.*

коллег из ВФПС, Московской, Липецкой, Воронежской ФПС, городов Ярославля и Москвы, Общероссийского Движения поддержки флота, Фонда поддержки любительского спорта, Молодежного братства святого Георгия Победоносца, Центра боевых искусств имени генерала А. П. Ермолова, общества «Двуглавый Орел» и многих других.

Орловская ФПС в тесном контакте с региональной общественной организацией «Флоту–быть!» под руководством полковника И.В. Глущенко, с которой орловские яхтсмены почти уже сроднились, участвуя в мероприятиях ветеранов флота. Многие из соревнований были посвящены знаковым и юбилейным

событиям в истории Российского государства и флота. В 2012 году впервые в Орловской области была проведена 1-я парусная студенческая регата «Регион 57» к 100-летию последней экспедиции полярника В. А. Русанова на парусно-моторной яхте «Геркулес». В календаре ВФПС в 2013 году статус регаты был повышен с межрегионального до всероссийского уровня. 2-я студенческая парусная регата была посвящена 170-летию Орловского Бахтина кадетского корпуса, 155-летию со дня рождения Шефа кадетских корпусов Великого Князя Константина Константиновича и 400-летию Династии Романовых. В 2014 г. соревнования были приурочены к 300-летию победы в Гангутском сражении, в 2015 г. — к 70-летию Победы в Великой Отечественной войне, в 2016 г. — к 450-летию г. Орла, в 2017 г. — к 350-летию государственного кораблестроения, в 2018 г. — 350-летию Российского флага, поднятого на первом русском военном корабле «Орел», построенном у села Дединова на Оке под Коломной, и 75-летию освобождения Орла от фашистской оккупации в ходе сражения на Орловско-Курской дуге.

В ранние годы Орел посещали выдающиеся и известные российские яхтсмены. Среди них президент ВФПС в 2010–2013 гг., серебряный призер Олимпийских игр в Атланте (США), многократный чемпион мира, Европы, СССР и России Георгий Иванович Шайдуко. 13 декабря, в праздник Апостола Андрея Первозванного, и в дни празднования 30-летия музея В.А. Русанова в офисе ФПС Орловской области побывал всемирно известный яхтсмен, капитан яхты «Апостол Андрей», кавалер ордена Мужества Николай Андреевич Литау. В 2017 г. Н.А. Литау с другими яхтсменами, участниками «Международного фестиваля путешественников», в Орле участвовал в открытии навигации на озере «Светлая жизнь».

Если 17 лет назад в орловской прессе статьи начинались с заголовков «Белеет парус, пока одинокий», то спустя время хочется констатировать, что Орловский парус уже не одинок, жив и развивается.

Несколько лет назад поздравления в адрес ОФПС прислал выдающийся яхтсмен В.Я. Потапов (1937–2017): **«Восхищаюсь, что русский дух живет!!! Успехов Вам в парусном спорте и в жизни! ... Частичка моих достижений и из Орла, родины моей матери, чем я и мои потомки гордимся. Молодцы, есть у кого учиться, у кого память не отшибло. Семь футов Вам под килем!»**

*Подъем флагов командой ДГТУ
(г. Ростов-на-Дону) во время
открытия регаты «Регион 57».
Орел, 2019 г.*

Константин ГРАММАТЧИКОВ,
Президент ФПС Орловской области

Истории русской провинции № 4 (115), 2019 год
Историко-просветительский журнал
Журнал зарегистрирован Комитетом РФ по печати.
Свидетельство о регистрации № 013819 от 21 июня 1995 г.
Адрес выставочного зала: г. Орел, ул. 2-я Курская, 25

ОРЕЛ ПОД АНДРЕЕВСКИМ ФЛАГОМ

12+

Главный редактор: К.Б. Грамматчиков

Верстка: В.И. Максимов

Корректор: А.А. Гудкова

Фото: Игорь Глущенко, Александр Сетраков,

Константин Грамматчиков, Вячеслав Митрохин,

Сергей Чупахин, Ольга Кашаева, Андрей Турбин, Общество

«Россия в красках в Иерусалиме».

Использованы материалы из личных архивов авторов.

Учредители (издатели): Орловский общественно-культурный центр,
Константин Борисович Грамматчиков, Владлен Эдуардович Дорофеев

Материалы журнала опубликованы на сайте «Орел по-русски»

Цена свободная.

Адрес издателя и редакции:

302028, г. Орёл, ул. Горького, д. 42, тел. (4862) 55-11-71